

В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ

Auf der Suche nach dem Glück

В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ
Auf der Suche nach dem Glück

В поисках счастья. Auf der Suche nach dem Glück. Сборник произведений российско-немецких авторов. – Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2014. – 208 с.

Издание подготовлено при финансовой поддержке Правительства Омской области

Составитель: **В.В. Эйхвальд**

Редколлегия: **к.ф.н. В.А. Заречнева, А.Г. Иордан, С.Г. Качеровская, В.В. Эйхвальд**

Предлагаемый читателю сборник произведений российско-немецких авторов «В поисках счастья», чья жизнь в тот или иной период была связана с Омским Прииртышьем, станет заметным событием для тех, кому небезынтересна судьба и культура немцев России. Ценность издания в том, что в нём представлено творчество как классиков русско-немецкой литературы, таких как Александр Цильке и Виктор Гейнц, так и только начинающих писателей и поэтов. Ещё одним достоинством настоящего сборника является его широкое жанровое разнообразие. В него включены отрывки из романов, повестей, драматических произведений, рассказы, шванки, очерки, эссе. Богатство тематики произведений, вошедших в сборник, поспособствует удовлетворению запросов, вкусов читателей разных национальностей, возрастов и интересов.

Сборник рассчитан в первую очередь на руководителей центров немецкой культуры, общественных организаций, творческих коллективов российских немцев, учителей и учащихся школ, учреждений культуры, расположенных в местах компактного проживания этнических немцев, для всех тех, кто занимается благородным делом сохранения и развития этнокультурного потенциала немцев России и кому безразлична судьба одного из народов нашей многонациональной страны.

**Валентина
ЗАРЕЧНЕВА**

*кандидат филологических
наук, доцент,
лауреат Немецкой
национально-культурной
автономии Омской области*

В последние годы в свет вышло немало изданий произведений русско-немецкой литературы как на русском, так и на немецком языке. В 2003 году на средства Министерства культуры Германии был издан Лексикон русско-немецкой литературы (Annette Moritz. Lexikon der russlanddeutschen Literatur). В 2005 году свет увидел альманах «Берлинская лазурь». Регулярно печатается литературная страничка в газете Константина Эрлиха “Russlanddeutsche Allgemeine Zeitung”. В 2012 году в Москве была издана Антология литературы российских немцев второй половины XX – начала XXI века «Навстречу недоверчивому солнцу», капитальный труд, 639 страниц, включивший как творчество уже известных, так и молодых неизвестных русско-немецких писателей, живущих как в Германии, так и в России или СНГ, пишущих как на немецком, так и русском или на двух языках.

Авторы антологии стремились выбрать произведения, отличающиеся высоким эстетическим качеством и отражающие этническую картину мира российских немцев и немецкую тематику, показать состояние современной русско-немецкой литературы, её стремление найти свой путь развития и своего читателя.

Словами Герольда Бельгера можно сказать: «И всё-таки она существует». Да, русско-немецкая литература существует. Но мнения о ней, её статусе, функциях и тенденциях развития самые разные. Особенно отличаются взгляды самих авторов и немецких литературоведов и критиков. В Германии русско-немецкие авторы видят своё будущее в адаптации, возврате в последующих поколениях к полнокровному немецкому языку и сочувствуют своим коллегам в России, так как в условиях «культурной автономии» перспектива для них менее радужная – ассимиляция. Как в России, так и в Германии русско-немецкие авторы не оставляют попытки возродить, сохранить и развить то из своей куль-

туры и литературы, что поможет им преодолеть этап вынужденной этнической рассеянности и творческой несвободы. Они надеются, что их литература будет составной частью общенемецкой литературы. Это возможно только при неразрывном отражении всех трёх времён: прошлого, настоящего и будущего.

Другое мнение выражают немецкие литературоведы и критики. Профессор фон Найхаусс из г. Карлсруэ относит русско-немецкую литературу к литературе мигрантов, к литературе национального меньшинства, а используя игру слов *Minderheitenliteratur* (литература меньшинства) и *Minderdichtung* (неполноценная литература), даже к последней, критикуя её эстетический уровень. Затрагивая вопрос о функции русско-немецкой литературы в Германии, он обращается к темам и текстам этой литературы в различные периоды её существования и отмечает, что эта литература была необходима для того, чтобы не оборвалась нить с покинутой родиной (Германией) и связала переселенцев с новой родиной (Россией). Он упрекает русско-немецких авторов в том, что они не осмелились критиковать советскую действительность и остались в рамках провинциальной, сельской идиллии, приватной сферы, что в Германии они не затрагивают таких важных проблем как интеграция, что всё больше пишут не на немецком, а на русском языке. Эта литература, по мнению немецкого профессора, не выполняет ни эстетических, ни дидактических и воспитательных функций и не имеет будущего.

Однако более распространённым мнением является мнение специалистов, что литература российских немцев сегодня переживает заметный подъём. Об этом говорит Гуго Вормсбехер в предисловии к упомянутой Антологии «Навстречу недоверчивому солнцу». Профессор из Киля Аннелоре Энгель-Брауншмидт, много занимавшаяся русско-немецкой литературой, критиковавшая её эстетическую ценность, пишет во вступлении к Лексикону русско-немецкой литературы, что примеры текстов и их анализ приглашают к дальнейшим занятиям этой литературой, которая наглядно показывает, как немцы в России «жили, смеялись и страдали». Это является явным прогрессом во взглядах на проблему.

Предлагаемый читателю сборник «В поисках счастья» включает произведения российско-немецких авторов, чья жизнь в тот или иной период была связана с Сибирью, Омском или Омской областью. Этническая принадлежность является основным принципом для включения того или иного автора в сборник. Однако есть небольшие исключения. В сборник вошли тексты представителей другого этноса, которым не безразлична судьба этнических немцев, они живут рядом с ними и пишут о них.

Среди авторов разных поколений есть классики русско-немецкой литературы, такие как Александр Цильке и Виктор Гейнц, но есть и новые имена писателей и поэтов.

Что касается жанрового поля, то оно достаточно широкое. В сборник вклю-

чены отрывки из романов, повестей и драматических произведений, рассказы, шванки, очерки, эссе. Но особенно широко представлена лирика. Это и понятно. Здесь можно выразить своё Я и отношение к миру.

Разнообразна тематика произведений. Многие тексты отражают этническую картину мира российских немцев-сибиряков, важным элементом которой является любовь к природе Сибири, к своей малой родине: «Ты для меня отчий дом и родитель, как ты прекрасна, Сибирь золотая» (В. Гергенредер); «Как я тебя люблю, Россия! Родная Родина моя!» (С. Озеред); «Я всё ещё скучаю по Сибири» (Г. Цильке).

Прошлое, Россия, трудная судьба российских немцев остаются неизменными темами авторов («Реквием», «Москва, 21 августа 1991 г.» А. Германа, «Рассказы о трудармейцах» Э. Матера и многие другие). В качестве примера можно также привести роман Виктора Гейнца «В тупике», который знакомит читателя с жизнью в России в послевоенные годы, когда было трудно не только российским немцам, но и другим народам, населяющим эту огромную страну, с годами оттепели и застоя, перестройки и гласности. Подзаголовок романа “Betrachtungen eines Außenseiters in Russland” нельзя понимать дословно, так как главный герой Вилли является одним из нас и глубоко переживает происходящее в России вместе с нами, он не является простым наблюдателем. Язык романа – это образец простоты, народности и эмоциональности.

Эссе В. Гейнца “Lehrer und Ratgeber” посвящено памяти Александра Цильке, который был не только его школьным учителем, но и наставником в творчестве многих включённых в сборник поэтов. Педагог, поэт, писатель, драматург Виктор Гейнц был и останется нашей гордостью.

Поэтическая аура Новоскатовки, окружённой светлыми берёзовыми лесами, повлияла на учителя, поэтессу, переводчицу Светлану Качеровскую, чья проникновенная поэзия является образцом «тонкого психологизма, умения ощутить состояние другого человека или понять сложную ситуацию». Так говорит о самобытном поэте член Союза писателей России Т. Четверикова. Посредник между культурами Светлана Качеровская переводит с русского на немецкий и с немецкого на русский произведения мастеров слова и делает это великолепно, заслужив в 2012 году звание лауреата Международного конкурса им. Виктора Шнитке в номинации «Переводы».

Хочется надеяться, что читателями этого сборника будут не только российские немцы в России и Германии, но и другие любители литературы, просто небезразличные к чужому горю или счастью люди. Они получат большое удовольствие от чтения этого издания.

In der letzten Zeit wurden einige Werke der russlanddeutschen Literatur sowohl in der deutschen, als auch in der russischen Sprache herausgegeben. Mit Unterstützung der Beauftragten der Bundesregierung für Kultur und Medien erschien “Lexikon

der russlanddeutschen Literatur” von Annette Moriz. 2005 wurde Almanach “Berliner Lasurblau” veröffentlicht. Regelmäßig wird die Literaturseite in der Russlanddeutschen Allgemeinen Zeitung von Konstantin Ehrlich gedruckt.

2012 wurde in Moskau die Anthologie der Literatur der Russlanddeutschen der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts - des Anfang des 21. Jahrhunderts “Der misstraurischen Sonne entgegen” veröffentlicht, grandioses Werk, 639 Seiten, das das Schaffen sowohl schon bekannter, als auch junger unbekannter Schriftsteller einschließt, die in Deutschland oder in Russland und GUS-Ländern leben und sowohl in der deutschen, als auch in der russischen Sprache oder in den beiden Sprachen schreiben. Die Autoren der Anthologie waren bestrebt, die Werke auszuwählen, die von hoher Qualität waren und das ethnische Weltbild der Russlanddeutschen und deutsche Thematik widerspiegeln, den heutigen Zustand der gegenwertigen ruslanddeutschen Literatur zu zeigen, ihr Bestreben, ihren Entwicklungsweg und ihren Leser zu finden.

Herold Belger sagt: Sie besteht doch. Ja, russlanddeutsche Literatur besteht. Aber die Meinungen über ihren Status, Funktionen und Entwicklungstendenzen sind sehr verschieden. Besonders unterscheiden sich die Ansichten der Autoren selbst und die der deutschen Literaturschaffenden und Kritiker.

In Deutschland sehen die russlanddeutschen Autoren ihre Zukunft in der Adaption, in der Rückkehr der nächsten Generationen zu der echten deutschen Sprache und bemitleiden ihre Kollegen in Russland, da unter den Bedingungen der ‘kulturellen Autonomie’ ihre Aussicht über die Zukunft freudlos ist – die Assimilation. Sowohl in Russland, als auch in Deutschland versuchen die russlanddeutschen Autoren das aus ihrer Kultur und Literatur auferstehen zu lassen und aufzubewahren, was ihnen hilft, die Etappe der gezwungenen Unsicherheit und der schöpferischen Unfreiheit zu überwinden. Sie hoffen, dass ihre Literatur zum Bestandteil der gesamten deutschen Literatur wird. Das ist möglich nur bei unzertrennlicher Widerspiegelung aller drei Zeiten: gestern, heute und morgen.

Einer anderen Meinung sind die deutschen Literaturwissenschaftler und Kritiker. Professor von Nayhauss aus Karlsruhe zählt die russlanddeutsche Literatur zu der Literatur der Migranten, zu der Literatur der nationalen Minderheit, das Wortspiel gebrauchend Minderheitenliteratur und Minderdichtung, zählt er sie zu der letzten, indem er ihr ästhetisches Niveau kritisiert. Während er die Funktionen der russlanddeutschen Literatur in Deutschland nachvollzieht, wendet er sich an die Texte dieser Literatur in verschiedenen Perioden ihres Bestehens und bemerkt, dass diese Literatur notwendig war, um die Verbindung mit der verlassenenen Heimat (Deutschland) aufrechtzuerhalten und die Umsiedler mit der neuen Heimat (Russland) zu verbinden. Er wirft den russlanddeutschen Schriftstellern vor, dass sie nicht wagten, die sowjetische Wirklichkeit zu kritisieren und im Rahmen des provinziellen Dorfidylls, der Privatsphäre geblieben waren. In Deutschland sprechen sie solche wichtige Themen wie Integration nicht an, dass sie immer mehr in der

russischen, nicht in der deutschen Sprache schreiben. Diese Literatur, meint der deutsche Professor, erfüllt weder ästhetische, noch didaktische und erzieherische Funktionen und hat keine Zukunft.

Aber verbreitet ist die Meinung der Fachleute, dass diese Literatur heute im Aufschwung ist. Darüber spricht Hugo Wormsbecher im Vorwort zur erwähnten Anthologie „Der misstraurischen Sonne entgegen“. Professor aus Kiel Annelore Engel-Braunschmidt, die sich viele Jahre mit der russlanddeutschen Literatur befasst und ihren ästhetischen Wert kritisiert hat, schreibt im Vorwort zum Lexikon von A. Moritz, dass die Beispieltexte daraus und ihre Analyse zu der weiteren Beschäftigung mit dieser Literatur auffordern und veranschaulichen, wie die Deutschen in Russland „gelebt, gelacht und gelitten haben“. Das ist schon ein Fortschritt in den Ansichten auf das Problem.

Der vor dem Leser liegende Sammelband „Auf der Suche nach dem Glück“ schließt die Werke der russlanddeutschen Autoren ein, deren Leben einst mit Sibirien, Omsk oder Gebiet Omsk verbunden war. Ethnische Zugehörigkeit ist wichtig, um den Autor in den Band einzuschließen. Aber es gibt einige Ausnahmen. In den Sammelband sind einige Texte der Vertreter der anderen Völker eingeschlossen, denen das Schicksal der ethnischen Deutschen, die neben ihnen leben, nahe liegt und darum schreiben sie darüber.

Unter den Autoren verschiedener Generationen gibt es Klassiker der russlanddeutschen Literatur, solche wie Alexander Zielke und Viktor Heinz, aber es gibt neue Namen und Laien.

Was das Genrefeld des Bandes betrifft, so ist es breit genug. Hier gibt es Auszüge aus den Romanen, dramatischen Werken und Novellen, Erzählungen, Schwanke, Berichte, Essay. Aber besonders breit ist die Lyrik vertreten. Das ist selbstverständlich. Hier kann man sein Ich und sein Weltverhalten zum Ausdruck bringen.

Die Thematik der Werke ist vielfältig. Viele Texte widerspiegeln das ethnische Weltbild der Russlanddeutschen – Sibirier, dessen wichtiges Element die Liebe zur Natur Sibiriens, zu der „kleinen“ Heimat ist: Du bist für mich mein Vatershaus und meine Eltern, wie schön bist du mein goldenes Sibirien! (V. Gergenreder); Wie liebe ich dich, Russland! Meine traute Heimat! (S. Osered); Ich sehne mich noch nach Sibirien (G. Zielke).

Vergangenheit, Russland, das schwere Schicksal der Russlanddeutschen bleiben unveränderte Themen der Autoren (Requiem; Moskau 21. August 1991 von A. Hermann, Erzählungen über Trudarmisten von E. Matter und viele andere).

Als Beispiel kann man auch den Roman von Viktor Heinz „In der Sackgasse“ nennen, der den Leser mit dem Leben in Russland in den Nachkriegsjahren bekannt macht, das schwer nicht nur für Russlanddeutsche, sondern auch für andere Völker war, die dieses riesige Land bevölkerten, mit den Jahren des Tauwetters und der Stagnation, Perestroika (Umgestaltung) und Glasnost. Der Untertitel des Romans

“Betrachtungen eines Außenseiters in Russland” soll man nicht wörtlich verstehen, weil der Held von Viktor Heinz Willi einer unter uns ist, tief das in Russland vor sich gehende empfindet und kein gleichgültiger Betrachter ist. Die Sprache des Romans ist ein Beispiel an Einfachkeit, Volksverbundenheit und Expressivität.

Essay “Lehrer und Ratgeber” von V. Heinz ist Alexander Zielke gewidmet, der nicht nur sein Schullehrer war, sondern auch Ratgeber für viele in den Sammelband aufgenommene Dichter. Pädagoge, Dichter, Schriftsteller, Dramatiker Viktor Heinz war und bleibt immer unser Stolz.

Poetische Aura von Nowoskatovka, das mit hellen, weißen Birkenwäldern umrungen ist, beeinflusste die Lehrerin, Dichterin, Übersetzerin Swetlana Katscherowskaj, deren Poesie ein Beispiel “des feinen Psychologismus, der Fähigkeit den Zustand des anderen Menschen zu empfinden und eine komplizierte Situation zu verstehen,” ist. So bewertet die Dichterin T. Tschetwerikova, Mitglied des Schriftstellerverbandes Russlands. Vermittler zwischen den Kulturen Swetlana Katscherowskaj übersetzt aus dem Russischen ins Deutsche und umgekehrt die Werke der Weltmeister der Poesie und macht das glänzend, 2012 wurde sie zum Preisträger im internationalen Viktor Schnittke Wettbewerb in der Nomination “Übersetzungen”.

Wir hoffen, dass zum Leser dieses Sammelbandes nicht nur Russlanddeutsche hier in Russland und in Deutschland werden, sondern andere Literaturliebhaber und einfach Nichtgleichgültige zu fremdem Unglück oder Glück. Sie werden Freude am Lesen dieses Buchs haben.

Dr., Doz., Preisträgerin der deutschen nationalen Kulturautonomie Gebiets Omsk V.A. Zarechneva

**Александр
ЦИЛЬКЕ**
(1910–1981)

Родился в 1910 году в белорусской деревне Хатки. В 1926 году семья переехала в д. Красноярку Шербакульского района Омской области, а два года спустя – в д. Новоскатовку, где он прожил до конца своих дней. Работал учителем. Писал на немецком языке. Публиковался в газетах («Neues Leben», «Freundschaft», «Rote Fahne»), многие стихи вошли в сборники («Hand in Hand», «Ein Hoffen in mir lebt», «Sage über meine Freunde», «Er lebt in jedem Volk», «mein Schöntal–Nowoskatowka») и книги для чтения для школ с родным немецким языком. В 1981 году в г. Алма-Ате вышел авторский сборник стихов поэта, который переиздавался в Новосибирске в 1998 и 2000 годах. Стихи А. Цильке вошли в «Антологию мировой немецкой литературы».

Mein Schöntal

Sei mir begrüßt,
mein liebes Dörfchen,
mein Schöntal,
umkränzt von grünenden Hainen.
Ich liebe dich
Und das Trillern der Lerchen,
des Ährenfelds Wogen
im sonnigen Scheine.

Ich liebe euch Menschen,
o teure Genossen,
die hier auf dem Pfad mir begegnet.
Ein halbes Jahrhundert
mit euch ist verflossen.
Euer Wirken und Tun
sei immer gesegnet.

Ich grüße dich
mein Schöntal ,
wieder und wieder.
Dein bin ich
Und bleib es für immer.
Will singen mit dir
deine schönen Lieder.
Dir - jeder Herzschlag,
dir - meine Stimme!

Sibirien

Mein Steppenland, du hast aus Schnee
Dir angetan ein weißes Hemd.
Wie glänzt der Himmel über dir!
Wie bist mit Licht du überschwemmt!
Und wenn im Abendsonnenstrahl
Der Wind sich über dir erhebt,
dem Auge , zart und wunderbar,
aus Perlen sich ein Schleier webt.
Sibirien, mein Heimatland,
einst klang dein Name kalt und wild.
Doch wer dich kennt, der weiß es ja,
mit welchen Schätzen du erfüllt.

Die Liebe

Sie huscht in den Zweigen zum Rosenstrauch.
Sie raschelt im Grase beim Morgenhauch.
Sie wiegt sich auf Wellen, auf blauer Flut
und lacht entgegen der Sonnenglut.

Sie flüstert im Nachtwind beim Mondesschein
und lugt durch das Fenster ins Kämmerlein.
Sie rauscht in dem Blute, das heiß es erglüht
und jubelt vor Freude in meinem Gemüt.

Winter

Bildschön ist mein Steppenland,
wenn es schmückt des Winters Hand:
Sonnbegossen,
lichtumflossen
flammt und loht's im Schneegewand.

Und so weit der Himmel blaut,
und so weit mein Auge schaut,
silberschimmernd,
sterneflimmernd,
sieht es, wie des Frühlings Braut.

Seht die Birke dort! Das Haar
aufgeputzt so wunderbar!
Schneebeflockt,
hübsch gelockt,
funkelt sie im Winterstrahl.

Wenn ein rauer Wind sich hebt,
auf sie aufgeschreckt erbebt,
wenn er schmeichelnd,
zart sie streichelnd,
dann erwartet sie schon längst
ihren Bräutigam, den Lenz.

Frühling

Himmelblau verschwimmt auf Wolkenhügeln,
schimmert durch die junge Sonnenglut.
Grüne Matten breiten sich wie Flügel.
Durch die Wälder rauscht des Frühlings Flut.

Lerchen schwingen sich in blaue Gründe.
Freudetrunken singt's im Äthermeer.
Unten bläht sich auf die Ackerrinde,
trinkt des Frühlings Säfte mit Begier.
Und auch ich kann länger mich nicht halten,
jauchze mit im Chor, der ringsum klingt.
Ob das Haar schon bleich, die Stirn in Falten,
doch wie gern am Lebensborn man trinkt!

Musik

Deine Wellen streifen
behutsam mein Haar,
umspielen schmeichelnd das Ohr.
Sie reißen mich hinein
in die Fluten deines
riesenhaft anschwellenden Meeres.
Deine seidenen Fäden
verspinnen sich mit meinen Herzfasern.
Ich weine und lache!
Ich lasse mein Ganzes
in deine Unendlichkeit versinken
und tauche empor wie ein Neugeborener.

Des Waldes Rauschen

Wie seltsam rauscht es in Waldeskronen?
Es ist deine Stimme, Mutter Natur,
die Stimme aus dem Meer der Äonen.
Ich liege und lausche auf waldiger Flur.
Versunkene Töne, ich höre sie wieder.
Die Tage der Kindheit winken zurück.
Ich höre der Schwester Wiegenlieder.
Ich habe das Bild meiner Mutter erblickt.
Ich spür ihren Hauch auf meinen Wangen.
Sie streicht so sanft über des Kissens Saum.
Schon sind mir die Augen zugegangen.
Ich schlummre und träum meinen goldenen Traum.
Den goldenen Traum vom Jugendblühen,
als ich meine Liebste zuerst geküsst.
Wir blickten entgegen dem Abendrotglühen
und haben den Frühling so herzlich begrüßt.

So lass mich schlummern, Waldesrauschen,
mir ist so wohl, ums Herz so mild.
Möcht ewig hier deinem Flüstern lauschen
und immer schauen dieses Traumes Bild.

* * *

Ich träumte, ich war zuhause
und stand an Vaters Tor,
dort unter der lispelnden Pappel,
und blickte zur Sonne empor.

Und als ich erwachte, wie bitter
enttäuscht schaute ich umher,
sah wieder die schmutzigen Fenster,
und draußen war's neblig und leer.

Ich träumte, ich war zuhause
am Öfchen, wo's immer so warm.
Die Mutter strich mir die Haare
und hielt mich in ihrem Arm.

Und als ich erwachte, wie immer
rings alles um mich sich befand:
im Zimmer vor meinem Bette
die zankende Hauswirtin stand.

* * *

Ich blättere im Buch meines Lebens,
betrachte der Seiten Gesicht.
Wie kraus ist das Letterngewebe,
bald düster beschattet, bald licht.

Hier gibt's der Vignetten die Fülle –
Ein silberbekränzter Schmuck,
dort dunkelt in neblicher Hülle
der Warte verschleierter Druck.

Bald laufen die Zeilen gerade –
Ein bunter, verlockender Steg,
dann gleichen sie finsternen Schwaden
voll Disteln und Dornen ihr Weg.

Es ist ein verstricktes Gewebe
auf dieser zielseitigen Flur.
Ich blättere im Buch meines Lebens
und folge der menschlichen Spur.

**Виктор
ГЕЙНЦ**
(1937–2013)

Родился в 1937 году в деревне Новоскатовке Шербакульского района Омской области. Изучал германистику в Новосибирске. Преподавал немецкий язык в Омском пединституте, кандидат филологических наук; работал заведующим кафедрой иностранных языков Петропавловского пединститута, позже – редактором литературной страницы газеты «*Deutsche Allgemeine*» (Алма-Ата). С 1981 года – член Союза писателей. С 1992 года жил в Германии в Гёттингене. Лирик, прозаик и драматург. Его творческое наследие – шесть сборников стихов и рассказов: «*Lebensspuren*» (1980), «*Regen im Juni*» (1984), «*Herbstwind*» (1988), «*Schritte des Jahrhunderts*» (1988), «*Омчий дом*» (1989), «*Zarte Radieschen und anderes Gemüse*» (2003); три романа: «*In der Sackgasse*» (1996), «*Der brennende See*» (2001), «*Als ich gestorben war*» (2012); театральная трилогия «*Auf den Wogen der Jahrhunderte*» (1993), сборник очерков о диалектах сибирских немцев «*Der eine red't, der andre schwätzt, der dritte babbelt*» (2005). Его произведения привлекают своей откровенностью, эмоциональностью, свежестью, внутренней щедростью.

Lebensspuren

(Auszüge)

Mein Vaterhaus. Ich bin zurückgekehrt.
Die Sorgen abgestreift wie einen alten Kittel,
nah ich mich dir mit unsicheren Schritten.
Wie leicht, wie schwer ist diese Wiederkehr!
Dort führen Fahrradspuren in den Wald,
verlieren sich im Schnee der Birkenrinde.
Hinter den Teichen,
wo das Gäns'geschnatter schallt,
begrub ich meine barfußige Kindheit.
Wie bist du, Heimatdorf, doch schmerzlich klein.
Unheimlich still die Nacht. Nur Hunde bellen.
Es nistet sich im Herzen leichte Wehmut ein.
Und du nur, Vollmond, bist nun mein Geselle.
Auch du gemahnst mich oft an meine Jugendtage.
Wir standen damals meist auf du und du.
Dann tranken wir uns gegenseitig zu
und hatten aneinander keine Fragen.

Das Glockenzeichen

(Auszug)

September. Vierundvierzig...
Kleines Dörfchen...
Ich stand vor einer Scheune mit dem Schild
„Achtklassenschule“
fassunglos und wild, zerlumpt. –
Ein abgehetztes Wölfchen.
Es klingelte...
Ich stand noch auf der Treppe,
Sehnsucht und Hoffnung
war in diesem Klang...
Wie abends vor dem Sonnenuntergang
und früh am Morgen
bei den Hirten in der Steppe.
 Ein kleines Glöckchen,
 Schraubenmütterchen am Faden...
 So stand's im Lehrerzimmer auf dem Tisch.
 Wie gern hätt' ich das Ding einmal erwischt,
 um alle Welt zum Sonnenaufgang einzuladen.
Die Tinte war aus Russ.
Kein Buch und kein Papier.
Vergilbte Zeitungsfetzen waren unsre Hefte...
Wenn mal am Dorfende ein Hündchen kläffte,
so glaubte ich, der Köter sucht nach mir.
 Zu Hause
 saß die Großmutter und flickte.
 Und Flicklappen schon mehr als Hose selbst.
 Ich war damals die Friedseligkeit selbst,
 und dennoch schimpfte sie:
 Du Bengel, ungeschickter!
Ich hockte auf der Ofenbank.
Es war zum Weinen.
Das Kälbchen lutschte mir den großen Zeh...
„Auch du hast Hunger, Kleines?!“
Deine Mutti kann nicht gehen.
Sie ist zu schwach...
Sie hängt im Stall an Leinen.
Sie hat es schwerer noch als ich und du.
Sie muss im Frühling noch den Garten pflügen.

Du leg dich da aufs Stroh
und mach die Augen zu,
bald kommt der Vater...
und die Mutter... aus dem Kriege“.

Es war ein Traum

Du kamst wie ein Komet von ferne,
du kamst und gingst auch wieder fort...
Als sich erhellten Ost und Nord,
erlosch die kleine Stadtlaterne.
Ein scharfer Strom kam mit den Blicken
aus deiner blauen Augen Grund.
Sie schnitten mir die Seele wund
Und hämmerten mein Herz in Stücke.
Und so verstümmelt sah ich plötzlich
des tiefen Abgrunds steile Wand.
Es war ein Traum, der uns verband,
und das Erwachen war entsetzlich.

Deutschland. Ein Herbstmärchen

(In Anlehnung an Heinrich Heine)
(Auszüge)

Im kritischen Monat Oktober war's.
Die Aussichten wurden trüber...
Da hatte ich endlich die Schnauze voll
Und reiste nach Deutschland herüber.
Und als ich dann in Düsseldorf war,
da musst ich vor Rührung fast weinen.
Ich kam ja aus Russland und nicht aus Paris
wie der Dichtermensch Heinrich Heine.
...Ich fiel auf die Knie
und senkte mein Haupt
und küsste die Erde, die warme.
„O heiß mich willkommen, Vater Rhein,
und schließ mich in deine Arme!
Jetzt wird mich schon keiner mehr
anschwärzen hier
und keiner betrügen und täuschen.

Jetzt bin ich zu Hause im Vaterland –
ein Deutscher unter Deutschen...“

...Und wieder wettete Vater Rhein:
„Du bist auf verlorenem Posten!
Die neue computergesteuerte Welt,
das ist dir kein wilder Osten.
Du faselst dauernd von Vaterland,
doch tritt man der Sache näher,
so gibt es hier gar keine Deutschen mehr.
Hier gibt es doch nur Europäer!“

In der Sackgasse

(Auszüg aus dem Roman)

Zu Weihnachten hatte die Großmutter einen schönen Birkenzweig hergerichtet und ihn mit allerlei buntem Zeug geschmückt, das sie weiß Gott wo aufgetrieben hatte. Obwohl im Hause nichts zu brechen und zu beißen war, wollte die arme Frau trotzdem nicht auf die guten alten Sitten und Bräuche verzichten und zauberte sogar kleine Geschenke für jedermann. Wie Großmutter angeordnet hatte, hatten die älteren Kinder kurze Verse vorzutragen. Mit wachsender Ungeduld warteten alle auf das Erscheinen der späten Gäste – des Pelznickels und des Christkindes.

Endlich wurde draußen an die Tür geklopft, und sie traten mit lautem Gepolter ein. Vorneweg der Pelznickel. Er hatte einen nach links gewendeten Schafspelz und große besohlte Filztiefel an, von denen er stampfend den Schnee abtrat. In der rechten Hand trug er einen knorrigen Stock, in der linken einen Sack mit Geschenken. Er hinkte. Und Willi dachte: Ist er auch an der Front gewesen oder war er in der Trud-Armee? Das Christkind hatte einen weißen Kittel über ihren Wintermantel gezogen und sah bei weitem nicht so schlank aus, wie die „Snegurotschka“ in den Märchenbüchern abgebildet war. Willi war etwas enttäuscht, er hatte mehr erwartet. Beim Anblick des derben Stockes in der Hand des Pelznickels war ihm das einstudierte Gedicht völlig entfallen. Hilfesuchend sah er sich nach der Großmutter um. Der Pelznickel stand schon direkt vor ihm, klopfte mit dem Stecken auf den Fußboden und wartete. Ganz unerwartet war der Vers wieder da, und Willi beeilte sich, ihn aufzusagen, ehe er wieder verschwunden war: Do owwe steht e Beemche, / hot so scheene Äst. / Bei unsrem liewe Heiland / is's der allerbest. Erleichtert atmete er auf und empfing sein Geschenk. Die Großmutter war mit ihm zufrieden. Danach war Robert an der Reihe. Er hatte nun einen Vers über das Christkind aufzusagen. Er schien sich ganz sicher zu fühlen. Er trat einen Schritt zur Seite, blieb vor der verummten weiblichen Person stehen,

nahm eine stramme Haltung ein und sagte: Christkindche, dick und kurz, / wenn d'dich bickst, dann läßt d'n Forz.

Die Großmutter sprang von ihrem Stuhl auf und japste vor Aufregung nach Luft: Wer zum Schinner hot dir dann so was beigebracht? Dos woar doch wirre der Schandfleck dodriww.

Die Großmutter war sich sicher, dass diese Idee nicht auf Roberts Mist gewachsen war. Wie immer hatte sie den Nachbarjungen, Peter Kaiser, im Verdacht und wetterte weiter: Der soll mr nor nochemol ins Gebäu komme! Sie fasste Robert am Ohr, zog ihn in die Ecke und zwang ihn auf die Knie. Das war die härteste Strafe, die sie einem für ein vorsätzliches Vergehen auferlegt hatte. Der Pelznickel mischte sich nicht ein, offenbar hatte er aber Mitleid mit den Kleinen.

Der eine spricht, der andre schwätzt, der dritte babbelt

(Auszug)

Als ich in den sechziger Jahren des vorigen Jahrhunderts in Omsk (Sibirien) an meiner Dissertation über deutsche Mundarten in Russland arbeitete, ging ich, ausgerüstet mit verschiedenen Fragebogen und einem Tonbandgerät (damals noch etwa 8 bis 10 Kilo schwer), in einigen deutschen Dörfern von Haus zu Haus und machte Aufnahmen. Das Problem lag nur darin, wie man die Leute dazu bringen konnte, vor dem Mikrophon frei von der Leber weg zu reden.

Um die erwünschten Ergebnisse zu erzielen, war ich zuweilen auch gezwungen, zu einer List zu greifen. Am besten gelang mir solch ein Trick bei Peter Walter (Waldersch Pederche).

Peter war ein kleines dürres Männchen, etwa sechzig Jahre alt, dem der Liebe Gott so viel Energie eingepumpt hatte, dass es von Emotionen nur so strotzte. Es war sehr eigensinnig und in seinem Zorn unberechenbar. Eine unvorsichtige Bemerkung konnte es schon auf die Palme bringen, und du wurdest dann Knall und Fall vor die Tür gesetzt.

Der Alte hatte noch nie ein Tonbandgerät gesehen und war sehr verwundert, als ich ihm als Auftakt ein schönes Volkslied vorspielte. Sobald das Lied zu Ende war und der Hausherr zu reden begann – und das konnte er meisterhaft – rückte ich ihm unauffällig das Mikrophon vor die Nase. Und als ich ihm nachher das Aufgenommene vorspielte – es war eine ganze Menge – fiel der Mann aus allen Wolken. Er schlug sich vor Vergnügen mit den Händen auf die Schenkel, sprang ab und zu auf und wiederholte immer wieder: „Dos sei doch aich! Kisselgewirre! Dos sei doch aich!“ (Das bin doch ich! Kieselgewitter, das bin doch ich!).

Auf den Wogen der Jahrhunderte

(Theatertrilogie)

2. Teil: Menschen und Schicksale

(2. Akt, 5. Bild, gekürzt)

Arbeitslager für Frauen. In einer Baracke. Die Frauen sitzen oder liegen auf Pritschen.

LIESBETH auf der Pritsche sitzend: O Gott, o Gott! Was soll des noch gewwe? Die aane hot sich ufgehängt, die annre will sich vrfriere losse ... Mr könnt grad denke, die Welt müsst unnergehe.

ANNA: Aber es muss doch mal ein Ende nehmen, dieses erbärmliche Hundeleben! Es muss doch mal ein Ende nehmen...

LIESBETH: Gewiss, gewiss, mei Maad. ,s muss mol e End nehme. Wie sagt mr awwer: Der Mensch denkt, und Gott lenkt.

MARIE die im Sterben liegt: O Kinder, meine Kinder! Was soll mit euch werden?! Was soll mit euch werden, ... wenn ich euch nicht mehr helfen kann ... wenn ich mal unter der Erde liege?!

LIESBETH: Loss mol des sei, Marie! Du musst dorchhalte, mei Maad! Bei wem sin se denn jetzt, die Kerlerchen?

MARIE: Bei der Nachbarin. Aber die kann sich selbst schon nicht mehr helfen. An die achtzig ist sie.

LIESBETH: Host 're wohl ein'n Brief geschriewe, Marie?

MARIE: Ich kann ja gar nicht, Weibsleut. Ich kann ja kein Glied mehr rühren.

ANNA: Gleich, Marie, ich helfe dir ... Sag nur, was ich schreiben soll. Sich an eine Frau auf der oberen Pritsche wendend: Hilda, gib mir deinen Bleistift für 'ne kleine Zeit!

HILDA: Ich hun kaan Bleistift.

ANNA: Hilda, ich weiß doch, dass du einen hast. Ich geb ihn dir gleich wieder zurück. Es muss doch sein, Hilda!

HILDA ihr ungern den Bleistift reichend: Pass awwer uf, drück net so arig druff!

ANNA sich auf Maries Pritsche setzend: Na, sag, was ich schreiben soll!

MARIE: Kannst so anfangen: Liebe Wäs Ann-Marie! Mit mir wird's wohl aus sein. Ich mach's nicht mehr lange ... Drum bitt ich Euch sehr ... Lasst meine Kinderchen nicht zugrunde gehn ... Meine armen Kinderchen ... Weint.

Zwei Wachsoldaten führen eine junge Frau mit einem Bündel in der Hand in die Baracke. Die Frau bleibt geistesabwesend und reglos am Eingang stehen.

ANNA: Komm nur her und setz dich! Was hilft's, wenn du herum stehst.

LIESBETH: Wie haaßte denn, mei Maad?

DIE NEUE nach langer Pause: Frieda.

LIESBETH: Komm her, Frieda! Bockig sei, hilft hier nix. Was host'n do indr Hand? Is wohl aach was zum Esse drin?

Frieda legt ihr Bündel schweigend auf die Pritsche, bindet es auf und kehrt wieder auf ihren Platz zurück. Die Frauen kommen hinzu und machen sich über den Zwieback her.

LIESBETH: Vun wu bist'n kumme, Frieda? Verzähl uns doch was!

FRIEDA aufbrausend: Ich bin nicht gekommen! Ich wollte überhaupt gar nicht kommen! Die haben mir die Hände auf dem Rücken gefesselt ... haben mich auf den Schlitten gezerrt und weggefahren. Die Kinder sind hinter dem Schlitten hergelaufen, haben geschrien und geweint ... Und ich konnte ihnen nicht helfen ... Da kann man ja verrückt werden. Hält sich die Hände vors Gesicht und schluchzt auf.

LIESBETH: Du lieber Gott im Himmel! Was für herzlose Mensche hot m ruf dr Welt! Was für herzlose Mensche! Un die sin aach noch ganz klaa, die Kinner?

FRIEDA: Das eine sechs, das zweite vier und das dritte zwei.

LIESBETH: Aans klenner wie's annre ...

ANNA: Du musst aber den Mut nicht verlieren, Frieda. Dass dir's nicht auch so geht, wie der Lilli ...

LIESBETH: Gewiss, gewiss! Vun der Lilli hätt ich so was gar net erwart't. Nimmt sich ja den Strick, des Ding, un hängt sich uf ...

ANNA: Und war doch so fleißig und so ehrlich. Konnte eben die Ungerechtigkeit nicht dulden. Die hat der Kommandant so weit gebracht ...

LIESBETH: Awwer des ist doch kaan Ausweg, will ich eich gesaat hun, Weibslait! Des is kaan Ausweg! Der liewe Gott hot den Mensch zum Lewe geschaffe. Und wenn sei Stunn geschlage hot, nimmt er 'n selbst zu sich. Sich 's Lewe nehme, is e groß Sind un e groß Schand ... Erhebt sich von der Pritsche und hält sich am Kreuz. Ach, mei Kreiz! 's will aach gar net ufheere!

Wo bist du, Vater?

(Auszüge)

...Und früh am Morgen schleicht sich Sander von zu Hause weg. Auf der weiten Fahrt galt es viele Schwierigkeiten zu überwinden, doch immer fanden sich gutherzige Menschen. Auch Sander selbst bewies viel Ausdauer und Zielstrebigkeit, und der Lohn dafür wurde das langersehnte Wiedersehen mit dem Vater.

* * *

...Die Sonne, die sich anfangs rasch über die Erde erhoben hatte, stand jetzt an einem Punkt wie erstarrt über der Steppe. Ich ging das Ufer des Flusses entlang, ganz dicht am Wasser. Es war ein herrlicher windstiller Morgen. Gleißendes Sonnenlicht breitete sich unerschöpflich über die gewaltige funkelnde Stille. Eine einsame Möwe

kreiste über dem Fluss und glitt ab und zu auf die Oberfläche hinab, um eines der vielen Fischlein zu schnappen, die bald hier, bald dort aus dem Wasser sprangen. Antoschka eilte voraus, kam aber gleich wieder zurück und kreiste unermüdlich um mich herum.

Mal schnupperte er an einer Zieselmaushöhle, mal lief er zum Wasser und kläffte die Möwe an, mal hielt er an einer Jungbirke und hob das Bein. Ich rief den Hund herbei. „Antoschka, du musst jetzt nach Hause gehen. Mitnehmen kann ich dich nicht. Ich fahre sehr weit weg.“

Antoschka verstand mich gewöhnlich gut und führte all meine Anordnungen gewissenhaft aus. Diesmal aber reagierte er auf meine Worte überhaupt nicht. Nach meiner wiederholten Mahnung schmiegte er sich an meine Beine, sprang dann einige Male an mir hoch und wollte mir wohl das Gesicht lecken. Solch ein Schmeichler, dachte ich und stieß ihn zur Seite. Nun wurde er plötzlich auf meine Schultasche neugierig, die mir Großmutter aus grobem Stoff genäht hatte. Darin steckte außer meinem zerfledderten Lesebuch noch ein halber Laib Brot und eine Flasche Wasser.

„Davon kriegst du nichts, Antoschka, brauchst gar nicht zu betteln. Ich habe einen weiten Weg vor mir. Und du gehst lieber gleich nach Hause. Die gibt dir Molke in dein Schüsselchen und legt dir auch ein paar Brotkrusten rein. Kannst dann schlappen.“

Antoschka dachte gar nicht daran, nach Hause zu gehen. Diesem Blick konnte ich schon nicht mehr standhalten. Meine Hand schlüpfte von selbst in die Schultasche, brach ein Stück Brot ab und warf es ihm hin. Der Hund fing es im Flug auf und verschlang es im Handumdrehen.

„Mehr kriegst du nicht!“ sagte ich entschieden. „Ich habe heute selbst noch nichts im Magen.“

Ich wollte mir zuerst einen ganzen Laib Brot in die Schultasche legen, dann aber dachte ich mir: „Du bist nicht der einzige, der Brot essen will. Du musst auch was für die anderen lassen. Wer weiß, wann Oma wieder mal was zum Backen zusammenkratzt. Gewiss wird sie mich auch für das halbe Brot nach Strich und Faden ausschimpfen. Was kann ich aber dafür!“ Wäre ich zu Hause geblieben, hätte ich noch viel mehr aufgegessen. So viel müsste Oma verstehen. Von Diebstahl konnte hier gar keine Rede sein, tröstete ich mich.

Gewiss würden sie sich zu Hause Sorgen machen, wenn sie erfahren, dass ich nicht in die Schule gegangen bin. Ich hatte doch niemand etwas von meinem Plan verraten. Und wenn ich hätte fragen wollen, hätte die Oma einen mächtigen Krawall geschlagen. So war's besser. Ich hatte nur einen Zettel unter mein Kopfkissen gelegt. Bis sie den fänden, wäre ich schon über alle Berge. Vorläufig sollten sie denken, ich säße in der Schule.

Kasan. Das Wort klang wie Musik in den Ohren. Nun stand ich auf dem Bahnsteig und wusste nicht, welche Richtung ich einschlagen sollte. Ringsherum wimmelte es von Menschen, man sang und spielte Harmonika. Die Leute redeten in einer mir

unbekannten Sprache. Ich wollte die vorbeieilenden danach fragen, wo ich hier die Leute finden könnte, die eine Eisenbahn bauen, aber die Stimme gehorchte mir nicht. Meine Kehle war mir zugeschnürt. Ich machte paar Schritte und spürte plötzlich, dass ich zu taumeln begann. Ich war ausgehungert und durstig. Wo man hier Wasser finden konnte, wusste ich schon, denn alle Bahnhöfe waren ziemlich gleich. Ich schleppte mich, über die Schienen stolpernd, zum Bahnhofsgebäude. Dort sah ich einen Hydranten. Ich hielt den Mund unter den Wasserstrahl und trank. Dann ließ ich das Wasser auf den Kopf fließen und wusch mir das Gesicht. Der Schmutz floss mir in schwarzen Strömen von den Händen. Recht und schlecht trocknete ich mich mit dem Hemdzipfel ab und wollte weitergehen. Da erblickte ich neben mir eine schon bejahrte Frau, die mich neugierig beobachtete. Ich entschloss mich, sie anzureden.

„Können Sie mir sagen“, begann ich zu kauderwelschen, „wo hier Trudarmia.“

„Trudarmia? Wozu brauchst du die Trudarmia?“

„Mein Vater dort.“

„Nein, mein Lieber. Das kann ich dir nicht sagen. Da musst du zur Miliz gehen...“

* * *

Plötzlich aber geschah etwas, was mich alles vergessen ließ. Ich stieß ganz unerwartet auf einen Stacheldrahtzaun und hörte dahinter einige Menschen deutsch reden. Mein Herz begann wild zu toben. Es schien mir aus dem Halse springen zu wollen. Ich hätte am liebsten aus Leibeskräften aufgeschrien: Pa-pa-a-a! Wo bist du? Endlich, endlich hab ich dich gefunden! Endlich sind alle, alle Widerwärtigkeiten, die ich ertragen musste, vorbei! Wo bist du, Vater? Ich spürte sogar wieder einen leichten Taumel. Die Beine versagten mir den Dienst, aber ich jubelte, ich war am Ziel meiner Reise.

Als ich mich dem Eingang zum Lager näherte, kamen die Leute gerade von der Arbeit zurück.

„Na, was kommt denn da für ein Dreckferkel an?“ sagte ein älterer Mann mit Stoppelbart zu seinem jüngeren Gesprächspartner. Ich hätte mich eigentlich ärgern sollen. Solch eine Beleidigung! Aber die Worte klangen so vertraut, so heimisch, dass ich diese Beleidigung gern einsteckte. Im Gegenteil, ich lächelte den Männern zu und wünschte mir nur eins: Mögen sie doch sprechen, sprechen – ganz gleich was und worüber...

„Schto tebe nada?“ fragte mich der Stoppelbärtige. „Ich will zu meinem Vater“, sagte ich und lächelte wieder. Beide sahen mich bestürzt an. „Wer ist denn dein Vater?“

Der Stoppelbärtige führte mich zu einer entlegenen Baracke, öffnete die Tür und rief in den Raum hinein: „Weilert, Sander!“

„Was ist los?“ war von drinnen eine Stimme zu hören. Ich zuckte zusammen. Das war Vaters Stimme. Ich konnte mich noch gut an sie erinnern. Nur etwas rauer war sie geworden.

„Komm mol raus! Do is einer komme zu dir.“ In der Tür erschien ein hochgewachsener Mann mit wettergebräuntem Gesicht. Er sah ziemlich mager aus, die Wangen waren hohl. Aber das war er, mein Vater. Daran konnte kein Zweifel bestehen. Er streifte mich nur mit flüchtigem Blick und wandte sich zu dem Stoppelbärtigen: „Wer fragt nach mir?“

„Der Junge da sagt, er war dein Sohn.“

„Wie sollte mein Sohn hierherkommen? Meine Kinder sind weit weg.“

„Na, was sagst du jetzt?“ ereiferte sich der Mann mit dem Stoppelbart. Ich brachte keinen Laut über die Lippen. Etwas schnürte mir die Kehle zu. Er hat mich nicht erkannt. Bin ich wirklich schon so verwahrlost, dass man mich gar nicht erkennen kann? Oder habe ich mich in den vier Jahren so sehr geändert? Ich spürte, wie mir das Wasser in die Augen trat.

„Die Sach kam mir gleich drollig vor. Einmal nennt er sich Weilert, ‘s andere Mal Schulmeister...“ Bei diesen Worten sah mir Vater aufmerksam ins Gesicht. Kaum hörbar flüsterte ich: Pa-pa! Er fuhr zusammen. Dann trat er ganz nah an mich heran, sah mir in die Augen.

Etwas musste ihm wohl plötzlich in den Sinn gekommen sein. Er kauerte sich vor mir nieder und streifte mein Hosenbein hoch. Unter meiner Kniescheibe stach die weiße Schramme von der schmutzigen Haut ab. Nun fiel mir ein, dass ihm Großvater damals von dieser Narbe im Brief geschrieben hatte.

„Sanderchen! Das bist wohl wirklich du?“

„Ja, Papa.“

...

Dann saß Vater neben mir auf der Pritsche und streichelte mir immerfort das Haar.

Ich schloss die Augen und sah nun die Großmutter vor unserem Tor stehen. Sie schlug die Hände über dem Kopf zusammen, als sie mich kommen sah. Ella und Leo hielten sich von beiden Seiten an ihrem Rock fest. Antoschka aber lief mir entgegen und wedelte mit dem Schwanz. Dann sprang er an mir hoch, wollte mir das Gesicht lecken. Wo aber war die Mutter? Ich konnte sie nicht sehen. Warum war Mutter noch nicht zurückgekommen? Warum?

Lehrer und Ratgeber

Alexander Zielke war nicht nur mein erster Deutsch- und Literaturlehrer, er war auch mein ständiger Ratgeber. Und er war einer von denjenigen, die mir sozusagen das Rüstzeug für mein weiteres Leben gegeben haben.

Unsere zahlreiche Familie ist überhaupt mit der ebenso zahlreichen Familie der Zielkes aufs engste verbunden.

Wir sind sogar verschwägert, denn Reinhold Zielke hat uns mit leichter Hand die älteste Schwester weggeschnappt.

Sein jüngerer Bruder Gerhart Zielke war mein Jugendfreund, mit dem wir noch in unserer sogenannten Kolchoszeit durch dick und dünn gegangen sind. Auch heute noch unterhalten wir enge Kontakte.

Aber auch Waldemar, Siegmund und die anderen habe ich immer in guter Erinnerung.

Aber an erster Stelle hatte ich wohl doch den ältesten Sohn von Alexander Zielke nennen sollen. Stellen Sie sich nur mal vor: Aufgewachsen in einem kleinen gottverlassenen Krähwinkel, hat sich Reginald Zielke zu einem Genetikprofessor von Weltruf gemausert.

Natürlich ist jeder von den Söhnen seinen eigenen Weg gegangen, aber vieles haben sie trotzdem ihrem kenntnisreichen Vater zu verdanken.

Um meine persönlichen Beziehungen zu Alexander Zielke deutlicher zu machen, muss ich etwas weiter ausholen und vielleicht von früheren Jahren anfangen.

Ein kleines Dörfchen, verloren in den weiten Waldsteppen Sibiriens. Sehr weit von der Stadt entfernt. Ganz am Ende der Welt, eben dort, wo Fuchs und Hase sich gute Nacht sagen. Unsere kleine Lehmhütte steht am Waldrand. Kein Schwarzwald natürlich, kein Odenwald und kein Spessart, aber auch keine Russische Taiga. Birken und Espen, dichtes Weidengestrüpp – aber auch das war schon was für uns Hinterwälder.

Als Kinder haben wir dort Krieg gespielt. Besonders nach dem propagandistischen Film „Der Fall von Berlin“. Viele können sich noch daran erinnern. Die Rote Armee stößt vor, die deutschen Soldaten torkeln und purzeln nur so zur Seite. Aber was haben wir Kinder damals davon verstanden.

„Los, wir machen auch mal Krieg!“ sagt mein Bruder Reinhold. Reinhold ist ein paar Jährchen jünger als ich, aber mit der Schnauze war er damals immer voran. Wer soll aber den Hitler spielen? Keiner meldet sich. Auch Reinhold will es nicht. Was bleibt mir anderes übrig? Ich muss ihn selbst spielen. Wie kann ein richtiger Krieg zustande kommen, wenn wir zwanzig Stalins und keinen Hitler haben. Ich spiele also einmal ausnahmsweise den Hitler und werde brutal zusammen-geschlagen. War mir auch recht geschehen! War ja selbst schuld!

Auch später, als ich schon älter war, blieb der Wald immer mein Zufluchtsort, besonders wenn ich mal trübe Gedanken hatte.

Da gehe ich nun einmal von Baum zu Baum und sperre Mund und Nase auf: alles scheint hier zu leben und zu atmen. Vogelgesang von allen Seiten. Und der Wind wühlt leise in den Kronen...

Und plötzlich steht ein Mann vor mir: ich bin fast erschrocken. Gedanken-verloren steht er da, geistesabwesend.

Du meine Güte, denke ich, das ist doch mein Lehrer, Alexander Zielke!

Er bemerkt mich dann und fragt: „Was machst du denn hier so ganz allein?“

Und ich denke: Ja, was machen Sie denn hier ganz allein?

Und dann sagt er nachdenklich: „Waldesrauschen! Hörst du es, dieses

Waldesrauschen? Das beruhigt. Der Wald besitzt eine gewisse Abwiegungskraft. Und der Wald ist dazu noch die grüne Lunge der Stadt, so hat es schon immer geheißen. Aber ich möchte sagen: nicht nur der Stadt, sondern auch die Lunge eines kleinen Dorfes. Und er zitiert Eichendorf in Bezug auf das Waldesrauschen, er zitiert Mörike, Uhland...

„Kennst du die Dichter?“

Leider habe ich sie damals noch nicht gekannt.

Dann sitzen wir bei ihm zu Hause in seinem geräumigen Arbeitszimmer. Ringsum Bücher. Bis zur Decke hinauf. Ich fühle mich wieder wie im Wald. Aber diesmal in einem Wald von Büchern. Das erste Mal habe ich in einer Hausbibliothek so was gesehen.

Der Hausherr weicht mich in die Welt der Dichter und Denker ein.

Dann sagt er unvermittelt: „Du musst weiter lernen. Ich weiß es: Du bist nicht so hölzern, wie du rappelst. Du hast Grüzte im Kopf.“

Ja, ja, weiterlernen, habe ich gedacht. Das ist leichter gesagt als getan. Darüber hatte ich selber schon nachgedacht und auch einige Versuche gemacht. Sie scheiterten aber immer wieder. Wahrscheinlich wollte der Obrigkeit mein deutscher Name nicht richtig gefallen: Meine Papiere wurden immer wieder abgelehnt.

Eines Tages schlage ich die Zeitung „Neues Leben“ auf und traue meinen Augen nicht. Auf der Literaturseite entdecke ich ein schönes Naturgedicht. Und darüber steht der Name. meines Lehrers: Alexander Zielke. Ich komme nicht aus dem Staunen heraus: Ein leibhaftiger Dichter hier unter uns, in diesem kleinen Dorf. Das war doch gar nicht zu glauben.

So war's aber...

Und mir blitzte ein blöder Gedanke durch den Kopf: Ob ich es nicht auch mal versuchen sollte? Aber da müsste man erst mal die deutsche Sprache gut kennen. Ich hatte ja auch Versuche gemacht, Gedichte und Märchen zu schreiben. Aber an eine Veröffentlichung wagte ich gar nicht zu denken. Wer hätte sie auch gedruckt? Sie waren in russischer Sprache geschrieben. Und man kann sich leicht vorstellen, was das für ein Russisch war. Wo wir doch in die erste Klasse gekommen waren, ohne ein einziges russisches Wort zu verstehen. Wir sprachen im Dorf alle deutsch, aber wir sprachen so, wie uns der Schnabel gewachsen war. Und der Schnabel war bei uns hessisch gewachsen, aber das haben wir erst viel später erfahren. Alexander Zielke sprach aber immer ein korrektes Hochdeutsch. Und keiner hat dabei gewitzelt, wie es gewöhnlich der Fall war, wenn ein Zugereister anders gesprochen, anders geschwätzt, anders geplaudert oder anders gequatscht hatte. Wie Alexander Zielke gesprochen hatte, das war die Norm, das hatte jeder verstanden.

Als dann etwas später an der Hochschule Nowosibirsk eine Abteilung für Deutsche Sprache und Literatur eröffnet wurde, war es wieder Alexander Zielke, der mich darauf aufmerksam gemacht hatte:

„Das ist gerade das Richtige für dich“, hatte er gesagt. „Reich sofort deine Papiere ein!“

Und tatsächlich, es hatte geklappt. Alexander Zielke hatte mich sozusagen an einen anderen Lehrer weitergegeben, der für meine Ausbildung ebenfalls eine große Bedeutung haben sollte: an unseren Hochschullehrer Victor Klein.

Wenn ich dann in den Ferien nach Hause zurückgekommen war, hatte ich meinen Lehrer jedesmal aufgesucht. Er war immer sehr neugierig und gespannt. Als erstes fragte er, welche Lehrer bei uns die deutsche Sprache und Literatur unterrichten.

Natürlich erzählte ich ihm vor allem von unserem Literaturlehrer Victor Klein, von dem alle Studenten begeistert waren.

Die zweite Frage von Alexander Zielke lautete: „Von wo kommt er? Kann er auch gut deutsch sprechen?“

„Fabelhaft“, sagte ich. „Er kommt aus Warenburg an der Wolga.“

Alexander Zielke verzog die Nase:

„Ein Wolgadeutscher? Ne! Ich habe in der Trudarmee mit vielen Wolgadeutschen gesprochen. Die sprechen kein gutes Deutsch. Die haben eine schlechte Aussprache...“

Ich versuchte zu protestieren: „Victor Klein hat eine sehr gute Aussprache!“ Es hatte nichts geholfen: Alexander Zielke wiegte bedenklich den Kopf.

„Nein, nein! Das kann nicht wahr sein! Das ist unmöglich!“

Erst viele Jahre später, als wir beide 1968 zu einem Schriftstellerseminar nach Moskau eingeladen wurden, wo Victor Klein den Hauptvortrag gehalten hatte, sagte er nachher:

„Du hat recht gehabt! Der spricht wirklich ein fabelhaftes Deutsch!“

Und nachher standen die beiden viele Jahre in regem Briefwechsel.

Jeder Mensch hat natürlich seine Marotten. Auch Alexander Zielke war nicht ganz frei davon. Ebenso wie auch Victor Klein. Und wie wir alle zusammen. Aber diese zwei Männer - Alexander Zielke und Viktor Klein - waren für mich sehr gute Lehrer, und ich bin ihnen beiden zu großem Dank verpflichtet...

Павел БЛЮМЕ

Родился 6 января 1983 года. Павел является активным участником Немецкой Национальной Культурной Автономии в Республике Коми, а также членом совета молодёжной организации российских немцев «WIR».

Принимал участие в региональных и федеральных мероприятиях, в частности, в республиканском конкурсе «Мистер Этно», семинаре «Литераторов и художников» в Переделкино, во встрече «Молодёжный Форум Урала» в городе Перми, в форуме, посвящённом 20-летию Международного союза немецкой культуры, участвовал в организации гуманитарной помощи нуждающимся семьям российских немцев Республики Коми.

Его творческая деятельность – это поэзия. Он вместе с художником-иллюстратором Полиной Гайнерт выпустил в 2011 году книгу «Зима как мюзика Вивальди», а недавно Павел выпустил вторую

книгу стихотворений, которую назвал «Перекрёсток», за которую он был удостоен благодарности от «Научной библиотеки МСНК». В Сыктывкаре Павел печатается в газетах, выступает в школах и музеях города. Несколько стихотворений Павла были напечатаны в республиканской газете «Красное Знамя». Он стал лауреатом нескольких стихотворных конкурсов. В Санкт-Петербурге был награждён «Благодарностью в Межвузовском конкурсе ко дню святой Татьяны», в Сыктывкаре – грамотой за стихотворный конкурс «Вера. Надежда. Любовь». Публиковался в альманахе российских немцев «Преодоление». Принимал участие в проекте «Национальная деревня» в городе Оренбурге, после этого написал стихотворный цикл «Млечная река». Совсем недавно Павел организовал и участвовал в ряде передач на радио Европа плюс Коми. В прямом эфире он рассказывал о культурных событиях, происходящих в жизни РН, повествовал о специальных акциях, в которых принимали участие активисты и руководители филиалов литературного клуба «Мир внутри слова», которым руководит поэт, переводчик Елена Ивановна Зейферт. Он увлекается литературой, историей, географией, любит слушать немецкую рок-группу Scorpions. Ходит на курсы немецкого языка, увлекается спортом, имеет 1-й взрослый разряд по плаванию, играет в футбол.

На сегодняшний день Павел проживает в Омске, куда он переехал в связи с учёбой в университете им. Ф.М.Достоевского. Также Павел руководит литературным клубом (филиал Московского литературного клуба «Мир внутри слова») – «Laterne – Фонарь». В Омске он является членом молодёжной общественной организации «Агентство молодёжных инициатив», где он ответственен за информационную работу. Недавно он принимал участие в «Молодёжной творческой мастерской», где был в качестве референта на секции по изучению литературы РН.

Павел очень интересный человек. У него много друзей как в России, так и в Германии.

Die Malerin, die Arlekin malt

Vielleicht sie haben schon vergessen –
Sie malten da ein Bild für mich,
Halbdunkel war es dort gewesen
Soffitenlicht.
Was wollte ich in diesen Zeiten,
Was rief, o, Dumme, zum Geschick?
Madonna malte dort die Zeichen, –
Die Welt, sie schwieg.
Das Bild ist endlich schon zu Ende,
Es ist so schön, doch nicht von mir:
Der Arlekin ist in den Händen –
Sie lachten immer hier.
Ja! Der Arlekin aus der Pappe,
Ich schluchze nur beleidigt dann.
Ich zeichne Sie, Madonna auch,
Noch irgendwann...

Художница, рисующая Арлекина

Быть может, вы уже не помните -
Вы рисовали мой портрет,
И лился в полумраке комнаты
От лампы свет.
Чего я ждал в тот час бессонный,
О чем, глупец, судьбе кричал?
Штрихи бросали вы, Madonna, -
Весь мир молчал.
Но вот закончена картина,
Портрет хорош, но он - не мой:
Вы рисовали Арлекина -
Смеялись надо мной!
Да! Глупый Арлекин картонный,
Я разрываюсь во всю грудь.
Я нарисую вас, Madonna,
Когда-нибудь...

Weinen vom Federiko Garsia Lorka

Rennt am Feld ein schnelles Ross,
Schwarzes Ross – des Schicksals Stoß,
Kraniche im Himmel ...
Schwarzer Punkt ist er im Leben,
Wolken wie verflucht erheben
So einsam wie immer.
Schnarcht das Pferd wie wildes Schwein,
Federikoruf kann sein,
Kraniche ums Land...
Straßen sind bedeckt mit Staub,
Städte, Dörfer da im Laub
Brennen, sind verbrannt!
Doch so viele gibt's Verluste
Von Poesie und zu den Wüsten,
Die Kraniche – sie weinen ...
Und läuft das Ross, es rennt ums Feld,
Im Herzen Trauer befiehlt,
Und wichtig ist es keinem.

Плач о Федерико Гарсия Лорке

Скачет конь, летит по полю,
чёрный конь - судьбы невольник,
в небе журавли...
Чёрной точкой он в пространстве,
тучи бредят, окаянство
брошенной земли.
Конь храпит, как вепрь дикий,
тихо кличут: «Федерико»
в небе журавли...
Вдоль дороги пыльной, жёлтой,
городам гореть и сёлам,
нет! Уже сожгли!
Неизмеренность потери,
от поэзии к расстрелу,
плачут журавли...
Скачет конь, летит по полю,
сердцу грустно, сердцу больно,-
пулей обожгли.

Der Herbst

September kommt. Und schon der Herbst
Ins Fenster klopft mit gelbem Blatt.
Bist du einsam? Das niemand fragt.
In gestern bleibt die Liebe fest.
 Oktober kommt. Der Regen lieber
 schlägt in das Fenster schon zu mir.
 Und hilft der Freund niemals wieder
 Der so bekannt ist schon mit dir.
November kommt. Der böse Wind
Die Erde kann um Erde klatschen
Von niemandem das Weinen klingt
Nur von dem Herbst, wie von der Bratsche.
 Wie kann ich diese Zeit erleben,
 Wenn du so weit von mir noch bist...
 Betrüben bleibe ich daneben
 Ich bin allein, wenn alles ist.

Осень

Сентябрь. И снова осень
стучит в окно листом опавшим.
Любовь ушла за днём вчерашним,
Ты одинок? Никто не спросит.
 Октябрь. И снова жёлтый
 дождь бьётся в серое окно.
 И не поможет друг весёлый,
 с которым ты знаком давно.
Ноябрь. И грубый ветер
Ударил небо об асфальт.
Никто не плачет так на свете,
как плачет осень, словно альт.
 Как пережить мне это время,
 когда ты слишком далека...
 Когда со мной не ты - тоска,
 и я - один, хотя со всеми.

Александр ВАЙЦ

Родился в 1960 году в деревне Новоскатовке Шербакульского района Омской области. Учился в Новоскатовской 8-летней школе, работал сварщиком. Сейчас проживает в Германии, в городе Вупперталь. Он пишет о любви, о природе, о своей малой родине, увлекает нас в мир сказок. Его стихи и сказки были опубликованы в газетах, журналах, в журнале «Культура. Немцы Сибири», а также в сборнике «Mein Schöntal - Nowoskatowka» (Омск, 2006), он автор книги стихов, изречений и сказок «Der Pfeilvogel» (Wuppertal, 2011).

Die lockende Kiste

Ich bin in der Stube ganz allein
bei meiner Mutter – hübsch und klein.
Die duftende Kiste, ich krabble hinein.
Ein Grabschen – der Apfel ist mein!
Dreh mich nach links,
dreh mich nach rechts,
schleich langsam hinaus...
O welch ein Schreck!
Die Oma erwischt mich,
sie packt mich am Kragen:
- Du, Bösewicht! –
und ein Schlag in den Nacken.
Und die Moral von der Geschicht':
Äpfel stehlen lohnt sich nicht.

Paul und die Kühe

Am frühen Morgen
In der Dämmerungszeit
Ist Paul mit seinen Kühen
Zur Weide marschbereit.
Er knallt mit seiner Peitsche
Um sich herum so wild,
Der Widerhall im Walde
Wird allmählich still.
Der Wind bringt frische Düfte,
Bewegt die Bäume sanft,
Und aus dem Wald entgegen
Ertönt ein Vogelsang.
Neblich ist die grüne Wiese,
Doch die Sonne geht bald auf.
Tropfen hängen an dem Grase,
Blumen – wie ein bunter Traum.
Schritt für Schritt
geht Paul mit Herde,
Singt für ihn der Vogelchor...
Und am Abend bringt er wieder
Jede Kuh zum eignen Tor.

* * *

Кудрявая берёза в степи стоит одна.
И свисают гроздьями ветви-рукава.
Ветер-забудлыга листья завертел,
С посвистом соловьиным вихрем улетел.
Опустились листья на траву ковром,
До весны берёза спит спокойным сном.

* * *

Снег идёт, метёт пурга,
Уж сугробы намела.
Снова белая зима –
В кружевах все провода.
Ветер стих, ушла пурга,
Небо синее с утра,
Солнце встало, а мороз
На окно узор нанёс.

* * *

Молодые годы уходят,
Близится старость,
И душу тревожат мысли
О дальнем пути,
Что пройти предстоит.
Я хотел бы в старости
В родном краю умереть.
Там, где стелется степь и лес,
Где от ветра
 ковыль и деревья шумят,
Где в небе жаворонок
Свою песню поёт по утрам.
И, пролив на прощанье слезу,
Со спокойной душою
Уйти на вечный покой.

Красный лист клёна

Давным-давно, когда в мире ещё были короли, королевы, принцессы и принцы, на земле жил могущественный волшебник Нэнабожо, который превращал непослушных и злых людей в какое-нибудь существо или предмет.

В это же время в далёкой Белоруссии жил граф, который посадил возле своего замка много-много клёнов. По народной легенде клёны приносят благополучие и защищают от стихии и зла.

У графа и графини рос сын по имени Василий. Был он очень вредным и непослушным ребёнком.

На дворе был тёплый осенний день. Стояли в красивом красном наряде кленовые деревья в графских угодьях. Могущественный волшебник Нэнабожо решил навестить страну Белоруссию и графский дворец, где вырос непослушный и вредный Василий, которому исполнилось восемнадцать лет.

Волшебнику Нэнабожо нужен был красный кленовый лист, сорванный рукой графского сына. Но Василий наотрез отказался сорвать волшебнику красный кленовый лист.

- Сорви его сам и унеси в твою страну!

Рассердился волшебник и сказал ему:

- Ах, так! Раз ты не хочешь сорвать мне красный кленовый лист, сам будешь им и от ураганного ветра, который я вызову, полетишь в мою страну. И только три часа ночью ты будешь человеком. Всё остальное время ты будешь валяться на земле, и все люди и звери будут по тебе ходить. Моему колдовству придёт конец только тогда, когда хоть один человек тебя полюбит в образе кленового листа.

Кликнул волшебник Нэнабожо ветер, тот подхватил принца, закружил и унёс его через моря и океаны в страну Канаду.

Как раз в это время на солнечной поляне красивая и добрая девушка Луиза собирала гербарий для своей коллекции. Красный кленовый лист упал на эту солнечную поляну, начал кружиться возле её ног, лхнуть к её рукам и носиться перед ней.

Как только Луиза увидела красный кленовый лист, она глаз не могла оторвать от этой красоты, и на сердце у неё стало светлее и радостнее оттого, что в её коллекции стало на один лист больше. Она бережно положила его туда, где хранились другие листья. И теперь каждую ночь, с двенадцати до трёх часов, Василий выходил из гербария и целовал прекрасную Луизу.

Однажды ей приснился сон, что у неё осталось открытым окно, и ветер унёс её любимый лист. Глянула Луиза утром в свой гербарий, а кленового листа и в самом деле нет. Села она и заплакала:

- Где сейчас мой красный кленовый лист?

А Василий отвечает ей:

- Я тут, у тебя за дверью стою, ты только не испугайся меня, Луиза.

Девушка увидела красивого, статного юношу и спросила, как его зовут.

Он сказал:

- Я твой кленовый лист, а зовут меня Василий. Меня заколдовал волшебник Нэнабожо за то, что я не послушал его, он превратил меня в красный лист клёна. Если меня кто-нибудь полюбит, я опять стану человеком. Мне остался ещё один час, потом я снова стану красным листом клёна и буду лежать в твоём гербарии.

Луиза подошла к Василию, обняла его и сказала:

- Мне не хочется, чтобы всю свою жизнь ты у меня лежал в гербарии как лист.

И с этого момента они полюбили друг друга, и остались на всю жизнь вместе. Василий привёз со своей родины саженцы клёна. И клён теперь стал расти и в Канаде. Канадцы очень полюбили это дерево с красными листьями. И красный кленовый лист теперь украшает их государственный флаг.

Тут и сказке конец. Кто читал и слушал, тот молодец.

Принцесса Голубь и принц Соломинка

В далёкие, далёкие времена, когда на свете были ещё волшебники и волшебницы, в одном королевстве жили-были король и королева. И была у них дочь по имени Орхидея. Была она очень красивая, но гордая и не очень добрая.

А в соседнем королевстве у короля и королевы был сын, которого звали Ихтиандр, и был он тоже очень красив и тоже горд и не очень добр.

Как-то раз волшебница Вознаграждение решила навестить оба королевства, в которых жили принцесса Орхидея и принц Ихтиандр. Каждый раз, когда она гуляла по свету, она всегда воздавала людям за их поступки: за добрые награждала, за злые наказывала. И делала это так.

Она приходила в одну из стран в образе горбатой старушки и просила милостыню. Добрых, кто не отказывал ей, она щедро награждала. Если, например, женщина была доброй, но не имела детей, то после её посещения у такой женщины рождались дети. Кто был добрым и слепым, тому она возвращала зрение. Добрые и глухие после её посещения начинали слышать, а немые – говорить. Кто был добрым, но жил в большой бедности, того она вознаграждала достатком и благополучием.

Но если кто-то обижал волшебницу Вознаграждение, того она наказывала, превращая в то, что ей первым попадалось на глаза.

Так было и на этот раз, когда она появилась перед принцессой Орхидеей, которая как раз гуляла в королевском саду.

Волшебница под видом горбатой старухи подошла к ней и попросила кружку воды, чтобы утолить жажду. Но гордая принцесса ответила:

- Сначала пойдёшь умойся и причеши себя, старая нищенка, а потом уж проси у меня воды!

Старуха-волшебница страшно разгневалась, но вида не подала, а решила исполнить своё обычное наказание – превратить принцессу Орхидею в то, что первым попадётся ей на глаза. Она незаметно огляделась вокруг себя и первое, что увидела, была белая голубка, которая держала в клюве соломинку.

- Обернись белой голубкой, – в сердцах крикнула старуха, – и таскай каждый день всю свою жизнь в своё гнездо свежие соломинки! До тех пор, пока в один прекрасный день в твоём гнезде не окажется твоё счастье. А если этого не случится, век оставаться тебе белым голубом.

И как только закончила старуха своё повеление, в тот самый миг превратилась принцесса в белую голубку и улетела из королевского дворца в далёкие края и остановилась в одной деревушке, в последнем доме, за которым начиналось уже поле. Здесь она стала вить себе гнездо из соломинок, и каждый день носила в гнездо всё новые и новые соломинки в надежде, что когда-нибудь найдёт в нём своё счастье.

С того времени прошёл год, и волшебница Вознаграждение отправилась в своё очередное путешествие. На этот раз она взяла путь в королевство Семи Озёр и пришла ко дворцу короля и королевы. Как раз в это время принц Ихтиандр вышел на крыльцо, собираясь на прогулку. Волшебница подошла к нему и, поклонившись, скромно попросила у него кусочек хлеба. Принц, возмущившись при одном виде горбатой старухи у входа во дворец, с раздражением крикнул:

- Кто только впустил тебя сюда, грязная старуха?! Убирайся поскорее подобру-поздорову, старая нищенка, а то я натравлю на тебя всех своих злых собак!

Волшебница очень рассердилась и решила применить своё испытанное оружие – превратить принца в то, что ей первым попадётся на глаза. И тут она увидела соломинку, которая валялась на земле, и воскликнула:

- Обернись же ты соломинкой и валяйся на земле до тех пор, пока тебя не найдёт принцесса Белый Голубь. А если она тебя не найдёт, то ты всю свою жизнь так и будешь валяться на земле никому не нужной соломинкой, и каждый прохожий будет топтать тебя ногами.

И в тот же миг принц превратился в соломинку. С этими словами старуха-волшебница покинула королевство Семи Озёр, и больше никто никогда её там не видел. А принц Соломинка стал валяться в своём королевстве то там, то тут, гонимый ветром во все его концы, и каждый прохожий мог наступить на него и делать с ним, что угодно. Где он только не побывал за это время! Лежал и в матрасе у бедных людей, пока старую солому не поменяли на свежую. И носил его ветер высоко в горы в гнездо к беркуту. Побывал и в берлоге медведя. А в последний раз лежал он в поле вместе со свежей соломой. Люди собрали её с

поля, а вместе с ней подобрали и принца Соломинку и накрыли соломой крышу своего дома. Так попал принц Соломинка на крышу.

А между тем прошло уже три года, как принцесса Белый Голубь сидела в своём гнезде и горько плакала. Она просила у Бога прощение за то, что обидела старую, горбатую, несчастную женщину, и каждый день молила его наслать на неё Добрый Ветер, который принёс бы в её гнездо счастье.

И вот однажды Добрый Ветер сорвал с крыши одного дома в королевстве Семи Озёр соломинку и унёс её на поле той страны, где жила в своём гнезде принцесса Белый Голубь. И оказалась эта соломинка как раз той, что была заколдованным принцем.

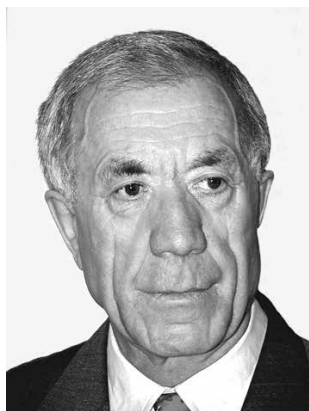
В этот день принцесса особенно горько плакала в своём гнезде. Немного успокоившись, она полетела в поле и стала то тут, то там собирать соломинки для своего гнезда. День клонился к вечеру. Уставшая принцесса Белый Голубь подобрала клювиком последнюю соломинку и полетела в гнездо на ночлег. Прилетев, аккуратно уложила соломинку на дно гнёздышка и стала молиться перед сном, произнося, как обычно, одни и те же слова:

- Если я стану когда-нибудь опять принцессой или королевой, то мой дворец с раннего утра до позднего вечера будет открыт для всех бедных и несчастных.

И вдруг она услышала, что кто-то тихо-тихо вслед за ней повторяет эти же слова. Она прислушалась ещё раз и поняла, что их повторяет соломинка. Она нежно взяла соломинку в клюв – и тут же произошло чудо: все чары моментально отступили, они оба вытянулись, приняли свой первоначальный вид и... каждый оказался дома в своём родном государстве.

Принц немедленно отправился в соседнее королевство и посватал принцессу Белого Голубя. Она с удовольствием дала своё согласие, и они стали жить-поживать дружно и счастливо. Молва об их доброте разнеслась далеко за пределы их королевства. Их дворец стал приютом для всех нищих и страждущих. И с тех пор по их примеру люди на всей земле стали строить приюты для бедных, больных, сирот и одиноких стариков. И если принцесса Белый Голубь и принц Соломинка даже давно умерли, то память о них живёт в наших сердцах. Потому что доброта – самое прекрасное качество человека.

Тут и сказке конец, а кто читал или слушал, тот молодец.

**Егор
ГАММ**

Родился в 1937 году в Казахстане. В 1939 году семья Гамм переезжает в Омскую область. До 1942 года Егор с семьёй жил в г. Исилькуле, а затем в деревне Мирюлюбовке Москаленского района. Окончил Омский автодорожный техникум и Московский автомобильно-дорожный институт. Работал директором Невинномысского шинного завода. В 1990 году эмигрировал в Германию. Автор нескольких книг, в т.ч. «Мирюлюбовка - моя Родина», «Об историчности и научности христианства», «Туринская плащаница» и другие.

Этюды деревенской жизни

Из книги

«Мирюлюбовка – моя Родина»

Как в Мирюлюбовке крутили кино

Кино мне запомнилось где-то с конца 1944 года. Районное партийное руководство пеклось о культурном воспитании колхозников, пусть и немцев, и примерно раз в месяц присылало киномеханика крутить кино. Не помню, какие фильмы тогда показывали в деревне, но праздничность этого редкого мероприятия крепко сидит в памяти. Какой-то календарной систематичности не было, каждый приезд кино был совершенно неожиданным и сюрпризным. В какой-то день по деревне мигом распространилась весть: сегодня будет кино! Показывать можно было только, когда стемнеет, а летом это достаточно поздно, но нетерпения никто не проявлял. Как редкую сладость, его откладывали на попозже. К тому же многие работали допоздна, а их тоже нужно было дожидаться. Ожидание растягивалось, народ в зале собирался медленно, солидно. Скамеек на всех не хватало, и ребяташки с подростками рассаживались на полу. Клуб раньше, до раскулачивания, был домом какого-то богача. Перегородки убрали, поставили невысокую дощатую сцену – вот тебе и самодельность (только до войны), и приезжий цирк, и колхозные собрания, а потом и кино. Зал этот отдавал каким-то неуютом, захламлённостью и брошенностью. Не помню, чтобы когда-нибудь в деревне был завклубом: из консервативных немцев такого человека трудно было подобрать. Собрания проводились очень редко, так что жизнь в клубе возникала только в редкие дни кино и не менее редких собраний.

Когда по деревне разносилось «кино привезли!», в первую очередь спрашивали, сколько частей. Кино делилось на части по числу коробок с лентой. Если привезли 12–13 частей – совершен-

но замечательно! Если 10 – лёгкое разочарование. А если 8 – наступало уныние. Но и это праздник, хотя и укороченный. И лишь потом уже спрашивали, как кино называется. Любое название мало о чём говорило, да и неважно это было. Важен был процесс, а не содержание. Народ потихоньку начинает собираться и рассаживаться на скамейках, а ребята заранее усаживаются на пол впереди скамеек. Припозднившиеся становятся у стенки. Курящие дымят самосадом, но их в деревне немного, и женщины их терпят. Все громко делятся новостями, перекидываются шутками, щёлкают семечки, сплёвывая шелуху на пол. Все в умиротворённом ожидании опаздывающих и начала чудодействия киномеханика. Их, механиков, уважали и читали, они кудесники, приносящие редкие праздники в серую жизнь. «Ну где же этот Петерс?» – восклицал, наконец, кто-нибудь. «А он уехал в район за запчастью, – отвечали компетентные люди, – должен вот-вот вернуться». Лёгкое возбуждение улеглось, и все опять вернулись к своим разговорам и семечкам. Но вот и самые поздние явились, а с ними Петерс. Кто-то всезнающий громко объявляет, что больше никого не будет, и механик начинает крутить своё кино. При слабом свете керосиновых ламп на стенах он достаёт большую круглую жестяную коробку с первой частью, достаёт оттуда катушку с лентой и закрепляет её на кинопроекторе. Конец ленты ловкими движениями фокусника киномеханик протаскивает по каким-то катушечкам, осям и щелям – и вот кино закрутилось! Сперва пробегают какие-то косые линии, мелькают световые пятна и появляются титры. Механик вручную крутит ленту, и от его ловкости и настроения зависит, как быстро герои будут двигаться по экрану. Иногда он на что-то отвлекается и движения на экране неестественно замедляются. В зале вскрикивают, и опять всё приходит в норму. Заканчивается первая часть, и начинается процедура замены. Это минут на пять, но какие же они длинные! Действие ведь, как нарочно, обрывается на самом интригующем месте, и каждый обрыв воспринимается болезненно. Но все понимают неизбежность такой процедуры и молча терпят.

Первые кинофильмы привозили немые, и никто и не представлял, что может быть иначе. Герои на экране всей своей мимикой и движениями были исключительно выразительными. Это смешило и потешало невообразимо. В зале громко комментировали каждый эпизод, а в героях фильмов почти всегда находили сходство со своими жителями. «Ха, да это наш кладовщик Эннс!» – восклицал кто-то, и все дружно смеялись над героем и смущающимся Эннсом. Когда менялась очередная часть, спрашивали: это какая? Пока шли пятая, шестая – все радостно предвкушали ещё не скорый конец фильма. Но вот объявляется девятая, десятая и досада всё возрастает: чудо идёт к своему неизбежному концу и ничего с этим не поделаешь. Когда-то ещё будет следующее!

До конца войны или года до 1947 электроэнергия для демонстрации кино вырабатывалась динамомашинкой с ручным приводом. Её ставили на середину скамейки, закрепляли какими-то зажимами, и двое садились на эту же скамейку по краям лицами друг к другу. Рукоятка с длинной ручкой захватывалась

обеими парнями и вращалась с определённой скоростью. На эту работу добровольцев находилось в избытке: кино они смотрели бесплатно! Но чтобы смотреть на экран, нужно было выворачивать шею, что в течение двух часов далеко не комфортно, да и ручку крутить совсем не легко. Набирались обычно две пары, которые менялись при замене частей. В самых захватывающих эпизодах крутильщики иногда забывались, и тогда свет на экране слабел до сумеречного состояния. В зале громко вскрикивали, ругали нерадивых крутильщиков, и те снова входили в нужный темп. Нерадивых или недотёпистых могли на следующем сеансе до сего занятия и не допускать – не оправдал доверия.

Позже появились звуковые кино и динамомашины с маленьким движком внутреннего сгорания. И если у дверей клуба видели это динамо, значит, сегодня будет кино! А первым звуковым фильмом в деревне был «Валерий Чкалов». Помнится, звук был оглушающе громким и вибрирующим. Восторг был полным! Один только существенный недостаток – во время такого фильма не поболтаешь. В восприятии фильмов что-то очень важное было утеряно.

Затем пошла серия американских фильмов. Появились трофейные фильмы, и среди них знаменитый «Тарзан». У нас демонстрировали всего два фильма из этого длинного сериала. Похождения мускулистого красавца, прыгающего по деревьям в джунглях Амазонки со своей почти обнажённой красавицей из джунглей нью-йоркских, производили сильное впечатление. В наших лесах подростки лазили по деревьям и выли тарзанскими воплями. Мне тогда было лет около 12, и, странное дело, фильм мне не понравился. Я тогда уже много читал и находился в определённой мере под влиянием русской классической литературы, а Тарзан в неё никак не вписывался. Такого святотатства мои сверстники не понимали и считали меня в этот момент блаженным полудиотом.

То было время, когда Миролобовка всё больше проникалась влиянием ренессанса баптизма, и большую или подавляющую часть населения охватывало это возрождающееся религиозное течение. Известное пуританство, строгость нравов, пришедшие в него во многом из традиционного меннонитства, буквально раскололи деревню на посетителей и отвергателей кино. Посетителей становилось всё меньше, и затем они почти совсем исчезли. Всё это гораздо глубже и сложнее, но и в этой области произошёл раскол. Я в то время переселился в город, регулярно посещал кинотеатры, замызганные и дешёвые, и то давнее трепетное отношение к кино во мне совершенно исчезло.

Магазин в деревне

В середине деревни стоял небольшой дом из кирпича с железной крышей и клёпанными из жести водостоками, а под водостоками – железные бочки для сбора дождевой воды. В этом домике, в помещении на 20 кв. метров, размещался единственный в деревне магазин с маленькой кладовкой. Во дворе в небольшой конуре разместили ёмкость с керосином, который выкачивали в посуду покупа-

телей каким-то странным жестяным насосом с длинной всасывающей трубой. В самом магазинчике торговали всеми мыслимыми тогда товарами, начиная от леденцов и пряников до резиновых сапог и хомутов. Липкие леденцы и твёрдые высохшие пряники взвешивали на тарелках рычажных весов и высыпали в бумажные кульки, которые продавец тут же сворачивал из старых пожелтевших газет. Во время войны, насколько помнится, никакого магазина в деревне не было, и редкие нищие покупки делались в городе Омске, когда туда выезжали торговать ягодами, маслом и сиропом. Из свекольного сиропа горожане успешно гнали самогон. Но уже году в 47-м магазинчики потребкооперации появились во всех средних и больших деревнях. Торговля обычно шла вяло, покупали редко и немного, но зато магазин стал местом общения мужиков, своеобразным клубом по интересам. Религия тогда ещё не определяла нравственную атмосферу в деревне, и собравшиеся мужики позволяли себе вскладчину купить бутылку водки и сообща, вразяжку и в удовольствие распить её. Потом, естественно, покупалась вторая, да и в розлив тогда торговали без ограничения, и мужики толковали о глобальных проблемах в рамках своего кругозора, ругали местную власть и обсуждали свои крестьянские проблемы, коих всегда хватало на поколение вперёд. Женщины при нужде в спичках или керосине проталкивались среди возбуждённых мужей к прилавку, и им немедленно и даже чуть испуганно уступали место. Когда нужно было отпускать керосин, всех выгоняли на улицу, магазин замыкался на висячий замок и продавец шёл с хозяйкой к конуре и качал в ведёрко керосин. Мужики же устраивались на деревянном крыльчке и терпеливо ждали, когда женщина уйдёт домой. Потом возвращались вместе с продавцом в магазин, и здесь, в привычной обстановке, диспуты и просто общение продолжались. Работал в этом магазинчике году в 53-м или 54-м и мой старший брат Иван после своего возвращения из Прокопьевска. Незадолго до этого он принял крещение в баптистскую веру, но в магазине соблазны оказались настолько смутительными, что он опять отошёл от принятого обета праведной жизни. К его чести нужно сказать, что проработал он в этой греховной должности недолго и опять вернулся в баптистскую общину. В ней он остался ревностным членом до конца своей жизни. Я в то время жил в городе, от религии совершенно отошёл, а «клубную» жизнь в магазине близко наблюдал только летом 55-го года, когда проходил стажировку на водителя автомобиля. Меня прикрепили к колхозному шофёру – большому лихачу и любителю крепких напитков. В магазинном общении он бывал часто, и я терпеливо дожидался его возвращения к работе. Мне было интересно наблюдать деревенские сценки, неторопливо разыгрываемые «артистами». Вот к прилавку подходит мой почти сверстник, чуть старше, и долго приглядывается к папиросам. Шевеля губами, с трудом прочитывает название и громко, с эдакой лихостью, просит пачку папирос «Народ». Выяснилось, что это папиросы «Норд», в то время широко распространённые и популярные своей дешевизной. Парень этот в начальной школе продвинулся не дальше второго класса и читал с трудом.

О стрижке и кое о чём другом

Летом, по воскресеньям, мужики стриглись у деревенского парикмахера прямо у него во дворе. Делалось это, наверное, и зимой, но мне запомнились стрижки именно летние, часов в 10 утра. Профессионального парикмахера, зарабатывающего на стрижке, в деревне не было, но кто-нибудь из мастеровых мужиков это умел, имел и машинку для ручной стрижки. В военные и первые послевоенные годы это было определённым богатством, и такого человека уважали. И вот утром, когда солнце ещё не слишком припекает, на бревне под кроной большого дерева усаживаются бладушные мужики. Сегодня выходной, и можно расслабиться, пообщаться. Один уже сидит на табуретке, и парикмахер, снисходительно поддерживая разговор ожидающих своей очереди, не торопясь скрипит машинкой. Над подстригаемым подтрунивают, курят, обсуждают свои и районного масштаба проблемы. Парикмахер умно усмехается и вставляет редкие реплики. Он тут самая значительная персона, и ему полагается быть сдержанным и многозначительным. Никто в долгой очереди никуда не торопится и после стрижки не уходит. Это, как и баня, клуб общения. Но темы разговоров и стиль общения здесь другие. В бане темы более легкомысленные, тон язвительнее. При стрижке признаком хорошего тона считались сдержанность и умные речи. Мне нравилось улечься на траву неподалёку и наблюдать процесс общения отдыхающих мужчин, этот своеобразный интеллектуальный крестьянский клуб. Как проходили такие стрижки в домах, я ни разу не видел. Тут вряд ли устанавливалась такая блаженная атмосфера: на глазах у хозяйки и других домашних такой свободы и непринужденности не бывает. Здесь нужно быть вежливым и приличным и никакой тебе свободы духа.

Баня в Миролубовке

Меннониты, как и немцы в России в целом, своих бань не имели, и культ бани с вениками и сухим паром, который, как в русских деревнях на берегах рек и озёр, для них не был типичен. Да и жили они в Сибири в основном в местах маловодных, где вода в околковых степях залегала глубоко и та далеко не всегда пресная. Исторических корней такие традиции тоже не имели. Однако колхозная баня в Миролубовке, как и в окружающих немецких деревнях, была и затапливалась по субботам к концу дня. Регулярности в этом не было, но определённая торжественность чувствовалась.

Баня располагалась у берёзового леса «Деревенский». В большой бак на деревянных столбиках завозили воду из колхозного колодца и растапливали печь с огромной каменкой и большой ёмкостью воды. Веники заготавливались каждым по дороге в баню, в лесочке. Любителей высоких температур не помню, и шиком это не считалось, однако температуру более или менее нагоняли. Всё делалось по-немецки обстоятельно, без присущей русскому человеку лихости. Но что несомненно – баня была местом общения, сплетен и вышучивания. Это особая черта менталитета миролубовцев того времени, когда мы там жили.

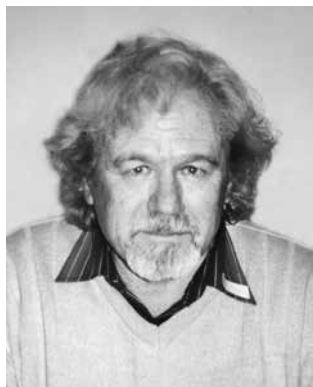
Попасть на острый язык шутников означало, что тебя вывернут наизнанку со всеми твоими потрохами. Зла в этом особого не было, но и приятного – тоже. Штатные остряки задавали тон, тему. Без этого не обходилась ни одна баня, как и другие общественные сборы нерелигиозного характера.

Уже в годах 80-х, в редкий мой приезд в Миролубовку, я, большой любитель бани, в субботу пошёл туда с радостным чувством ожидания встречи с людьми, которых не видел лет тридцать и больше. Где в деревне можно разом встретить своих давних сверстников? Ну, конечно же, в бане! Так оно и случилось: там собрались мужики, которых я в полутьме, да еще и голыми, далеко не всех узнавал. Меня же узнавали лучше. Ну, восстановили знакомство, уточнили личности. А мои давние сверстники – все мужики кряжистые, тяжёлые, по-крестьянски обстоятельные. Только я среди них выглядел легкомысленно худым с впалым животом. Вот один из них по своей природной простоте и воскликнул: «А чё это ты, как гончий пёс?» А ведь прав он, шельма! Точно угадал мою сущность. Как гончий пёс носился я по жизни в погоне за миражами, а они, мои давние друзья и товарищи детства, обстоятельно и много трудились на земле, и в этом, наверное, их мудрая правда.

Печальное повествование о колхозных быках

Все работы, требующие тягловой силы, в колхозе выполнялись быками и в меньшей мере лошадьми. Бычков кастрировали и, когда они чуть подрастали, их обрекали на пожизненный, нескончаемый труд. Эта бессловесная скотина, абсолютно безотказная, пахала и боронила огромные колхозные поля и огороды колхозников, перевозила и перетаскивала всё, что куда-либо перемещалось, возила с полей сено и солому, пшеницу на ток и на элеваторы, качала воду. Когда быки обессиленные останавливались, их нещадно били, и они снова находили силы двигаться и тянуть. С ярмом на шее они парами так и двигались к концу своей короткой жизни. Левый глаз у левого и правый у правого часто были выбиты кнутами, рога отбиты, на крестцах вечно кровоточащие раны. Лихие подростки устраивали гонки на быках, что этим животным абсолютно противопоказано по их природе. Им нужно двигаться медленно, ровно, и тогда они могут много чего сработать. Двигаясь же бегом, они выдыхаются сразу, и тогда им конец.

Кормиться быков выгоняли ночью на луг. Только не хотела пастись эта загнанная смертным трудом скотина. Быки ложились и с трудом отходили от дневного измора. Как-то вечером отец, когда ещё был подвижен, выпросил пару быков вспахать огород. Один бык из пары лёг на землю и перестал реагировать на любые понукания. Тогда отец вытащил железную чеку из ярма и со всей силой ударил быка по рёбрам. Бык в ужасе вскочил и потянул плуг. Но ненадолго. Стало ясно, что уже ничто не заставит его двигаться, ибо силы его действительно кончились.

**Курт
ГЕЙН**

Родился 9 мая 1935 года в селе Ягодном Республики немцев Поволжья. В 1941 году с семьёй депортирован в Казахстан. В 1944 году семья Гейн переезжает на Алтай. Работал токарем, комбайнёром, а после окончания художественно-графического факультета Омского педагогического института им. М. Горького преподавал в художественной школе в селе Подсосново Алтайского края. С 1992 года живёт в Германии.

Роланд

Памяти мамы посвящаю.

Женщины наткнулись на него, возвращаясь в село. Их коровы тащили по накатанной дороге сани с соломой для колхозной фермы. Тащили без понуканий: скоро село и желанный отдых. Была середина марта 1943 года, около 4 часов дня.

День был сверкающий и ветреный. Солнце ослепительно блестело в кристаллах уже просевшего крупнозернистого снега и кололо глаза. Бездонное, без единого облачка, синее казахстанское небо. Воспалённые глаза слезятся. В затишке припекает, и потерянные за зиму клочья сена и соломы щетинятся по обочинам, но холодный тугой ветер нижит через худую одежду.

Вдруг корова в переднем возу прянула в сторону и застряла в рыхлом снегу. Женщины, устало шедшие за обозом, ругая взбалмошную скотину, прошли к передним саням. Коровёнка, вывернув шею, смотрела на противоположную сторону дороги. Там на пучке соломы лежал человек. Это был мальчик лет 13-14. Лежал он, скорчившись, на боку, всунув руки в короткие рукава грязного и тесного пальто. Голова в будёновке, застёгнутой на шее, лежала на потёртой командирской сумке жёлтой кожи. На ногах, обмотанных тряпьем, рваные женские туфли, застёгнутые ремешками на пуговицы-фасолины. Подошвы примотаны шпагатом, а короткие штанины не прикрывают пошившие лодыжки.

Глаза подростка были открыты, и в них явно отразилась радость. Потрескавшиеся губы пошевелились, и тонкие морщинки у рта обозначили желание улыбнуться обступившим его женщинам, но попытки пошевелиться не сделал — даже руки из рукавов не вытащил. Женщины освободили его ноги от тряпья, растёрли

их шерстяной рукавицей и закутали в свои полушалки, оставшись в тонких платочках. Помогли корове втащить сани на дорогу и уложили мальчика на воз, укрыв одеждой и соломой. Вдруг он начал слабо отводить руки женщин и, с трудом разжав зубы, глухо и прерывисто проговорил: «Bitte... meine... Tasche...» Женщины закивали: «Ja, ja, sie ist to». Найдёныш скосил глаза, убедился, что сумка рядом, и успокоился. «Наш, но не деревенский», – поняли женщины, услышав его «Hochteitsch». Сумка хорошей кожи, будёновка и «городские» туфли подтверждали догадку. «Должно, саратовский», – решили они и, торопя коров хворостинами, шибко пошажали к недалёкому селу.

Широкая, длинная улица села из крытых камышом, белёных мазанок с колодезными журавлями во дворах построена в начале 30-х годов раскулаченными украинцами, а летом 1942-го поволжские немки с детьми и стариками вырыли невдалеке полтора десятка землянок. Над входами в землянки бугрятся сплетённые из лозы и обмазанные глиной пригончики. Защищали они от непогоды и свирепых буранов лазы в землянки, а зимой стояли в них коровы и хохлились куры.

В одной из этих землянок в глинобитной печурке с вмазанным котлом горят с треском подсолнечные будылья. В котле греется уже вторая вода. В землянке жарко. С маленького оконца течёт. В клубах пара суетятся три женщины. На сундуке стоит жестяная ванна, в которой сидит, выставив острые колени, найденный ими подросток. Через полстраны везла переселенка эту ванну, чтобы купать в ней родившегося за полтора года до войны второго сына. Этот, теперь уже трёхгодовалый, лобастый волжанин внимательно следит за происходящим, приоткрыв пухлый рот. Это мой брат. Чтобы не путались под ногами, нас загнали в закуток между стеной и печкой, где мать обычно сушила мокрые валенки и одежду.

Подростку остригли дико отросшие тёмные волосы и ногти на руках и ногах. Щедро сдобрили воду щёлоком и принялись за него во второй раз. Он покорно сносил процедуры, сидя с закрытыми глазами. После купания ему одели оставшуюся от отца исподнюю рубаху и усадили за самодельный столик. Поставили перед ним ковш со сваренным на неснятом молоке «Mehlbrei». Вкуснейшее блюдо! Особенно, если слегка подгорит. Вскребать и отправлять в рот эти вкусные стружки случалось нам с братом не часто. А у него руки так сильно дрожали, что не смог зачерпнуть из ковша. Он положил ложку на стол, а руку опустил на острые коленки. Из рук мамы съел несколько ложек и выпил кружку горячего молока.

Постелили ему на сундуке, накрыли одеялом, и сверху мама положила свою фуфайку. Он уснул сразу же. Женщины о чём-то поговорили между собой и ушли.

Мама позвала тихо: «Ну, выходите из-за печи. Пора и нам поужинать да спать ложиться – мне рано на работу. Утром придёт тётя Мейда, сварит вам

и нашему квартиранту обед и побудет с вами, пока я с работы приду». Я стал пытаться маму про нашего постояльца. «Я ничего о нём не знаю. Завтра всё узнаем». Мы поели картошки и яростно доскребабли Mehlbrei. Мать отобрала у нас ковш и скомандовала: «Спать!»

Когда мы проснулись, у печки уже хлопотала тётя Мейда, прислонив костыль к стене. Одна нога у неё намного короче другой, и в колхозе она работать не может. Крупные черты её лица строги, но она необычайно добра и приветлива. Собирала сухую полынь, курай и кизяки для топки, сушила разные полезные травы и корешки, которыми пользовала больных и немощных. Была она и умелой костоправкой и пошептать могла так, что орущий сутками ребёнок успокаивался и просыпался здоровым. Пользовала она не только своих, но и хохлушки из села искали её помощи для себя и своих детей. Даже казахи из окрестных аулов навещали её. Платы не требовала – брала то, что давали ей люди из скудных своих достатков: пару яиц, мисочку муки, вязанку камыша, а от казахов иногда и кусок баранины перепадал. Местное начальство на неё не доносило – сами прибегали к её помощи. Ближайший медпункт в 40 километрах, на небольшой железнодорожной станции – туда и летом добраться мудрено, а в зимние морозы и страшные степные бураны и думать нечего.

Была у неё и швейная машина. Шила, перешивала, лицевала, а из распоротого тряпья кроила что-нибудь нужное людям. Тем и сама кормилась, и с людьми щедро делилась. Навещая набитые детьми убогие землянки, всегда приносила гостинец: яичко ли, горсточку ягод, мисочку каши или кусок лепёшки из толчёной пшеницы. Была она бобылкой, и согнанные с родных мест, мыкающие горе люди были её семьёй. Она всегда была там, где не с кем было оставить детей или больного человека, где надо принять роды или обрядить покойника.

«Не шумите, разбойники, а то разбудите нашего квартиранта, - тихо сказала тётя Мейда. Видите, как у него щёки покраснели – значит, скоро выздоровеет. Проснётся – я ему хорошее лекарство дам, потом мы его хорошенько покормим, и он, Бог даст, быстро поправится. Худой он – страшно смотреть. Натерпелся».

Мы тихо оделись, поплескались над ведром возле двери из ковша и стали в свой закуток за печкой. Поели картошки. В котле и кастрюле булькало и пахло вкусным.

Найдёныш лежал лицом к нам. Щёки и уши ярко розовеют, сухие, потрескавшиеся губы приоткрыты. Волосы на неровно остриженной голове влажны, и дышал он часто и хрипло. «Лёгкие застудил, да ничего, мои травки его вылечат. Вишь, сумка у него под подушкой? Мама ваша сказала, что из рук не хотел выпускать, даже когда в ванну сажали. Ну, идите погуляйте, тепло на улице. Не мешайте. Вы же не можете, чтобы тихо. Книппенберги уже все на дворе, побегайте с ними. Мама ваша отпросится у Ивана Тарасовича и после обеда дома останется – после отработает». Мы оделись и вышли.

Все Книппенберги, кроме младшего, который родился уже здесь и был с бабушкой в землянке, клубились на затоптанном снегу. Закутанная кто во что орава каталась с пологой крыши землянки. Кто как и кто на чём – на задах, на драных опорках, на животах, на лопате и метле. Визг, смех, плач. Порядок наводила десятилетняя Эмилия, но и сама нет-нет лихо скатывалась с накатанной крыши на разношенных валенках. Боязливо оглядывалась – люди увидят, смеяться будут – большая уже. Мы с братом ринулись в эту кутерьму.

«Хватит кататься, - это мама пришла – ты, Эмилия, тоже води своих в дом сушить. Ваша мама тоже скоро придёт». Сразу все стали усталые и голодные.

Наш квартирант сидел на сундуке, свесив ноги в толстых штопаных носках с накиннутым на плечи одеялом. Рядом сидела тётя Мейда и поила его отваром из трав. «Ну, молодец, – радостно похвалила его мама, - у тёти Мейды не залежишься. Травки в здешней степи такие же растут, как и на Волге, быстро тебя на ноги поставят». Тётя Мейда покормила нас обильно и вкусно. Мы с братом вели себя пристойно: не шмыгали носами и черпали галушки из общей миски со своего краешка. Да и разговор за столом занимал нас.

Зовут нашего постояльца Роланд. Мы с братом переглянулись: незнакомое и странное имя. Он, мать и бабушка собирались погостить у отца на заставе в горах. Началась война. От отца, начальника погранзаставы, никаких известий. В августе их, как и всех немцев, погрузили в товарные вагоны и повезли на восток. Мама уезжать не хотела, бегала по учреждениям, доказывала, что она жена командира Красной армии, показывала документы. Ничего не помогло.

Поселили их в глухой деревушке. В октябре 43-го маму забрали в трудовую, а через два месяца умерла бабушка. Хозяйка, в доме которой их поселили, была доброй женщиной, но своих детей трое, а от мужа с фронта уже четыре месяца нет писем – живой ли, Бог весть. «Живи у нас, - разрешила она, - но кормись сам». Пошёл в колхоз. Определили к рабочим быкам. Убирал навоз, гонял на водопой, стелил солому. В бычарне тепло, работать можно, не на морозе, но дали только мешок примороженной картошки, а остальное, сказали ему, выдадут после уборки урожая. Сейчас в амбаре только семенное зерно, а за разбазаривание посевного материала, знаешь, что бывает? Все сколько-нибудь стоящие вещи ещё мама и бабушка на еду променяли. Когда голод стал невыносим, пошёл побираться. Почти отовсюду его прогоняли – сами голодали. Уже почти совсем обессиленный зашёл к единственной немецкой семье, которая попала в эту деревушку вместе с ними. В этой семье был мужчина – старый человек. Он был конюхом, и ему удавалось иногда приносить домой несколько горстей зерна, которое давали председателю коню. Жил он со снохой и четырьмя внуками. Они покормили его супом-болтушкой, и старик сказал ему: «Тебе надо идти в те деревни, где наших побольше. Я слышал, что

вдоль шоссе стоят большие сёла, в которых до двадцати семей наших живёт. Они не дадут тебе пропасть. Война когда-нибудь должна кончиться. Вернётся твоя мать, и поедем мы, кто выживёт, назад на Волгу в свои дома». Дали ему в дорогу несколько картошек в мундире и пару горстей поджаренного ячменя. Долго шёл он по шоссе вдоль телеграфных столбов. Кругом белая степь. Деревень не видно. Ни одной подводы или машины не встретил он на своём пути. Уже в сумерках набрёл на железнодорожный переезд с будкой и шлагбаумом. Сторожиха, пожилая женщина в ушанке, напоила кипятком с куском чёрного хлеба. Ни о чём не расспрашивая, уложила на топчан, а сама присела на пол возле печурки, в которой рдел горящий кокс.

Разбудила на рассвете. «Тебе идти надо – скоро дрезина со сменщиком будет. Нельзя, чтобы посторонний здесь был. Попей кипятку и иди с Богом. Через километров восемь, по левую руку, недалеко от шоссе, будет село, там хохлы живут, кулаки. Справно живут. Да и немцев там много – целую улицу землянок нарыли. Приютят. Ты ведь немец? Я вижу. Насмотрелась в 41-м, как эшелон за эшелонам вашего брата на восток гнали. Иди, светло уже».

Пока дошёл до полевой дороги, солнце стояло высоко, силы были на исходе. Было ветрено и ярко. Он сошёл на просёлок и вскоре увидел далеко на горизонте тёмную полосу села. Ноги мёрзли и болели. Замучился подвязывать спадающие обутки. Присел отдохнуть на охапку соломы у обочины. Солнце грело через пальто, и он прилёг, подставив спину тёплым лучам, и забылся.

Роланд поправлялся быстро. Отелилась Майка, и хотя почти всё молоко надо было относить на молоканку, кое-что оставалось нам и телёнку. Тётя Мейда справила ему одежду: нижнюю рубашку и подштаники, ушила по росту солдатские шаровары и гимнастёрку. Из перелицованного офицерского кителя простегала тёплую куртку. Мама за свою шёлковую блузку выменяла крепкие ещё солдатские ботинки. Принесённую кем-то из женщин старую ушанку он не взял: «У меня есть, - показал он на будёновку с большой, изумрудного сукна, звездой. Это от папы».

Дни становились всё длиннее. Степь уже в больших проталинах, улица вся в сверкающих лужах и ручьях. Грачи гомонят на тополях у амбаров, между которыми ещё лежит грязный рыхлый снег. На кучах навоза и золы роются куры и голосят петухи. Оглушительно чирикают, ошалело носятся стайки воробьёв. Пахнет землёй и талой водой.

Роланд подолгу сидел в затишке на солнышке. От нашей возни он быстро уставал и говорил с нами мало. Но постепенно окреп, чистил стайку у Майки, носил воду из далёкого колодца и даже мыл посуду. Мы с братом были озадачены: «Девчонка что ли, чтобы посуду мыть?» Хорошо стал говорить «по нашему».

Я очень любил рисовать. Мама выпрашивала в колхозной бухгалтерии бланки квитанций и старые амбарные книги. Некоторые листы не полностью исписаны, а между столбцами цифр попадались полянки, на которых я ри-

совал. Чистую тетрадь и химический карандаш мама настрого приказала не трогать – это для писем папе в Челябинск, в трудармию. У меня был толстый карандаш «Кремль», одна половина грифеля которого была синяя, а другая красная, и все мои рисунки были красно-синие. Много позже я узнал, что у великого Пикассо тоже были голубой и розовый периоды.

Роланд рассматривал мои рисунки с интересом и однажды попросил карандаш и, найдя в амбарной книге только до половины исписанный лист, нарисовал скачущего коня с лихим будёновцем в седле, с шашкой наголо и с винтовкой за плечами. Сделал он это так быстро и хорошо, что мы и рты разинули: как настоящий! Он сказал мне: «Ты тоже хорошо рисуешь, но тебе учиться надо. Я в городе посещал кружок ИЗО». И он рассказал о своём учителе Адаме Карловиче, который учился в Академии у самого Репина!

Я перебивал его многочисленными вопросами. Ещё бы: «натюрморт», «с натуры», «колонок», «ватман» и двадцать четыре краски в одной коробке! Роланд терпеливо и подробно всё объяснял. От него я впервые услышал о великих художниках и их картинах. Как наяву, я видел печальную Алёнушку и хохочущих запорожцев, трёх богатырей на гривастых конях, Иванушку с жар-птицей на ковре-самолёте.

Теперь он всегда правил мои рисунки, объясняя, как лучше вести работу. Мама выпросила у комсомольской секретарши несколько больших листов бумаги, на которых только на одной стороне сверху было написано большими красными буквами «Боевой листок», но свободного места оставалось много, а на обратной стороне лист был совсем чистый. Сложили листы вчетверо и разрезали – отличный альбом получился, аж 20 больших листов! Простой карандаш дала за банку молока эвакуированная из Ленинграда учительница.

Многому научил меня Роланд. В этом альбоме я, под его присмотром, сделал свой первый рисунок с натуры – топор и берёзовое полено. Мечтал, что после войны, дома, на Волге, тоже буду учиться на художника и нарисую много больших красивых картин с танками и самолётами, Ворошилова и Будённого на горячих скакунах, Сталина на трибуне с дымящейся трубкой в руке...

Уже апрель на исходе. На уже сухих улицах везде пробивается гусиная травка, набухшие почки тополей сладко пахнут. Роланд уже совсем окреп. Вокруг нашей землянки и у тёти Мейды сгрёб и сжёт весь мусор, порубил и сложил в пригоне хворост, в аккуратную кучу сложил оттаявший навоз. Со своими сверстниками подружился, и тихими вечерами, тесно усевшись на солёнке, они, как замороженные, слушали его рассказы: о капитане Немо, о пирате Сильвере, о Гуливере и лилипутах, об индейцах и всаднике без головы. Какая яркая жизнь! Какие неведомые страны и храбрые, благородные герои! И какие необычные, таинственные слова: сомбреро, мустанг, томагавк, ирокезы. Рассказывал он и более близкие и понятные нам истории. Все тайком утирали слёзы, когда немой богатырь Герасим из-за злой барыни утопил собачку Муму.

О Павке Корчагине Роланд рассказывал особенно вдохновенно. На наших глазах он превратился в неистового Павку: отлупил сразу двух гимназистов-буржуев, отбил у конвоира Жухрая, беспощадно рубил беляков, нежно любил красивую девушку Тоню Туманову, больной и голодный строил дорогу, чтобы спасти людей. Да, это были не неведомые пампасы, а жизнь, которую мы понимали. Революция, белые, красные, буржуи – слова нам знакомые, а голод и лишения, тиф и тяжёлая работа так же реальны, как и во времена Павки. Наши отцы, тоже голодные и больные, строят дороги и заводы, замерзают в тайге и тысячами мрут, чтобы скорее кончилась война и чтобы мы смогли вернуться домой, на Волгу.

Приближалась посевная. Сухо и тепло. Всё позеленело. С отмороженных гребешков кур сошёл серый налёт и оставшиеся без зубчиков валики налились яркой кровью. Люди повеселели, а Роланд становился всё грустнее и сторонился людей. Часто уходил далеко в степь. Приятели говорили ему: «Не переживай ты так. На посевную пойдёшь с нами в бригаду, там в обед кашу или лепёшку с затирухой дают. «Палочки» зарабатываешь, и осенью пуда два зерна дадут, и картошка должна нынче уродиться – весна дружная была. Сусликов ловить будем. Они летом и осенью жирные – страсть! Вкусные! Шкурки заготовителю сдадим, деньги получим и карточки на соль и спички отоварим. Тётя Лида тебя не выгонит, да и война скоро кончится: наши во всю наступают, в красном уголке по радио слышали».

Но Роланд становился всё задумчивей и однажды вечером заговорил с матерью, когда та присела у пригона, прежде чем спуститься в душную землянку: «Тётя Лида, я назад хочу идти в свою деревню. Может, там уже письмо от папы, а от мамы, знаю точно, есть! Буду в колхозе и у людей работать – не пропаду. Мне там надо быть, чтобы мамин адрес узнать и переписываться, а то потеряем друг друга». «Да я понимаю – надо идти. На мамины письма ответить надо, она будет знать, что сын её ждёт, и у неё больше сил будет там свою долю нести. Расскажи нам, Роланд, о своих родителях, мы совсем мало о них знаем». Он спустился в землянку и вынес свою сумку. Наконец-то мы узнаем, что там в этой загадочной сумке! Ещё когда Роланд был слаб и много спал, мы с братом взяли сумку, чтобы исследовать её содержимое. Нас застала мать, отобрала её у нас и строгим шёпотом наказала этого никогда больше не делать: «Он сам покажет, если нужно будет».

Содержимое сумки Роланд выложил на мамины колени: связку писем, папку с документами, цветные открытки с горами, морем и кипарисами. «Это от папы с заставы и санатория. Его контрабандисты ранили», – пояснил он. В большом чёрном конверте несколько фотографий. На твёрдой коричневой карточке снят мужчина с красиво закрученными усами, рядом с ним сидит гладко причёсанная женщина с ребёнком на коленях. За ними стоят три девочки-погодки в красивых кофтах с высокими воротниками, а рядом с женщиной

стоит мальчик лет девяти в фуражке с кокардой и в мундире с рядом частых, ясных пуговиц. «Это папа-гимназист, - показал Роланд, - а это мои тётки и дедушка с бабушкой. Они в Крыму жили. А это папа на Гражданской войне». На фото статный молодой военный в галифе и папахе, высокие сапоги со шпорами. Левая рука на эфесе шашки, правая - придерживает на груди бинокль. «Папа храбрый. Сам комдив Пархоменко ему свой бинокль подарил. Цейсовский. А это папа на командирских курсах», - показал он на следующем снимке. Группа военных в длинных до пят шинелях с петлицами поперёк груди и будёновках с большими звёздами. «А тут он с мамой. Они только поженились. Мама работала медсестрой там, в крымском санатории, где лечился папа. Она в Крым попала, потому что её родители и два брата умерли от голода и тифа на Волге. Детей-сирот собрали и увезли в Крым и отдали в немецкие семьи. Там голода не было. Мама выжила и осталась в той семье. Они были добрые люди и любили её, как своих собственных детей. Там она школу окончила и на медсестру выучилась. Сначала мы жили на заставе. Мама в медпункте работала, а я весь день с пограничниками был: с вышки в бинокль смотрел, учился верхом ездить, лошадей чистил. Овчарка Альма меня слушалась, я с её щенками игрался. Обедал в столовой с красноармейцами. Повар Хачик вкусно готовил, особенно компот. У него очень большой нос и брови, как усы.

Но пришла пора мне в школу идти, и пришлось нам с мамой в город к бабушке переехать. Мамин отпуск мы проводили в горах у папы на заставе, а зимой папа проводил свой отпуск у нас в городе. У мамы отпуск с июля. Бабушка тоже собиралась поехать с нами. Мы ему подарки начали покупать и нужные вещи паковать, а я новый альбом купил и всё остальное приготовил, чтобы горы и пограничников рисовать. Не увидели мы папу...».

Через два дня, рано утром, Роланд уходил от нас. Тётя Мейда пришла проводить своего бывшего пациента. Крепкий мешок с ляками, в который уложены еда и одежда, у него за плечами. В мешке лежит командирская сумка, и чистая тетрадь в клеточку, и почти целый химический карандаш. Мама отдала ему свои запасы, которые строго берегла для писем папе в трудовую. «Это тебе нужно, чтобы сразу же ответить на письмо мамы, я чувствую, что тебя ждёт письмо от неё».

Женщины обняли его. Тётя Мейда уголочком косынки вытирала глаза. Мне и брату он пожал руки и подарил карточку, где он снят на коне, которого за узду придерживает красноармеец, а рядом с ним сидит овчарка с высунутым длинным языком. «Ihr seit gute Leute. Ich bedanke mich herzlich. Ich und meine Mutter werden Euch unbedingt nach dem Krieg besuchen», - сказал он на «городском» немецком языке, надел будёновку и пошёл по просёлку в сторону далёкого шоссе.

**Алёна
ГЕНШЕЛЬ**

Родилась в деревне Гольбиштадт Москаленского района Омской области. Мама (Шиц Людмила) – учитель, папа (Геншель Владимир) – строитель. Семья творческая: у каждого своё увлечение. Людмила Ивановна увлекается декоративно-прикладным творчеством, Владимир Владимирович деревянных дел мастер – в его руках рождаются из спичек удивительной красоты церкви и колокольни.

По образованию Алёна Владимировна библиотечкарь. Профессию получила в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского. Работала в Москаленской районной библиотеке библиотечкарем, заведующим методическим отделом. После – три года управленческого стажа в качестве директора районного координационно-методического и аналитического центра учреждений культуры. С 1 сентября 2014 года – корреспондент районной газеты.

Воспитывает одна двух дочерей – Алину и Ульяну, которые мечтают быть похожими на свою маму.

Стихи Алёна Владимировна начала писать в школьном возрасте. Про свои произведения она говорит так: «Мои стихи – это и есть моя душа». Признётся, что не все стихи может показать читателю – много грусти не должно быть на страницах изданий, её и так достаточно в нашей жизни.

Передо мной судьба двоих...

Смотрю на снимок пожелтевший,
Передо мной – судьба двоих...
Я поведу рассказ о них неспешный,
Слагая, может, неумелый стих.

Они любили и мечтали
И по утрам весну встречали,
Когда вдруг все оборвалось:
Война! Разруха! Началось!
Она – девчонка, ей – тринадцать,
Ей так хотелось улыбаться!
Но в жизни было все иначе:
Труд для победы – вот задача.
Иван на фронт пошел проситься.
Но надо было так случиться –
Его в трудовую забрали,
Забыв про юность приказали!

Расстались больше чем на 10 лет...
Казалось, что погас весь белый свет.
Казалось, что погасла их звезда
И встречи вновь не будет никогда!
 А время шло, летели годы,
 Но чувства не погибли всходы.
 Спустя немало лет и зим,
 Союз их крепок, нерушим.
Невеста Эмма. Ей – за двадцать.
Ей снова хочется смеяться.
Иван в наряде жениха.
Ах, как судьба их не легка...
Смотрю на снимок с уважением:
Я – внучка их, я – продолжение...

ДЕТСКИЕ СТИХИ

Сказка перед сном

Там за лесом, на опушке,
Где ложится солнце спать,
В очень маленькой избушке
Гном ложился на кровать.
 На кроватку непростую,
 На качалку подвесную.
 «Кто меня бы покачал...» –
 Гном тихонечко ворчал.
Закрывает гномик глазки,
Чтобы снились гному сказки.
Гномик лег и засопел, –
Очень спать малыш хотел.
 Надо всем ложиться спать -
 Завтра будет день опять.
 Закрывайте, дети, глазки,
 Пусть и вам приснятся сказки.

Первый снег

Первый снег! Какое чудо!
На тропинке он и всюду,
На салазках, во дворе,
Снег – на радость детворе!

Первый снег! Какое чудо!
На тропинке он и всюду.
Он ложится белый-белый,
Очень робкий и несмелый.

Что бывает в январе?

Что бывает в январе?
Это горка во дворе!
Это радость и веселье,
Словно в доме новоселье!
 Что бывает в январе?
 Это ёлка в серебре!
 Это дружный хоровод!
 Это новый, Новый год!

(Обрывки мыслей...)

Тамаре

В твоих глазах огонь горит.
Но он не жжет, он просто греет.
И тот тебя однажды покорит,
Кто разглядеть его сумеет!

* * *

Я хочу улететь, раствориться,
Легким облаком в алой заре.
Чтобы с каплями дождика слиться
И упав, умереть на земле...

* * *

Все как всегда и ничего не изменилось.
Только плачет сердце, словно стонет ветер.
Погасло все, что волшебством искрилось,
И одиночество – роднее всех на свете.

* * *

Я еду молча. Улыбаюсь.
В минутах жизни тихо растворяюсь,
И крылья ангела платком укрыв,
Я прячу ото всех души порыв.
Мне хочется взлететь – взлететь мгновенно,
Чтоб звезды засияли непременно.
Рассветом вдруг в твоих глазах взорваться,
В них долго-долго небом отражаться.
Но крылья ангела, укрыв платком,
Я прячу душу под замком
И еду молча. Улыбаюсь.
В минутах жизни тихо растворяюсь.

Осень желтокрылая

Осень желтокрылая налетела вдруг,
Стал совсем унылым солнца яркий круг.
Плачет грустно туча, каплями дождя,
Без тебя мне скучно, грустно без тебя.
Нарисую образ на стекле рукой,
В этот день дождливый быть хочу с тобой.

Тебя рисую...

Тебя рисую акварелью
В весенних, ласковых тонах.
Рисую мальчиком Апрелем
В коротких с листьями штанах.
Рисую робко, неумело,
Боясь хоть что-то упустить.
За мой поступок этот смелый
Прошу, мой друг, меня простить.
Тебя рисую акварелью,
Надеясь образ оживить.
Я быть хочу твоей Капелью,
Твоей Весной мечтаю быть!

Виктор ГЕРГЕНРЕДЕР

Поэт, автор и исполнитель песен, родился 28 декабря 1957 года в Челябинской области в семье российских немцев. До 1963 года его семья проживала в Омской области, в маленьком городе Тюкалинске, куда его родители были сосланы в 1941 году. А в 1963 году семья переехала в г. Ташкент. Окончил Ташкентский сельскохозяйственный институт, экономический факультет. В неполные 18 лет стал мастером спорта СССР по греко-римской борьбе.

Первые свои стихи Виктор написал в 15 лет, а песни в 17. С 1994 года живёт в Германии.

В 1999 году Виктор записал свой первый альбом под названием «Ещё надеждами полна моя душа».

Святая женщина

Святая женщина, святая,
Моя любовь к тебе не тает.
Я о тебе всю жизнь мечтаю,
Святая женщина, святая.

Без памяти любя, лечу к твоим богам.
Сегодня я другой, и ты теперь другая.
Целую каждый след, прильну к твоим ногам.
Ты воздух для меня, ты для меня святая.
Как тяжело тебе одной среди суеты.
Работа и семья, заботы и проблемы.
Не растопить снега той вечной мерзлоты,
Что разделяет нас на разные дилеммы.
Жизнь разделила нас на Запад и Восток.
Жизнь разделяет нас на Азию, Европу.
Но я лечу к тебе испить любви глоток,
Глоток любви сродни всемирному потоку.

Сибирь золотая

Утро морозное, окна замёрзшие,
Снежный ковёр серебрится на солнце.
Избы, в сугробы завалинкой вросшие.
Стынет вода в деревянном колодце.
Белою шалью укутались ели.
Лисы попрятались в тёплые норы.
Вечностью кажутся дни и недели,
В сонную, вяжущую, зимнюю пору.
Все затаились: и люди, и звери, –
В богом забытых просторах таёжных.
Трудно представить и трудно поверить,
Что пробуждение всё же возможно.
Юной весенней порой всколыхнётся,
Двинется мощный поток снеготаяния.
Морем безбрежным вода разольётся.
Сменит природа ковёр мироздания.
Птицы вернутся в родную обитель.
Только лишь я не вернусь, не оттаю.
Ты для меня отчий дом и родитель,
Как ты прекрасна, Сибирь золотая!

Письмо к матери

Здравствуй, дорогая моя мама,
Мы с тобой не виделись давно.
Разбросало нас по разным странам,
Так видать судьбой предreshено.
Ты в Узбекистане знойном, пыльном,
Я живу в Германии сырой.
Но тебя люблю я так же пылко,
Сердцем неразлучны мы с тобой.
Там, конечно, будущего нету.
Для поволжских немцев путь один.
Хватит, побродили мы по свету,
Только здесь себе я господин.
Не печалься, не грусти, родная,
Будь здорова, береги себя.
Будет встреча, только жди, я знаю,
Соберётся вместе вся семья.
Что ж, начнём опять, и всё сначала,
Нам уже с тобой не привыкать.
Вот здоровье бы не подкачало.
Береги себя, родная мать!

Перевернулся мир

Перевернулся мир, летит планета в пропасть.
А люди – кто куда, лишь только б уцелеть.
Вновь, как дамоклов меч, над головами плетъ.
И гонит нас она кончине света в пасть.

Ах, господа корнеты, юнкера...

Вновь гитарные звуки
Про любовь говорят.
Вновь прелестной княгини изящные руки
По моим эполетам скользят.
Ах, господа корнеты, юнкера,
Течёт шампанское рекою до утра,
Весёлый смех подвыпивших актрис.
А утром наш кровавый бенефис.
Оставлен Крым и пал Новороссийск.
Не нужен мне ни крест, ни обелиск,

Не нужен Истамбул в морской дали,
Мне нужен лишь клочок родной земли.
Ах, господа корнеты , юнкера,
Сорву с погон двуглавого орла.
В сорочке белой, вензелем узор,
Я за Россию смою свой позор.

* * *

Точит камень вода,
Превращая в песок.
Дни уходят в года,
В поседевший висок.
Изменяется мир
У меня на глазах,
То сзывает на пир,
То в крови и в слезах.
Довелось в жизни мне
Побывать на пиру.
Это было в стране...
Далеко не в Перу.
Больше нет на земле
Той восточной страны.
Жрёт останки в золе
Срам Чеченской войны.
Как зловонный нарыв –
Палестинский вопрос.
В мирном городе взрыв
Сотни жизней унёс.
И как следствие – месть
И ответный удар.
Вновь господствует смерть,
Вновь лютует пожар.
Много тысяч веков
На планете Земля
Люди делят богов,
Горы, реки, поля.
Кто дал право делить,
Обнажив злобно меч?
Здесь мы можем лишь жить,
А планету беречь.

Я и Ромка Шишаловский

Мне приснился сон однажды,
Словно фильм многосерийный,
Двор, район многоэтажный,
Рай в стране однопартийной.
 Пацаны лет по семнадцать
 И ровесницы девчата.
 Всех мастей, конфессий, наций,
 Все советские ребята.

Вдруг рекламная заставка:
На ковре борцы-атлеты:
Саша, Юрка, Игорь, Славка...
Разбросало всех по свету.
 Вот и я, но где-то с краю,
 Нацепил пиджак отцовский.
 Кто ж спиной стоит? Ах знаю!
 Это Ромка Шишаловский.

Дальше серия вторая,
Сняты новые сюжеты –
Разбрелась страна родная,
Поменяв приоритеты.
 Не нужны России немцы,
 А евреи – Украине.
 И теперь переселенцы
 Расселились на чужбине.

Снова яркие рекламы –
Календарь листает годы,
И уже бывшие травмы
Отвечают на погоду.
 Снится дальше шум прибоя
 И опять ковёр борцовский,
 Где стоят в обнимку двое –
 Я и Ромка Шишаловский.

Я проснулся, пот холодный,
А душа болит и ноет.
Хоть холёный и дородный,
Но сердечко беспокоит.
 Где вы, славные ребята, –
 Саша, Юрка, Игорь, Славка.
 Где, в каком теперь прокате
 Та рекламная заставка.

Не вернуть былого больше,
Ах, кому всё это надо!
Поутру в соседней роще
Нарыдаюсь до упада.
А приду домой, супруга
Скажет: «В десять по-московски
Был звонок тебе от друга,
Некто Ромка Шишаловский».

По вечернему Ташкенту едет старая арба

По вечернему Ташкенту едет старая арба,
Впереди смешная кляча, сзади шумная гурьба.
На арбе седой старьёвщик заключён толпою в круг,
Не спешит открыть массивный, полный сладостей сундук.
«Открывай-ка, дядя, живо, вот бутылки на обмен,
Не скупись и не торгуйся, позабудь про свой безмен.
Угощай детей сладостями и не думай про навар,
Мы на ветхие обноски поменяем твой товар.
Нескончаемым потоком босоногая орда
За арбой бежит часами без особого труда.
Так и странствует старьёвщик, – не работа, а судьба.
По вечернему Ташкенту едет старая арба.

Первая любовь

Я, как побитая собака,
С трудом передвигаю ноги.
Повержен враг, утихла драка,
Лишь брызги крови на дороге.
Прошёл прилив адреналина,
По телу неги и усталость.
В висок стучит – моя Галина,
Она по праву мне досталась.
Привет: Первая любовь – бессонные ночи,
Первая любовь по венам клокочет.
Первая любовь горда и жестока,
Первая любовь осталась далёко.
Я думал – в честном поединке
Оспорил право на девчонку.

Надел я новые ботинки,
Напялил модную кепчонку
И к ней пришёл, в руке мимозы.
А враг мой здесь, с опухшей рожей.
В её глазах любовь и слёзы,
В его глазах я видел то же.
Я понял, не добиться силой
Большой любви, большого сердца.
А чтоб тебя назвали – милый,
Есть ключ к душе, а в душу дверца.
Есть путь иной к заветной цели –
Пришёл я к выводу такому,
Бессильны драки и дуэли,
Коль сердце отдано другому.

Одноклассники

Вновь ищу тех, кто в сердце остались,
Имена вспоминаю и класс.
Тридцать лет, как мы с вами расстались,
Ну какими вы стали сейчас.
Привет: Одноклассники ру., одноклассники,
Интернет в наши судьбы вошел.
Одноклассники ру., одноклассники,
Как я счастлив, что вас здесь нашел.
Поседали, конечно же, многие,
Пополнили былые друзья.
С фотографий улыбки их строгие
С укоризной глядят на меня.
Привет: Одноклассники ру., одноклассники,
Интернет в наши судьбы вошел.
Одноклассники ру., одноклассники,
Как я счастлив, что вас здесь нашел.
Вы простите меня непутёвого,
Я вас тоже, конечно, прошу.
Как здоровье? Как дети? Что нового?
Я вас также люблю и грущу.
Привет: Одноклассники ру., одноклассники,
Интернет в наши судьбы вошел.
Одноклассники ру., одноклассники,
Как я счастлив, что вас здесь нашел.

**Андрей
ГЕРМАН**

Родился в селе Буланыха Алтайского края. Его мать, высланная туда с Волги, встретила там с его будущим отцом, который перевез семью на свою родину в Сибирь, когда было получено разрешение на переселение для высланных из бывшей республики немцев Поволжья. Вырос и получил восьмилетнее образование в д. Тарлык Любинского района Омской области. Потом закончил педучилище, работал учителем, служил в армии, вернувшись из которой, снова продолжил работу и учебу: закончил заочно пединститут, трудился директором школы, на выборной работе. С 1993 года живет в Германии.

Москва, 21 августа 1991 г.

Дочери моей посвящаю

Мы танки вдруг с тобой увидели
На древних улицах Москвы,
Шли с грохотом тяжелым издали
Из дыма черные хвосты.
Ты, испугавшись, зашептала:
«То немцы, папочка, идут? –
С волнением детским продолжала:
Они нас, папа, не убьют?»
Не помню, что тебе ответил,
Лишь успокаивал, как мог.
Народ кругом, как я заметил,
Тревожно торопился прочь.
Колонна танков - знак недобрый –
Мне в память врезался в тот день.
Кремля седого даже звезды
На них боялись бросить тень.
Уйти хотелось лишь подальше
От дыма-грохота того,
Чтоб память, как следы в асфальте,
Не сохранила это все.
Предчувствие не обмануло:
Тот день для нас зловещим стал.
С ним доброе все затонуло,
России зашатался стан.
Правители вдруг объявились,
Себя прозвали «господа»!
А что же мы, кто мы такие?
Конечно ж, челядь, чернота!
Не по душе нам это было –
Порядки новые и власть.
И честь, и долг - им все претило.
Знакома только денег страсть.
Конечно же, в тот день далекий
Я с крошкой дочерью своей
Жил лишь одной простой заботой –
Москву покинуть поскорей.
Задача вовсе не простая
Для той поры и той страны...

И беспокоилась родная
Катюша, где-то там вдали.
Те вспоминая дни такие тяжкие,
Мне жалко девочку свою:
От пережитого уставшая,
Она аж засыпала на ходу.
Она не плакала, не хныкала,
Как будто понимала все.
Глаза смотрели вопросительно,
Не отрываясь, мне в лицо.
Я молча скрыть тогда пытался
Тревожный от нее свой взгляд.
Тот бесконечным день казался...
И вот мы с ней нашли свой ряд,
Моторы лайнера взревели
Умчался он стрелою в ночь.
Лишь звезды за бортом блестели...
Сопела тихо рядом дочь.

37-й год

Год этот память пронзил навсегда.
В истории цвет его – черный.
И черного скрип тормозов «воронка».
Жен плач тихий, детский же – звонкий.
Когда-то давно у отца я спросил:
«Скажи, где мой дед затерялся?»
Как будто в молитве он руки сложил,
А голос железным казался.
«Сынок, нелегко мне тебе объяснить.
Мы жили и честно трудились.
Но подлость и зависть не смог он снести,
Доносом ему отомстили.
Судьба отвела лишь полвека ему,
Днем летним его вдруг забрали.
(Еще раз увидеть не смог он семью),
А ночью глухой расстреляли.
Глаза свои пред палачом не опустил,
А также не встал на колени.
Лишь басом смеялся могучим своим

Над пунктами их обвинений.
Выстрел глухой прозвучал в тишине,
Никто им не был потревожен.
И сведений нет никаких и нигде,
Где был мой отец похоронен».
«Боль эта вечно осталась со мной», -
Отец мой чуть слышно добавил.
Короткий вопрос мой, наивный, простой:
«За что?» - Умолкнуть отца вдруг заставил.
Он долго молчал и всего лишь сказал:
«Не знаю», - как эхо же вслед прозвучало:
«Троцкисты и Троцкий. Никто их не знал.
От расстрела же то не спасало.
Тот же доносчик и мне пригрозил, -
После паузы папа добавил.
Пойдешь скоро следом за батей своим», -
Ухмыльнулся вражина и точку поставил.
Тут и отец мой пустился в бега.
В голодной степи затерялся.
Рыла там жизни канал вся страна,
Помочь им отец мой старался.
Он строил канал, только в личной судьбе
Остались одни лишь руины.
Сижу потрясенный, и кажется мне,
Что год тот прорвал все плотины.
Отец мой обиду в могилу унес,
Его же рассказ я запомнил...
В газете отрывок: «Отменен приговор»
Былое мне снова напомнил...

**Зинаида
ГРИНЁВА
(Шмидт)**

Родилась в селе Кременчуг Кокчетавской области Республики Казахстан. В 1999 году переехала в Москаленский район Омской области. Стихи начала писать со школьных лет. Её произведения печатались в разных изданиях: в газетах «Степные зори», «Целиноградская правда» и «Сельская новь», в литературном журнале «Нива» и литературно-историческом журнале немцев Сибири «Культура». Участница радиопередачи «Мир творчества», литературного клуба «Поэзия». Её стихи напечатаны в сборнике стихов, посвящённом 65-летию Великой Победы «Завещано помнить»

Письмо с фронта

Привет, я пишу с поля боя
В свободный часок тишины.
Мы скоро покончим с войною,
И больше не будет войны!
Мы скоро вернемся, родная,
Ты только в письме напиши,
Как вишня моя, подрастает?
Как яблоки, мам, хороши?
А мама уронит слезинку,
Тихонько с печалью вздохнет:
- Растет твоя вишенка, сынку,
И яблоня тоже растет.
Привет, я пишу тебе с фронта.
Ты снилась мне только вчера,
Моя дорогая сестренка,
Кровинка родного двора.
Расти,

Будь в учебе упряма,
Чтоб мог я гордиться тобой!
Смотри, не расстраивай маму,
Во всем будь ей правой рукой.
Привет, мой любимый братишка.
Так мало здесь тихих минут.
В короткий момент передышки
Тебе пару строк я черкну.
Один ты у мамки остался –
Мужик, на всю нашу семью.
Я долго в санбате валялся,
Чуть ожил –

Вставай и воюй!
Скажу тебе правду –
Здесь страшно,

И ходит тут смерть по пятам!
И знаешь, в бессмертие наше
Порою не верю я сам.
Но ты, прочитав эти строки,
Нахмурить не вздумай бровей!
Пусть верят и мать, и сестренка
В отчаянных русских парней!

* * *

Есть у меня для души так много,
Пасмурный день,
 На столе тетрадь.
Есть у меня для души – тревога,
Солнышко есть и есть ветра.
Есть у меня для души – аккорды,
Есть пара строчек и есть семь нот.
Есть всё, что нужно и значит скоро
Новая песня начнет полет!

* * *

Я хочу так влюбиться,
Чтоб тихая осень
Вдруг запела от счастья
За нашу любовь!
Я хочу так любить,
Чтобы не было вовсе
Ни тебя.

 Ни меня,
Только – небо стихов!
Только море любви,
Только нежности бездна,
Только счастья века,
А разлуки – ни дня!
...Я хочу так забыть,
Чтоб была бесполезна
Даже каждая буква
Слов, зовущих меня...

* * *

А завтра наступит сентябрь,
Пропитанный запахом хлеба.
И осень игриво, шутя,
Пролет на нас серое небо.
Ты можешь еще угадать
(А завтра уже не успеешь)
Откуда она и когда
Приходит, прохладой повеяв?
Ты можешь ещё пару слов
 Сказать,
Но уже не услышу,
А осень, на клочьях листов,

Всё письма никчемные пишет...
И падают эти слова
Ни кем не прочитаны, в бездну.
Ах, осень, ты страшно права –
И я ведь когда-то исчезну.

* * *

Опрокинулось небо на город,
И такое творилось под ним!
Снег колючий,
Влетая за ворот,
Становился дождем ледяным.
Мы стояли и молча смотрели
На пленённые вьюгой дома,
Мы ладони озябшие грели,
А их снова студила зима.
Тихим взглядом
Уткнувшись друг в друга,
Мы пытались
Хоть что то спасти...
Мчался город,
Зимою испуган,
Только мы не решались уйти.

* * *

В твои волосы ветер забрался,
И лохматил, и бегал по ним!
А когда он, чужак, наигрался,
Ты стал милым и очень смешным!
Мы смеялись, как малые дети,
Рассыпая смешинки дождем!
Веря в то, что на всем белом свете
Всех счастливей мы будем вдвоем!
Но подкралась пугливая осень,
И свои нашептала слова...
Тот же ветер, листвою в нас бросил,
И сказал нам:
«Не знаю я вас!»

**Мария
ДЕНИСОВА
(Айрих)**

Родилась в 1980 году в городе Холмске. В 2002 году с отличием окончила Омский государственный педагогический университет по специальности учитель немецкого и английского языков. С 1999 г. активист областного молодежного центра российских немцев, в настоящее время – член совета Омской областной молодежной общественной организации «Методический центр немцев Омской области». Активно участвует в проектной деятельности Методического центра, оказывает образовательные услуги и организационную помощь во время проведения проектов городского, областного и международного уровня. Преподаватель немецкого языка в Омском кадетском корпусе Министерства обороны РФ.

Имеет ряд публикаций в методическом бюллетене «Культура». Наряду с основной профессиональной деятельностью занимается развитием системы раннего обучения иностранному языку, имеет авторские методики и публикации, является соавтором пособия по раннему обучению немецкому языку «Пособие для учителя *Deutsch mit Schrumdi*».

Имеет немецкие корни по материнской линии. Замужем, воспитывает двоих сыновей, прививая им любовь к языку и российско-немецкой культуре.

Я – молодой!

*...Und es gibt auch welche unter euch,
denen die Tränen über die Wangen rollen
bei unserem Erzählen...*

Я – молодой! Сейчас мое время. Я все могу. Для меня нет границ. Моя родина – это мир. Я – космополит. Моя нация – это ... Я молодой – вот моя нация! Сегодня я могу все!

А вчера? Было ли это у меня вчера?!

А вчера мир был подвластен не всем. Только избранным. А вчера родина была не у всех. Многих ее просто лишили. А вчера национальность была важна. Не просто важна – от нее зачастую зависело будущее...

Судьба российских немцев обычно воспринимается широкой общественностью только тогда, когда речь идет об иммиграции в Германию. И взгляды сторонних наблюдателей здесь весьма противоречивы: в России их называют немцами, и кто-то считает, что раз немцы, значит и должны жить в Германии; другие справедливо полагают, что их место здесь, в России – ведь они родились и выросли именно на этой земле.

В Германии также задаются вопросами: кто же это едет к нам? Неужели

эти люди еще являются немцами? Почему они сюда приезжают? Не лучше ли будет помочь остающимся на законной родине?

Часто российских немцев попросту называют русскими и контейнерные поселки, в которых приходится обитать этим людям, пренебрежительно – поселками для русских.

И получается так, что они немного чужие на русской земле и уже совсем чужие на немецкой. Получается так, что они сами не понимают, есть ли вообще место для них на этой земле и, если есть, то где оно все-таки?! У них нет душевного покоя. Они в постоянном поиске. Просто они хотят найти свою родину – потерянную родину...

Жизнь и судьба этой немецкой народности, вот уже более 250 лет проживающей в России, теснейшим образом связана с немецко-российскими отношениями 20 века. Для них война между Германией и Россией уже в 1941 году вылилась трагедией. Вскоре после немецкого нападения на Советский Союз их основное место жительства – республика Поволжье – была распущена Сталиным под мнимым предлогом, немецкое население депортировано в неблагоприятные для жизни человека регионы советского северо-запада. Основой всего этого послужило их огульное обвинение в коллаборационизме и шпионаже в пользу нацистской Германии. Разочарование, страдания и смерть были последствием этого шага.

Сколько жизней унесено, сколько судеб искалечено было одним росчерком, подписавшим страшный указ от 28 августа 1941 года. Выстоявшие и выжившие, перенесшие трагические последствия сегодня с болью в сердце вспоминают те бессердечные и бесчеловечные годы. И сегодня спустя 73 года все, кто смог пережить это и чьих близких коснулось это, вместе скорбят и помнят. Помнят унижения и тяготы, голод и страх, боль и разрушенные надежды. Однако они помнят и другое: поддержку своих близких и готовность прийти на помощь друг другу, стойкость и верность своим идеалам и традициям, все-таки несломленный дух и достоинство, с которым эти люди преодолели все повороты судьбы.

Мой дед прошел войну. Он защищал Родину, он отстаивал ее право на мирное будущее и строил его.

Мой прадед, мои бабушки и деды тоже строили светлое будущее великой державы. Они тоже служили советской армии – трудовой армии...

Из воспоминаний дорогого мне человека: (Эдмунд Имгерр. Воспоминания российского немца).

«... Я тоже был потрясен. Сильно потрясен. Все проживающие в СССР немцы вдруг оказались перед огромной дилеммой – быть с одной стороны частью того народа, который напал на Советский Союз, и с другой стороны быть советским гражданином и чувствовать себя именно таким. Во мне поднимались и надежда, и сомнения. После нападения фашистской Германии поволжские немцы продолжали честно работать каждый на своем месте. Я надеялся, что война продлится недолго и скоро закончится, как тогда с Наполеоном...»

«... поздним вечером 27 августа нас, троих учителей, вызвали в сельсовет Гёбель, кантон Добринка. Представитель НКВД из кантонского центра и местный председатель сельсовета Альве навалили на нас «неотложную» работу. Нас заставили всю ночь в комнате с завешанными одеялами окнами делать семейные записи по предварительно распечатанным карточкам. Чуть позже, 30 августа, прочитав в областной газете указ от 28 августа, мы поняли, для чего им понадобились эти семейные карточки...»

«... за день до нашей депортации мне, согласно распоряжению, надо было передать школу русскому гражданину из деревни Щербаковки. По профессии он был трактористом...»

Как и все поволжские немцы Эдмунд Имгерр был депортирован. Его новым местом проживания стала Сибирь.

«... Мы призваны были трудиться, поддерживать экономику, собирать поздний урожай в Сибири, строить железные дороги, заготавливать дерево в тайге. Непосредственно после депортации в течение почти трех месяцев мы вкалывали на новом месте. Потом стало еще хуже, впереди была трудовая армия!...»

10 января 1942 года последовало решение Государственного Комитета Оборона СССР «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет». 120 000 немцев, мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, пригодных для тяжелого физического труда на время работы были насильно мобилизованы.

В октябре 1942 года была объявлена полная мобилизация всего мужского населения из числа российских немцев в возрасте уже от 15 и до 55 лет, а также женщин от 16 до 45 лет. Вместе со своими матерями в лагерь попали и грудные дети.

«... В трудовых колониях и лагерях царили нечеловеческие условия. К этому еще прибавился и моральный нажим со всех сторон. Малейшие нарушения трудовой дисциплины, отказ от работы, несвоевременное прибытие на сборные пункты и попытки побега карались жесточайшими мерами, вплоть до расстрела. Когда мы вынуждены были построить себе лагерь, одним из первых зданий в нем был карцер. Человек, проводивший в этом карцере неделю или две, был близок к смерти. В день ему давали 300 граммов хлеба и один раз – пить. Карцер не отопливался, ни одежды, ни постели там не было...»

«... Шансов выйти живым из лагеря было мало. Только немногие остались в живых. Из деревни Сорокино на Алтае в 1942 году 85 человек было погнано в лагерь, из них только 24 вернулись к своим семьям. Это был лагерь смерти. Умерших погребали в массовых захоронениях рядом с лагерем, на тесной лужайке без холма, без креста...»

«... Зимой нам приходилось валить лес, летом сплавать его по реке. При этом нас запрягали в сани, заставляли тащить груженные лесом сани до места назначения. Тяговые лошади появились позже. Моим партнером в такой упряжке был мой коллега (тоже учитель) Александр Йост...»

«... Поздно вечером мы возвращались в барак, клопы и вши мучали исхудавшие тела. Горбушка хлеба на день в то время являлась желанной целью нашего

существования. Кроме хлеба давали еще по половнику жидкого супа – баланды. Это была какая-то мутная жидкость, походившая на глиняный раствор, без картошки, но с капустой. Жира там не было, но иногда она пахла рыбой...»

«...Голод сводил людей с ума. Когда вечером возвращались в барак, первым делом смотрели на хлебницу. Но та пустая стояла посередине грубо сколоченного стола. Некоторым мережило, как-будто она пахнет свежим хлебом. Подавленные, они крутились возле хлебницы, но ничего не менялось: опять предстояла долгая голодная ночь. Только утром заносили хлеб в барак...»

Понятие «трудармия» приукрашивает истинное значение и последствия этой лагерной системы. Еще до конца войны это понятие вошло в официальный обиход. Идеологически используемые понятия «труд» и «армия» внушали, что и насильственно мобилизованные служили «славной» армии «славного» Советского Союза.

«... 8 декабря 1956 года в ответ на мой запрос я получил от управления лагеря справку о том, что я с 10 февраля 1942 года по 13 октября 1946 года был занят разнорабочим на предприятии «п/я 240», откуда я уволился в связи с переходом на работу в трест «Майкаин-золото» в Казахстане...»

Что российские немцы действительно пережили в этих «трудовых» лагерях, люди сегодня вряд ли могут себе представить. Не описать словами, что потеряли «трудармейцы». Это был настоящий ад. Пережитое по сегодняшний день воспринимается кошмарным сном. Те немногие, которые выжили, часто задаются вопросом, почему это они выжили в то время, как их родные и друзья умерли.

Сегодня Эдмунда Имгерра уже нет в живых. Он ушел из жизни именно в тот трагический для его народа день – 28 августа. Только уже в мирное время спустя 60 лет...

Мы, молодые, мало знаем о своих корнях. О прошлом и порой настоящем своей нации. Мы даже иногда забываем, какой мы национальности. Мы космополитичны и глобализированы: мы пьем бразильский кофе и американскую колу, мы едим итальянскую пиццу и русские пельмени, мы читаем испанского Пауло Коэльо и увлекаемся английским Гарри Поттером, мы ведем счет арабскими цифрами и, используя набор латинских букв, окунаемся во всемирную паутину, мы покупаем японскую технику и ездим на немецких авто.

В нас смешались тысячи, десятки тысяч кровей. Но есть среди них одна, которая немного, но ярче других, которая пульсирует чуть сильнее остальных, отвлекая нас от суеты и уводя в день вчерашний, заставляя задуматься о том, кто я? какой я? чему и кому я обязан тем, что имею, я обязан своим настоящим. Осознавая это, начинаешь с гордостью думать: я – русский! Я – татарин! Я – немец!

Проследивая путь и судьбу своего народа, мы гордимся и радуемся вместе с ним, удивляемся и переживаем, мы также скорбим и плачем. Мы не бесчувственные. Просто мы этого не знали... Просто мы этого не пережили...

**Артур
ИОРДАН**

Родился 30 декабря 1940 года в селе Гуссенбах Франкского кантона АССР немцев Поволжья. До войны в этом селе проживало восемь тысяч человек, которых в результате депортации раскидали по Сибири, Казахстану, Узбекистану и даже Туркмени. Местом жительства моей семьи стало село Цветнополе Азовского района Омской области.

Здесь окончил среднюю школу, а затем поехал на Урал – «за туманом, и за запахом тайги». Служил в Советской армии с 1959 по 1962 годы. Служил под Москвой и, конечно, использовал любую возможность побывать в театрах, концертных залах и музеях столицы. После службы вернулся к престарелым родителям. Начал работать в школе. Окончил факультет иностранных языков Омского госпединститута. Назначался заведующим учебной частью, а с 1973 года (по 1988 год) – директором Цветнопольской средней школы.

Все эти годы активно сотрудничал с районной и областной прессой, были публикации и в центральных изданиях. В 1981 году был принят в члены Союза журналистов СССР, в 1993-м – переход в Союз журналистов РФ. В 1994 году стал сотрудником редакции газеты Азовского немецкого национального района Омской области „Ihre Zeitung“, а в 1996 году был назначен главным редактором этой же газеты. В 2002 году после обширного инфаркта перешел в разряд пенсионера-инвалида.

Со школьной скамьи был увлечен художественной самодеятельностью, а с появлением в восьмидесятых годах Немецкого государственного драматического театра (Темертау, Алма-Ата) стал делать свои конкретные шаги в немецкой культуре. Был знаком и дружил с рядом актеров этого театра и даже выступал с ними на разных сценах. Участник ряда Международных фестивалей немецкой культуры, Дней немецкой культуры в ряде областных центров РФ. Неоднократно выступал в Москве (вел концерты на немецком языке, исполнял свои шванки). В 1993 г. с фольклорным ансамблем «Blütenfeld» (Цветнопольский ДК) выступал в Германии – это был первый творческий коллектив из Азовского ННР, выступивший за рубежом. В 1996 году вместе с группой творческих работников представлял искусство российских немцев в ряде городов Дании.

Был режиссером, ведущим концерта на I съезде трудармейцев в Москве (1995 г.), в эти же дни с творческой группой российских немцев выступил в Посольстве ФРГ в Москве.

В июле 2013 года в рамках празднования 250-летия Манифеста Екатерины Великой на праздничном концерте в городе Энгельсе – бывшей столице АССР немцев Поволжья, объявил о своем уходе с эстрады российских немцев.

Является активным сотрудником журнала «Культура», лауреат Немецкой национально-культурной автономии Омской области.

ШВАНКИ ОТ АРТУРА ИОРДАНА

Prosa und Geldgeruch der Liebe

Jung, hübsch und attraktiv war sie, meine Freundin. Haben sie schon mal das deutsche Lied „Rehbraune Augen“ gehört? Das müssen sie doch mal hören! Solche wunderschönen Augen hatte sie. Na ja, damals war auch ich viel junger...

Zu jedem Festtag schenkte ich ihr zwei-drei echte Bücher. Zum Geburtstag, zu Weihnachten und Neujahr, zum Weltfrauentag. Sogar zum Internationalen Kindertag. Sie war doch auch noch ein Kind und sollte eigene Kinder bekommen.

Und was meinen sie sich da?! Im Laufe der Zeit hat sich bei ihr eine schöne Bibliothek gesammelt. Und doch schlugte an einem Tag die Uhr dreizehn. Ne, lachen sie nicht so dumm! Sie meldete mir, sie habe einen prachtvollen Freund. Auf ihn kann sie sich verlassen.

Elfridas Mutter hatte sie verraten – der Freund hatte Geld. Die einzige und ewige Liebe von Elfrieda war das Geld.

Die Bücher gab sie mir nicht zurück, will ich hier betonen. Doch wohl sollten sie für schwarze Tage bleiben. Bücher kosteten bei jeder Zeit auch Geld.

Lambada und Sex

Es war früher so und ist auch heute auf dem Lande so geblieben, dass die Alten am Abend, wenn es schon kühler ist, auf den Bänkchen vor den Toren sitzen. Werden sie begrüßt, so sind sie auch jedem froh. Und bekommen sie einen Partner zum Gespräch, dann ist was los! Zu jeder Frage, zu jedem Problem hat da dr Fedr Filipp seine Meinung oder Antwort (es kann auch dr Fedr Jorch, Fedr Jakob, Heinrich - Fedr odr alde Fritrich sin). Manchmal ist es kaum zu verstehen, meint der Alte das ernst - oder scherzhaft... Oder ist er schon zu alt? Na ja, was soll man von solch einem Menschen verlangen... Manchmal leuchten in seinen Augen solche Funkel auf, und da versteht man doch - er hat die Freude am Leben noch nicht verloren. Und da stellen wir uns mal solch ein Gespräch vor:

Vor zwaa odr trai Joor hat ich noch kan Kukkaste - ich hun dr Modr zur Weschmaschin zamegelebrt. Un to heert ich jo fast jedn Taach: Lampade, Lampade un Lampade. Un pis zum Schlouwege war waidr niks wie Lampade! Un to tocht ich mir - na was is ten widr pei unsr Nachbarn dr -Ruse - los? Tie wole'ne widr tie Hailiche Pildr apneme? Odr felt's Eel widr vor tie Lampadelichtjer, tie tie Ruse vor tene Hailiche Pildr anstege? Mensch, na tie hade mich am Radio kans njarsch gmacht!... Un to kam ich mol in tie Stat zu maam Engl - ich hap tort so'n Prillhengst, er is schon iwr zwaa Institute gsprunge - un saad'm: «Horch mol, Junge, na was isn to widr pai dr Ruse los mit ten iire Lampade?» Hot sich tjar wol net ausgelacht!...

Un to saad' r: «Aldr, kom ins Zimr, ich zaich dr jez was Lampade is.» Kee mr nai, schalt tjahr sain Kaste ai, un...ihr liewe Lait, tes war jo n Tanz. Aus Prasilija... Ich waas net, was tu gecher Prasilija hast, awr ich muss dr aans saa - wie arm tie toch in Prasilija lewe! Tie Menr tanze jo all in waise Unrhous! Un tie Waiwr!... Vor tie schaint' s hen se uwrhaupt kaa Zaich mer.. To unrm Laip hen se aa Lepje, un to owe an tene scheene runde Zugrmelone aach noch e schmales Lepje hingepune! S is noch 'ne Wunr, wie to tie net rausspringe aus tem Lepjen?! Na un to han ich mr tie Lampade so angekukt un saat mam Engel: «Jungje, na in mainr Zait hot mr soo was nor im Pett gtantz!»

Nouch tem haw ich mr toch 'n Kukkaste gkaaft. Awr mit tjahre Lampade is' s so stilr gwore. Dr Mensch, tjahr tie Musik schriep, is klaap gstorwe, un so hen se iin kans vrgese. S keet ewn so im Lewe...Un to tocht ich m so: na was tenge ten tie to Owe, ich maan unsr Rechierung, kent mr net to nach Prasilija etwas Zaich schige? So ne gumanitare Hilf? All kene mr ja in Prasilija net anzie, awr tie Waiwr kende sich toch paar Rekjer nee!...

Un jez is widr was los. Dr Morjent schal ich dr Radio ai, un to haast's - Seks un Seks. Kuk ich uf tie Uhr, is's pai mir siwe odr acht, pai tene im Radio awr seks! Hen tie tort kaa Uur, odr kepts pai tene kaa anre Zaalwjardr meer?... Un tan heer ich noch - seks Rewoluzion un seks Rewoluzion. Na liewr Mensch, trai Rewoluzion hade mr schon un is niks gschaides rauskome, un wans noch seks Rewoluzion kewe sol - to simr jo kans vrlore!... To mus toch pai tene Sprechr was mit dr Aussproch net stimme! Tes mus toch wool net seks sin, tes mise tie Sek gmaant sin. Un kanst dr tes vorstele, warum?! Wan ich ten Kaste aischal un tie Japan zaiche - al wise toch, wie tie in Japan hait schawe un wie wait sie sin - tort rene aach viel Lait uf dr Gase hin un her. Un wen se Amerika zaiche -tort wimlt aach ales uf dr Gase. Un wie Amerika hait lept un spukt uf tie anre, tes wise toch ale kans gut. Awr wen se Moskau zaiche... To mecht ich imr kjarn wise, wu tie tie vile Lait herneme! Tes wimlt jo uf dr Gase schlimr wie ufm Amaisekhibl, un al rene mit dr Sek rum! Sokar noch mit zwaa. Was tie do al schlebe?! Un to tacht ich mr so was: wan se uns jedrm 'n krouse Sak kewe, odr aach zwaa, un lose uns al ins Auslant, un mr file uns in ihre Magasine tort triwe tie Sek vol un schlebe tes ales zu uns... To pin ich mr sichr - in tene nechste hunrt Joor to kome tie Kapitaliste net zu sich, wie mir in tene lezte sipzich!...

Gesprech mit Bonn

Unser olchosbauer wollte mal mit Helmut Kohl sprechen. Könnte so was vorkommen? Im Traum vielleicht... Алё, алё... Это Москва? Москва это? Девушка, я Бонн заказывал. Алё-алё, девушка, Бонн у меня! Алё-алё, tes is wool schon Bonn? Mit Helmut Kohl meicht ich kjarn dpreche... Is tes Helmut Kool? Ja, kuden Ouwnt! Na un wie is tes tie Kanzlai?! Ich wolt toch mit'm Helmut Kool spreche... Ja. Ja, ich vrstej. Dr Filip-Fedr is's! Ich saa dr Fedr Filip is's, aus Rasei!.. Mai Name?..

Na im Torf nene mich all Filip-Fedr... Ja, ich vrstej je. Plaufus is mai Name. Filip-Fedr Plaufus aus tem Torf Morjrntstraum in Sibirje. Ja, ja, so stimt's. Na un dr Kool, wu isr ten?... Soso, tes vrstej ich. Vom Stolle Ozean hap ich schon gheert. Awr von tene Papua noch net!.. Tes sin wool tie, wu Tach un Nacht mit'm nackiche Wanst rumrene?.. Naun un unr tene kept's wool aach schon Taitsche?...

Na untan keet's wuhin?.. So-so... Nouch Afrika, wu tie Necher lewe? Na un unr tene schwarze necher kept's wool aach schon taitsche Lait?! Ne-ne, Mensch, ich pin kaar net dr keche - dr Kool kan fare, wu'r hin wil. Ich pin plous dr Mainung, wen'r sai Kelt vrsprauche tejt un to tejt'r net so viel in dr Welt rumjutsche...

Tie Mehr ti im Torf hade gsaat, dr Kool selt e mol nouch Sipirje kome, zu unsre Taitsche. Mir tejte aach mol mit'me kluche Mensch tischkerire iwr tie Taitsche... Ja, ja, so, so... Mir tejt 'n Klaich vom Zuch odr vom Luftschif in tie Panje pringe. Was Panje is?! Na tort wesche mr uns. Aamol in dr Woch. Mr hales aus, ja... Tie Taitsche hen sich frier in tene. Zuwr un stern gwesche, un mir wesche uns in dr Panje. Na so aamol in dr Woch, wie ich saat, un mr hales aach aus. Un to tejte mr 'n aach in tie Parilge fiere... Was tes is, aa Parilge?!.. O-o, Mensch, tes is was gschadtes - to kamr sich mit'm Pesem im Tamf so gsund klobe!.. Tes macht aach 'n Elefant klaich gsunt!.. Un nouch dr Parilke tejte mr iim am Tisch paar Flasche... Schaps kewe! Un sach tichtiches Taitsche Ese tejte mr pai pringe: Soljanka, Borsch, Schtschi, Posy, Tscheburege, Pelmeni, Schaschlik... Wan's net raiche tejt, to kende mr aach noch Kartowl und Kleiß paipringe! Un wan's toch net gnunk wer, to kende mr aach paar Flasche Samogon paipringe... Was tes is's, - Samogon?.. Na ten koche mr in dr Nacht aus dr Riewe! Un tes Gfrous is awr so stark... Zwai Klesr kene dr krejste Oks umwerwe, so stark tes Gfrous is!

Jez was wolt ich to noch frouche?... Kolchose kept's wool pai aich?.. So, so - ich hap's vrstane... Jedr schaft vor sich uwm Lant... na un wie eksistiert tir tort iwrhupt oone Kolchose?!.. Ja, ja... Jez is's mr aach klar gwore, warum aire Taitschmark so taier gwore is - iir wolt uns ewnt unsr kans Kelt aus te Tasche rausschiebe... Jez wolt ich to noch was frouche: na un Riewe kept's wool pai aich zu hage?.. Na wie, pai ins is's so - jedr kriet sai Paike... Tie Paike, was tes is?... Jedr bkommt sai Tail Lant mit Riewe, un to nemst tie Hak uf 'n Rugl un to keet's dr kanse Sumr wperjot - hin un her...so, in Kartowl prauch mr woolpai aich in Taitschlant aach hage odr net? Kut, kut - ich hap's vrstane. So is's jou - pai aich pale tie gpoudene Tauwe ins Maul aach net vom Himl...

Un tie Menr wolde to noch wise... Na wu isr ten?! Bonn, Bonn, ich heer aich net! Aljo, aljo!!... Алё, Москва! Девушка, алё, алё! У меня Бонн пропал! Алё, алё, Бонн пропал, говорю... Na, to is'r jo widr, dr Taiwl Ich saat, ich mecht! To noch kjarn wise... Aljo, aljo!!!!...So, jez is'r kans wek... Tfui, zum taiwl - so viel Kelt nausgsmise im kann dr Modr jez toch net saa, op tie to triwe in Taitschlant plischerne Jakier noch vrkaawe, odr net...

Die Kuh raucht nicht

Der Kommandant Major Bolmann in Zwetnopolje war viel menschlicher als sein Stellvertreter, Oberleutnant Maxim D. – für die Wolgadeutschen hatte er kaum ein freundliches Wort. Ein leidenschaftlicher Raucher war dieser Oberleutnant, er pflanzte sogar Tabak – auf dem Lande nach dem Krieg war es eine Gewohnheit. In der Nachbarschaft des NKWD-Offiziers lebte eine Wolgadeutsche mit ihrer Tochter. Eines Tages ging Maxim ins Gärtchen und was sah er da... Sein Tabakbeet wurde von einer Kuh zertreten. Aufgeregt kam er zu der Alten: „Großmutter Amalija, hat mir diese Schande ihr Kuh gemacht?“

Die Alte verstand ja etwas russisch, aber das Sprechen fiel ihr schwer. Sie faste Mut und sagte: „Net, Maxim! Male Karowa rapotai (melkte), otin Karowa tui na Tabak – to geest rem, to geest raus... Dr Tabak is propal...“

Schweigend ging Maxim weg.

Dust und Fliegen

Muß sagen, dass es in meiner Kindheit schrecklich viele Fliegen gab, dochwohl kamen sie aus Amerika zu uns. Man konnte kaum den Mund öffnen, in der Küche summte es den ganzen Tag. Um sie zu bekämpfen und beruhigen gab es ein Wundermittel - den Dust. Ringsum wurde er gebraucht, auch wenn jemand Läuse bekam, besonders die Kinder: man streute etwas Pulver auf den Kopf, verschmierte die Dose und... alles, Babka! Der Kopf wurde sauber, obwohl er zwei - drei mal gewaschen wurde. Den Gestank musste man doch vernichtet werden.

Im Fliegenkampf gab es eine andere Methode: man nahm ein Bügeleisen, streute von dem Gefrous (so die Hussenbächer) auf die Glut, machte den Deckel zu - der wilde Dunst machte alles gut. Kaum hatten wir bei uns die Fliegen so „eingepudert“, da kamen drei Weiber aus dem Nachbardörfchen zur meiner Mutter zu Gast. Sie hockten auf den Bänkchen vor dem Aufgang und besprachen das radikale Volksmittel: bei ihnen sei es gerade auch so. Eine Frau sagte plötzlich: „Wenn ich ja wiste, wjar ten Tust un tes Waschhaus ausgdocht het, tem teet ich “n Kuß kewe!“

Kurz und etwas heimlich schaute ich mir die Frau an: der Mund fast ohne Zähne, das Gesicht durchfürchten Runzel, die ausgetrockene Finger waren Krallen ähnlich... Sogar keine Mona Lisa war sie. Innen musste ich auflachen: „Wer will den von dir, alte Pfefferdose, jetzt noch einen Kuß...“

Das Dust der Gesundheit sehr schädlich war, daran wurde in den 50-er Jahren noch nicht gedacht. Die Fliegen zu vernichten war wichtiger.

Ljarnt mich net Rusch!

Zwetnopolje ist ein Dorf im Süden Sibiriens wie viele anderen. Hier wird tüchtig geschafft, man geht gern zu Gast, man liebt hier alte and moderne Lieder, man tanzt

auch gern. Spitznamen werden oft gern verteilt, man versteht auch einen guten Witz. Im Dorf meint man, wer Humor hat, der kann auch gut arbeiten, kommt auch besser durch das Leben.

Auch heute taucht in Zwetnopolje noch ein Alter Witz auf. Man schrieb 1956. Nach Stalins Tod wehten über das Land anderen Winde. Unsere Deutschen atmeten nach Hoffnung. Allmählich fanden sich Verwandten aus vielen fernen Gebieten Sibiriens, Kasachstans, Kirgisiens. Sogar aus Tadschikistan kamen Briefe nach Zwetnopolje. Man freute sich, es gab auch viele Tränen: wie hart hatten es die Leute... Man hätte beim Lesen dieser Briefe gern vergessen, dass nach der Deportation hier in Sibirien auch keine gebratene Tauben vom Himmel fielen... Es war wirklich eine harte Zeit.

Plötzlich brachte die Briefträgerin einen Brief an die Familie Wiediger (der Name ist geändert – A.J.)- Mit größter Freude wurde der Brief gelesen, aus diesem bekannt wurde – in einem fernen Städtchen Kasachstans leben die Verwandten. Die älteste Tochter Elfrieda Wiediger wollte die Verwandten besuchen... Die Situation wurde in der Familie heftig besprochen. Es gab auch eine bestimmte Geldnot. Der Vater – ein sehr strenger Mann – hatte viel Bitteres in der Trudarmee erlebt und kannte das Leben besser, als die 20-Jährige Tochter. Er warnte ihr, sie soll sich die Dummheiten aus dem Kopf werfen, die Fahrt ist kein Spiel: sie kann unterwegs beraubt werden oder sogar um das Leben kommen... Die Tochter ließ aber nicht nach, sie wollte gern ein Stückchen des Landes sehen! Wann gibt es noch solch eine Möglichkeit...

Den Familiestreit lassen wir ruhig der Geschichte. Endlich fuhr das Mädel ab: die Mutter weinte, der Vater hätte bald Schwefel gespuckt... Nach sieben Tage aus dem fernen Städtchen ein Telegramm: glücklich angekommen küsse sie Elfrieda. Russisch lautete der Text so: «Доехала благополучно целую эльфрида.» Den Text las man dem Vater vor, sogar dreimal. Endlich sagte er giftig:

- Hot's re toch gsoot, tjare Flint! Un jezt schraibt sie – tojechala plochopolutschne. Ich wusts jo, un to is 's ooch...

Man wollte die Sache und seine Meinung bessern: es sei nicht schlimm, und благополучно bedeutet einfach gut. Aber der Vater blieb Feuer und Flamme:

- Wos, ihr wollt mich wool Rusch lerne?! Pljocho – tes is schlecht! Tie Zuss soll mr toch zurickkomme, tjare zihe ich tie Haut op!..

Seitdessen haben die Leute in Zwetnopolje (wie die Geschichte nur unter die Leute kam?) ihren Wortschatz bereichert. Oft wurden hier nicht nur плохо-получно verwendet, aber noch viele anderen Wörter mit der Vorsilbe плохо: плоховерный муж (плоховерная жена), плохолопие, плоховоние, плохозвучие und so weiter. Es versteht sich, dass diese Wörter mit einem leichten Akzent ausgesprochen wurden.

An der Wolga gab's Kraut!

Siebzig war er. Und endlich wurde Konrad Büchner Rentner. In seinem Dorf auch in Rayon war er der beste Kombineführer. Seinen Mähdrescher konnte er besser,

als seine zehn Finger. Auf den alten Mechanisator konnte man sicher bauen: sein Mähdrescher arbeitete wie die Nähmaschine Singer seiner Frau.

Rentner war der Alte doch kaum zwei Monate und da kam er plötzlich zum Vorsitzenden der Kolchoses:

- Mensch, sucht mir mool ee Gescheft! Ich kan`s im Haus net aushale. Tie Wende trike mich sogar... Tie Alt kan tes jo net aushalde un wirt unzufriede, ewr ich mus ins Fraie!

Kurz gesagt, man schlug ihm eine gute Sache vor: Büchner und zwei Rentner sollen eine Gruppe der Volkskontrolle bilden. Die Gruppe bekam sogar ein altes UAS-Auto und konnte da am Morgen bis zum Abend von einem Feld zum anderen kommen. Nicht ohne Nutzen: hier und da fand die Gruppe Unordnung. Manchmal knurrten die Mechanisatoren, aber die Alten gaben nicht nach – jede gute Arbeit muss perfekt getan werden. Eine echte Arbeit ist kein Spiel...

Eines Tages kam der Leiter der Gruppe zum Gemüsefeld, wo die Weiber das Kraut wegmachten. Er stand da eine Zeit und fragte dann endlich einen Jungen, der an ihm vorbeilief:

- He, mai Puwe, wos mecht ten ihr to?

- Wie wos? Mir lade tes Kraut uf.

- Na un, meenste tes is wool Kraut?! Pai uns an dr Wolga – wot tes war Kraut!

- Wie an dr Wolga? Hot ihr tort `ne anre Sort?

- Ne, to hot mr vier – finf Kepjer ufn Loode gbrocht un to war `r voll! Un tes to is kee Kraut. Tes sin jo Pelljer zum Katzenspiel!..

Nach drei Tage haben sich beide vor dem Kolchosvorstand getroffen. Ganz froh begrüßte der Junge den Alten und sagte:

- Wissen Sie, mai Tade is ooch vun dr Wolga!

- Is tai Vadr net dr Schrainers Hannes? Ja... S stimmt! Un wost meenst to tomit?

- Ich hun ten Tade gfrocht, wie tie Lait to an dr Wolga tes krouse Kraut aigemacht hode? Wos fier Feser war`n tes?..

- Un wos seet tai Vadr?

- Er soot mir: ee, mai Jung, tie Feser ware so grouß, to henn tie Klempner triwesaits am Fass tie Reiwe geklopt, un hiwe hot mr`s kaar net gheert...

Feddr Kunrot klopfte mit einem feinen Lächeln den Jungen auf die Schulter und murmelte zufrieden:

- Ja, ja, Junge, so war`s an dr Wolga! Tai Tade hot dr`s recht gsoot.

Анна ЗИНЧЕНКО
(Альтергот)

Я родилась в большом и красивом селе – Краснояр-ка. Село считалось немецким, потому что проживали в основном здесь люди немецкой национальности. Фамилия моя девичья – Альтергот. Родители мои тоже немцы, дома мы говорили на немецком языке. В 1990 году они уехали в Германию. Все мои сестры и братья тоже переехали туда, я одна осталась здесь в России. Родители мои были очень трудолюбивыми людьми, 38 лет отработали на ферме, и поэтому нашим воспитанием занималась бабушка. У нас была большая семья – шестеро детей, и поэтому забот у бабушки с нами хватало. Бабушка моя почему-то никогда не рассказывала нам о своей жизни, а ведь пришлось пережить ей многое. Прожила она почти 101 год, без двух недель, умерла в Германии. Поэтому на её долю выпало достаточно горя и радости, но она не унывала, а мы бесконечно восхищались её трудолюбием и крепким здоровьем. Ведь она в свои 90 лет нам всем еще вязала теплые носки, шарфы, безрукавки, да еще непростые, а с узорами, смотрела телевизор и всегда обязательно каждый день читала Библию. Почему я

так много говорю о своей бабушке? Да потому, что она научила нас многим житейским премудростям. Я до сих пор использую в своей речи иногда немецкие пословицы, которые слышала от неё, вспоминаю мудрые советы и, конечно, готовлю немецкие блюда. У меня есть стихотворение «Боль души», которое было написано специально для книги, выпущенной к юбилею Шербакуля. В этом стихотворении затронута очень болезненная тема российских немцев – депортация, трудармия. А ведь в основу его легли рассказы моей бабушки и родной тети, которая в 16 лет попала на шахты в Кемеровскую область. Когда я первый раз дома прочитала это стихотворение, то моя родственница, которая тоже была в трудармии, заплакала и сказала: «Аня, ты почему не спросила меня, я бы смогла тебе столько еще рассказать об этом страшном времени».

Это стихотворение я написала за полдня, эмоции переполняли душу. А свое первое стихотворение написала ранней весной, когда увидела на стене дома красивую бабочку. Мне это показалось таким необычным явлением, ведь вокруг лежал еще снег.

Позже появились еще стихи о природе, но большинство стихов писала к утреникам, различным юбилеям. Вместе с детьми сочиняли сказки и сами пытались их иллюстрировать. Долгое время я в школе вела кукольный кружок, где тоже ставили небольшие пьески по моим сказкам.

В школе я уже работаю 27 лет учителем начальных классов. После окончания педагогического училища начала свою трудовую деятельность в маленькой школе в деревне Яблоновке. Через полгода стала руководителем новой школы здесь же. В это же время познакомилась с будущим мужем, он работал учителем математики в соседнем селе. В 1988 году мы поженились и вместе начали работать в Красноярской средней школе, где и работаем до сих пор.

У нас двое взрослых детей. Нам очень приятно, что сумели вырастить их добрыми и порядочными людьми. Дочь окончила школу с золотой медалью, с красным дипломом Омский государственный университет имени Достоевского и работает юристом. Сын учится в техническом университете на 4 курсе.

За годы трудовой деятельности много детей «прошли через наши руки», но мы помним каждого, радуемся их успехам, переживаем вместе с ними неудачи. И, видя, сколько радости дети получают от наших занятий, общения, как у них горят глазки, с каким удовольствием они приходят в школу, ты понимаешь, что способен дарить детям радость.

А если ты способен дарить людям радость, то, значит, ты кому-то очень нужен. Значит, есть зачем жить на белом свете.

Веяние весны

Пусть впереди ещё метели,
И лютый холод не прошёл.
Но кое-где уж звук капли
До слуха нашего дошел.
И воробьи, взъерошив перья,
Уселись стайкой на карниз.
И, подставляя солнцу крылья,
Забыли зимушкин каприз.
Трещит мороз ночной порою,
Развесив иней на ветвях.
Весна уж тут, не за горою,
К нам подбирается впотьмах.

Первенцы весны

Ещё и снег лежит в полях,
Деревья дремлют в тишине.
На первых выросших цветах
Пестреют бабочки уже.
Ещё потрепаны, измяты,
Ослабли в холод зимних дней,
Но гордо нежат свои крылья
В тепле от солнечных лучей.
Взмахнув красивыми крылами,
Они растаяли вдали.
И не дано узнать нам с вами,
Как зиму пережить смогли.
Секрет такого возрожденья
Они хранят среди цветов.
На нас навеют вдохновенье,
И каждый снова жить готов.
Ведь после долгого молчанья
Душа сумеет вновь запеть.
И прочь уйдут разочарованья,
Нам надо только захотеть.

В минуты грусти

Осенний дождь стучит по крыше,
Неся покой и тишину.
Лишь слышен где-то шорох мыши,
Что прячется у нас в углу.
Всё замирает на мгновение,
Когда потушат в окнах свет.
И свечка слабой нежной тенью
Ложится тихо на паркет.
И в этой тишине безмолвной
Вдруг грусть окутает сердца.
Бывает в жизни очень больно,
Но легче, коль с тобой друзья.

Первое дыхание зимы

Еще вчера нам дождь стучал по крыше,
Вода бежала струйками шумя.
А нынче утром я из дома вышел,
И вижу – белой пеленой покрылась вся земля.
Она остыла вмиг и так внезапно,
Прикрыв себя осеннею листвою,
И ели, широко раскинув лапы,
Готовы с зимушкой вступить в неравный бой.
А клены старые от холода притихли,
Осунулись, ветвями заслонясь.
Кора, вновь сморщилась от страшной мысли,
Что поморозит их зима, уж не лентясь.

Но в полдень солнце появилось в синем небе,
Пригрело землю маленьким лучом.
И где бы в этот миг ты, друг мой, не был,
Мечтать ты будешь только об одном:
Чтоб солнце чаще нам с утра светило,
Чтоб воздух был прозрачен и душист.
Всем улыбайтесь ласково и мило,
И будет мир земной душою чист.

**Владимир
КАЙЗЕР**

Родился в 1963 году в д. Новоскатовке Шербакульского района Омской области. После окончания школы учился и работал в Омске. Сейчас проживает в Германии, в городе Гельнхаузен. Он пишет о любви, описывает природу, откликается на международные события. Но, вчитываясь в строки его стихотворений, ощущаешь порой тоску и боль, горечь утраты. Его стихи были опубликованы в газетах и журналах, в журнале «Культура. Немцы Сибири», а также в сборнике «Mein Schöntal - Nowoskatowka» (Омск, 2006).

Грусть

Полынь-трава, в Сибирь дорога,
О Боже, как она близка!
Глаза закрою, вижу снова
Иртыш – мосты и берега.
Народ усталый, злой, голодный,
И озабочен взгляд холодный,
Привык топить печаль в вине –
Опустошение в душе.
За что такое униженьё
Досталось лишь моей стране?
Теперь в краю чужом и сытом
Я благоденствую в тоске,
Плюю на всё... Вот только выпить
Хочу я в русском кабаке.

Пасхальные бомбы

И опять у зари кровавый рассвет.
Распинаем Христа уж две тысячи лет.
Эту дату встречаем мольбой до небес –
Но... собирает пасхальную миссию бес:
Бомбы над Белградом в канун распятия,
Бомбы над Белградом
в канун воскрешения,
Бомбы с благословения...
Пасхальные бомбы зарю ослепили,
Распяли сердца, растоптали их в грязь.
И церковь славян в сотый раз осквернила
Холёная сытая мразь.
От свечей поджигая свечи огнём,
Из памяти изымая мысль огнём,
С землёю равняя храмы огнём,
Из сердца вырывая душу огнём,
Огнём падают...
Бомбы над Белградом в канун распятия,
Бомбы над Белградом
в канун воскрешения,
Бомбы с благословения...

* * *

О, этот край мне вовсе не милее,
Его краса мне душу не щемит.
Всё так же на восток гляжу я, млея,
Там дом отцов, осиротев, стоит.

«Лепс»

(отрывки из поэмы)

В краю родном по имени Сибирь
Мой отчий дом и праотцов могилы.
Оставив их в ночи в уединенье,
Я воскрешаю образ их мышленья.
Всю жизнь извечные пути-скитанья,
Мужчин печальный взор и плач детей.
Куда вели дороги и страданья
Всех этих вечно изгнанных людей?
О будущем мечтая, о счастливом,
Счёт не ведя неделям, месяцам,
Они воздвигли на земле селенье,
Мой дом отцов и лютеранский храм.
И вдруг в кровавом урагане
Исчез прекрасный свет заката,
И вихрь смертельный, как в тумане,
Погнал людей к воротам ада.
«Всем аз воздам! – сказал Всевышний, -
Всем – за неверие и грех!»
Он налил чару, прослезившись,
И пролил: «Это вам на всех!»
И брат пошёл войной на брата,
А «воронок » не уставал –
Искал врагов, «врагов народа»,
Моё селенье проезжал.
Заголосили жёны, дети
Вослед отцам и матерям.
Казалось, не было на свете
Семьи, где кто-то не страдал.
Клеймили всех и без разбора.
И сколько их – «врагов» страны -
«Вождей народа» злая свора
Сгоняла в шахты, рудники.

Уж давно отшумела буря
Роковых тех далёких лет,
А им до сих пор нет покоя –
Ни креста, ни могилы нет.

Не верю

Отвори свою дверь ипусти меня в дом.
Я промок и замёрз... Не гони!
Пусть ничто не напомнит тебе уж о том,
Что осталось у нас позади.
Дождь смывает следы на песке
Без остатка водою студёной,
А память, тревожа, живёт во мне
Горше горькой воды солёной.
Я вошёл в этот дом, всё уже позади:
Непогода и слякоть остались за дверью.
У камина сидим мы вдвоём – я и ты,
Но ты тихо сказала: «Не верю!»

Ностальгия

Опустошён до тихой боли,
В душе ни света, ни тепла.
Стою один, как в чистом поле –
Ушли мечты, любовь ушла.
Устал я, больше нету мочи,
Душа изнылась и кровит.
Спросил её: «Чего ты хочешь?»
Она лишь стонет да рычит.
Кричу я голосом охрипшим:
«Ау, откликнись кто-нибудь!»
Куда ни глянь – везде чужие,
И теснота сдавила грудь.
Мне тяжело дышать, мне больно –
Осталась где-то там Отчизна...
Живу в Европе сытой, вольной.
Я умер? Я ушёл? Я изгнан?..

**Владимир
КАЙКОВ**

Родился в 1941 году на севере Омской области – в Седельниковском районе, в селе Кейзес. Послевоенные годы были трудны как для всей страны, так и для этой сибирской глубинки. Матери моей приходилось в годы войны одной воспитывать меня, тогда как мой отец служил в Красной армии. Позже, когда кормилец вернулся из нее, легче стало ненамного. Те, кому пришлось испытать на себе все тяготы военных и последующих лет, в полной мере смогут оценить то, что тогда пришлось перенести многим и многим моим соотечественникам, к которым я отношу и советских немцев. Так как я знаю не понаслышке, каково им приходилось, сосланным и обогланным, долгие годы доказывать себе и другим свое право быть гражданином той Родины, к которой они причисляли себя не один десяток лет... Об этом и будут повествовать мои очерки, часть из которых читатель сборника, я надеюсь, увидит напечатанными к российским дням немецкой культуры...

А пока коротко о своей жизни. Учился в средней школе, служил в Советской армии, работал слесарем, кочегаром, водителем, строителем, проходчиком шурфов. Потом учился в пединституте, был педагогом, журналистом, а в конце своей трудовой биографии 15 лет трудился директором школы. Член Союза журналистов с 1980 года, лауреат Немецкой национально-культурной автономии Омской области.

У НАС ОДНА РОДИНА

Очерки о российских немцах – моих земляках

Вполне понятно, что все, что мной написано по этой теме, не сможет быть опубликовано на страницах альманаха. Но уже часть из них даст возможность читателю понять твердое убеждение автора о том, что немцы России с давних пор стали государственно-образующей нацией российского государства.

Село мое таежное, или Послевоенный быт сибирской глубинки

Детство мое и юность прошли в сибирской глубинке – на севере Омской области – в родном и милом моему сердцу селе Кейзес в первые полтора десятилетия после Великой Отечественной.

Как люди тогда жили, как проводили время, что носили и о чем мечтали – об этом и другом пойдет речь в этих воспоминаниях о тех трудных, но счастливых днях моего и моих друзей детства.

Генка, Вовка и другие

Отец с матерью ушли на экзамены в школу, и на нас с бабушкой и младшего брата легли заботы по домашнему хозяйству. Брат Шурик с сестрой Людой еще спали, когда бабушка Анистья растормошила меня:

- Вставай, внучек, надо овец на поскотину выгнать, воды натаскать в баню с речки, да на полив – с колодца. А потом отец велел два прясла тыном загородить, вчера он на школьной лошадке тын-то привез. Вставай, внучек, вставай!

- Баб, я же не успею, - заныл я.

- А ты Генку попроси помочь, своего братца-друга.

За тесовыми воротами раздался свист.

- А вот и Генка, поди, договорись.

- Счас, баб, - и я, натянув холщовые подштанники, выбежал на улицу, где действительно меня поджидал Генка.

- Ну, ты скоро, Вов? Мы все договорились пойти на речку. – Генка уже нетерпеливо переминался с одной босой ноги на другую.

- Ген, выгоню только овец, а потом сегодня столько работы. Вдобавок вечером отец наказал загородить два пролета на овощном огороде.

- Ну, вечером я тебе помогу, хотя...

- Так и воды ж сколько таскать. Это на речку четыре раза с коромыслом сходить да четыре раза в колодец.

- ...Хотя вечером я не могу. Мы с отцом и дедом Васей идем проверять запор, корчажки, переметы.

- Меня возьми! Бабушка отпустит, она знает, что дед Вася всегда делится в таких случаях уловом.

- Ладно. Иди договаривайся с бабкой. А забор мы с тобой завтра поставим. Воду же натаскаешь после обеда. Мы-то с Галей (Генкина старшая сестра) тоже в баню после обеда будем носить.

Бабушка милостиво отпустила меня на рыбалку. Овец мы с братом отогнали и стали собираться на речку.

- Вов, возьми картошки, я тоже возьму. Ты же знаешь: ни Генка Волков, ни Ванька Есипенко не могут взять, всю зимой съели, а тем более Вовка Штроо. У Генки семья большая, у Ваньки одна мать и огородик небольшой, а у Вовки его и вовсе нет.

- Ладно, а кто еще обещал быть?

- Да Борис Новиков придет.

- Ого, нечасто он балует своих родственников и друзей.

- Так ему некогда, все спортом занимается, да и что ему с мелюзгой возиться, все-таки на три года старше.

Через пятнадцать минут мы уже собирали сушняк на берегу небольшого омута, затем разоггли костер, напекли картошки, потом, перекусив, стали ку-

паться. Не обошлось и без казусов. Сначала Генка Волков, съев свою порцию запеченных клубней, умудрился умыкнуть часть Ванькиной. И, убегая от погони разозлившегося товарища, забрался на ствол наклонившейся ивы, откуда и сиганул в воду. Правда, не совсем удачно: не рассчитал и шлепнулся пузом о речную гладь. Вот тут уж Иван вдоволь позубоскалил.

Второй казус состоял в следующем. Купание наше всегда происходило в уединенном месте. И это понятно. В те времена в деревнях никто не только не носил плавок и трусов, но даже никогда их не видел! А тут такая оказия: услышав крики и бултыханье, на берегу неожиданно появились наши одноклассники. Хорошо еще мы все это время были в воде!

А ближе к вечеру мы с дедом Васей, дядей Яшей и Генкой пошли на речку Уй, где в уединенном месте, далеко за деревней, проверили снасти и уже с полными ведрами щук, плотвы и окуней вернулись домой, куда и я принес почти полное ведро рыбы.

- Генка, - уже поздно вечером с котомкой плотвы я снова пришел к троюродному брату, - пойдем отнесем немного рыбы Вовке, а то, ты же знаешь, у них почти никакого хозяйства нет.

- А какое ж может быть хозяйство, если люди живут в конской лечебнице. Подожди, я тоже немного окуней возьму.

- А отец не будет ругаться?

- Да мне дед разрешит, а отца срочно вызвали в кузню.

- Ну пошли.

Вовка был во дворе конской лечебницы, складывал в поленницу березовые дрова.

- Тебе помочь, Вовка? – Генка, не дожидаясь ответа, засучив рукава холщевой рубахи, начал собирать поленья. Я тоже присоединился к нему.

- Вовка, пока мы укладываем, отнеси в дом рыбу. Генкин отец с дедом наловили, ну и мы, конечно, помогали.

- Вот здорово! – обрадовался друг. – Я сейчас.

Вскоре мы уложили все дрова в поленницу и вышли на улицу.

- Слушайте, пацаны. Может, вы знаете, кто строит в селе рубленый дом?

- А что, хотите тоже поставить?

- Ну, ты же видишь, в чем мы живем.

- Видим, видим. Только ведь лес надо зимой напилить и вывезти. А до этого выкупить делянку.

- Это понятно. Нам хотя бы знать, сколько надо бревен и каких. Потом – за какое время его можно построить.

- За речкой, рядом с мельницей, один мужик будет ставить пятистенку. Как раз в завтрашнее воскресенье.

- А еще какие дома бывают?

- Ты у меня или у Генки бывал?

- Ну, бывал.
 - Так вот. Рубленая изба, посредине крест-накрест перегороденная бревенчатыми стенами – это крестовый дом. Вход в него через сени, которые... в общем – это первое помещение, рядом кладовка, тоже неотапливаемая.
 - Подожди, тезка! Ты мне про крестовый, а...
 - Ну так слушай. Рубленый дом, перегороденный одной стеной, – это и есть пятистенка. Вход в него – сразу с улицы.
 - А вы себе какой хотите? – вмешался брат.
 - Не знаю, – растерялся друг.
 - Ну, в общем, завтра посмотришь и расскажешь отцу. Хотя на крестовый ведь надо бревен больше, да и на сарай они нужны.
 - Завтра к девяти собираемся у мельницы. А сейчас, пока.
- И мы с Генкой пошли домой. Лето только начиналось, и каждый его день будет насыщенным событиями, так богатыми именно летом, именно в таежном селе.

В колхозной кузнице

Еще вчера наша троица – Генка, Вовка и я решили начать новый день в колхозной кузнице, где работали Генкин отец (Яков Васильевич Кайков) и дядя Гриша (Григорий Петрович Перменев). Бывшие фронтовики были и по внешности, и по характеру полной противоположностью друг другу.

Дядя Яша – коренастый, жилистый мужик – казался по сравнению с дядей Гришей слабаком. Однако первое впечатление было обманчивым. Демонстрируя однажды нам и нескольким колхозникам, собравшимся в кузнице, свою силу, он двумя пальцами согнул пятак, а потом то же повторил с подковой, затем разогнув ее.

Дядя Гриша – высокий, плотный атлет, на первый взгляд казавшийся рыхлым, на самом деле, как и все кузнецы, обладал очень сильными руками. Он тоже однажды показал свою мощь, разогнув на груди толстый железный прут.

Приходили мы в кузницу в надежде, что нам хоть однажды доверят выковать какую-нибудь вещь. Мы-то с Генкой не раз уже пытались помахать кувалдой. А вот Вовка был здесь с нами впервые, хотя жил в селе уже не первый месяц.

Семья Штроо появилась у нас, если память мне не изменяет, еще ранней весной. Поскольку жить ей было негде, родителей с сыном разместили в служебных помещениях колхозной ветлечебницы. Здание было, как и большинство северных домов, из рубленых бревен. Однако дрова на зиму, так же, как и запасы картофеля, надо было заготавливать самим.

Картофель копали с разрешения руководства на колхозном поле после уборки урожая клубней старшеклассниками. Дрова же заготавливали за околицей. Слава богу, что сушняка там хватало.

Познакомились с Вовкой мы не сразу, поскольку все его домочадцы, в том числе и наш будущий друг, обустроивались в новом жилье почти все лето. А осенью мы с ним встречались только в школе, потому что у них, как впрочем, и во многих наших семьях, была одна обувка на двоих.

Так вот, уловив как-то свободную минуту, Вовка несмело подошел к нам. В это время мы с Генкой копали червей в лощине за кузницей, готовясь к рыбалке. Вскоре к нам присоединился и наш одноклассник Иван Есипенко.

Мы уже хотели было познакомиться поближе с Вовкой. По школе-то мы его знали как молчаливого, но, судя по его подготовке, толкового пацана. Как вдруг откуда-то неожиданно вынырнул Филя Сладков. (Имя и фамилия изменены). Это был драчливый и чрезвычайно недоброжелательный подросток, года на два старше нас. Мы почти всегда отказывались от совместных игр с ним, так как они неизменно заканчивались потасовкой.

Вот и на этот раз Филя обрушился на подошедшего:

- Ты чего это, немец-перец-колбаса, приперся сюда?

Генка позеленел:

- Перестань, ты, урод!

- А ты, Геночка, замолкни! А то сейчас размажу по этому болоту!

Мы с Иваном встали рядом с Генкой, тут же с нами оказался и Вовка. Так мы с ним и познакомились и с тех пор стали приятельствовать. В тот раз Филя побоялся затевать драку. Однако, уходя, пригрозил:

- Я тебя, Геночка, скоро достану, и тебя тоже, приятель. – Последнее относилось к Вовке.

- Только попробуй! – ответил Генка. - Будешь иметь дело с Борисом Новиковым.

Видимо, угроза возымела действие, поскольку Филя длительное время больше не пытался скандалить и даже издали обходил стороной, заведя нашу компанию.

Борька Новиков был спортсменом. Во всяком случае, таковым он мне запомнился с детства. Вдобавок ко всему он был нам с Генкой троюродным братом, старше нас года на три.

Как семья Штроо оказалась в нашем селе после войны? Поскольку подробно друг нам не стал рассказывать об этом, ограничившись односложным ответом: «Выслали», - мы больше ни о чем его не спрашивали.

В селе уже находилось несколько семей поволжских немцев, высланных перед войной в Сибирь и Казахстан. Это были семьи Гирша, Кауфмана, Сандера и других. После войны они уже жили в таких же пятистенках или крестовых домах, как и у всех наших односельчан. С Отто Гиршем я вплоть до четвертого класса учился вместе. Нам даже нравилась одна и та же девочка-одноклассница, дочь местного лесничего Валя Тарасова.

Роберт Кауфман был намного старше нас. А Линда Сандер выглядела совсем малявкой.

Когда разгоряченные стычкой мы подошли к кузнице, на улице нас уже поджидал дядя Гриша: «Ну, чо, архаровцы, не стали связываться с этим обормотом?»

- Разберемся, дядя Гриша, - пообещал Генка, и, глядя на уже вышедшего из кузни отца, добавил: «Пап, а это наш приятель Вовка».

- Ну что ж, приводите его как-нибудь в кузню. Научим подковы гнуть, чтобы мог и сдачу дать, - приветствовал наше решение дядя Яша.

И вот вскоре после этого мы и пришли на рабочее место фронтовиков колхозную кузницу.

- Ну, архаровцы, кто первым станет к наковальне? – обратился дядя Гриша к молодым молотобойцам.

- Давай, Вовка, - подтолкнул приятеля Генка, - бери маленькую кувалдочку.

С молотком и щипцами, в которых был зажат зуб от бороны, к наковальне встал Генкин отец.

- Смотри сюда, парень: я буду постукивать молотком по тому месту, куда тебе надо бить кувалдой. Да будь осторожнее: окалина может отскочить в лицо!

Вовка усердно принялся молотить кувалдой по раскаленной заготовке, и вскоре наконечник зуба принял заостренную форму.

- Молодец! – похвалил друга дядя Гриша. – А теперь давайте-ка гулять, а то нам с Яшей надо еще на три колеса набить железные ободья и загнуть салазки.

Мы, конечно же, были разочарованы таким решением кузнецов, но Вовка тут же нашелся: «А посмотреть можно?»

- Что смотреть-то? - удивленно глянул на него Генкин отец.

- Так это, ну, - ободья и кому вы будете загигать салазки?

Все мы дружно расхохотались.

- Как ободья будем надевать – смотрите, а салазки загигать будем не вашему хулигану Филе, а березовым полозьям для саней председателя колхоза. Потом на эти сани поставим плетёный из прутьев ходок с облучком для ямщика, привяжем оглобли, и транспортное средство для нашего начальника будет готово. Останется только запрячь борзого коня, – с юмором закончил свою речь дядя Гриша.

- Мы тоже будем смотреть! – наперебой воскликнули мы с братом, так как даже нам не приходилось такого видеть: в кузне и вдруг делают деревянные сани.

- Смотрите, смотрите, - разрешил дядя Яша. – Вы еще не видели как мы делаем уголь. Так ведь?

- Конечно, нет. А что его как-то делают?

- Ну, это ведь не каменный уголь, который сюда завозить за 400 с лиш-

ним километров невыгодно. Поэтому будем жечь древесный.

- А нам можно?

- Это надо всю ночь березовые дрова без бересты жечь, да не в костре, а в замурованной печке.

- Вот здорово!

- Сильно не радуйтесь, - предостерег строго дядя Гриша, - если родители отпустят, и то кто-то из нас (кузнец показал на напарника и себя) будет с вами этим заниматься.

Посмотрев, как закручивают на вращающемся круге сырые березовые ползья, а потом их в таком положении закрепляют, мы, довольные, отошли в сторону небольшого прудика рядом с кузней.

- Ну, а сейчас чем будем заниматься? - спросил я у Генки, который по праву старшего был в нашей компании заводилой.

- Давайте-ка слазим в сушилку, - предложил Генка.

Сушилкой мы называли подземное сооружение – подвал, в котором сушили резаную картошку. Процесс сушки происходил таким образом: под специально приготовленными железными листами с крошеными клубнями разжигали огонь. После прогорания дров листы опускали прямо на угольный жар. После этого несколько дней картофель доходил. Если сегодня - завтра мы не попробуем прожаренные ломтики, то картофель отправят в район, а оттуда - на Крайний Север. Говорят, во время войны такую продукцию посылали в действующую армию.

- Я не могу, - сдавленно вздохнул Вовка. – Мне отец строго наказал: не участвовать в таких... мероприятиях.

- Не понял, - Генка нахмурил брови.

- Высланные мы, вас-то родители поругают – и вся недолга. А нас могут снова куда-нибудь заслать, - пояснил все более загрустивший Вовка.

- Ясно, Ген. Тут ведь такое дело. В вентиляцию спускался обычно самый маленький. А теперь-то его нет. Толя Юркевич уже подрос и туда не пролазит.

- А ведь точно, брат. В таком разе идем домой. Там работы хватает. Одних дров пилить больше тридцати кубометров.

С доводами Генки все согласились. И так уже достаточно отдохнули. Пора и честь знать.

Краткое послесловие

Судьба основных наших героев такова: Генка умер в больнице от сотрясения мозга, полученного им в драке с Филей, а Володя Штроо вместе с семьей в 1956 году выехал в город Фрунзе.

(Примечание автора: очерк дается в значительном сокращении)

2007 год, Омск

**Татьяна
КАСИЦКАЯ**

Родилась в р.п. Москаленки Омской области.

По профессии она библиотечкарь, а в душе - поэт. Поэт с широким диапазоном. Стихи пишет давно... Они оживали на тетрадных листках, в блокнотах, альбомах, запечатляя увиденное. Ей дорого все - и первый зеленый листок на березовых ветках, и стайка воробьев, весело купающихся в первых весенних лужах, и яркий осенний лист, плавно кружась, падающий на землю. Татьяне Павловне свойственны переживания, волнения, боль. Ее чуткое сердце всегда откликается на зов о помощи, и все это она пропускает через себя, выплескивая затем наружу новым стихом, которые она предлагает широкому кругу читателей.

Трудармейцам

Война прошла по судьбам ураганом,
Оставила везде свой горький след.
И кровоточат до сих пор людские раны,
Хоть с той поры минуло столько лет.
Был фронт, где рвались бомбы и снаряды,
Был фронт в тылу, бывало пострашней.
Не получали здесь за подвиги награды,
И хоронили здесь без почестей людей.

Трудармия. И зоны за колючкой:
Сеураллаг, Вятлаг, Краслаг, Базстрой...
Чтобы людей здесь унижать и мучить,
Оправдывая действия войной.

В них было большинство российских немцев -
Товарищ Сталин дал такой приказ.
И от приказа никуда не деться -
«Враги народа» - называли нас.

Нас выселяли из домов обжитых,
В казахский край, в сибирские места..
Самим Всевышним были мы забыты,
А в душах - только боль и пустота.

По разным лагерям нас расселяли,
Ведь «пятою колонной» были мы,
Жен и мужей жестоко разлучали,
И матерей с любимыми детьми.

Какое сердце может выдержать такое?..
Возможно ли умом это понять?..

Чтобы у матери дитя ее родное
Из рук просящих злобно вырывать.

Мы мерзли в стылых лагерных бараках
И проклинали гитлеровский род.
Несчастные, голодные «вояки»
Мечтали, как и все, попасть на фронт.

Тех немцев, что уже там воевали
За Родину, где жили и росли,
Счастливыми здесь мы называли -
Среди других они были свои.

А мы спускались в угольные шахты,
Тайгу пилили, строили завод,
Под русское «Внимание!», не «Ахтунг!»
Мы, стиснув зубы, двигались вперед.

Мы, как и все, так жаждали победы,
Мы радовались взятым городам!
И наши здешние, бараковские беды
Не столь уж страшными казались нам.
...И вот мы в светлом, долгожданном мире.
В который раз нас радует весна.
Нам наши внуки правнуков родили,
И снова жизнь надеждами полна.
В глазах людей не разглядеть обиды,
Наверняка ее давно уж нет.
Я грустных глаз давно уже не вижу.
Я замечал в них только добрый свет.

Берегите матерей

Вы берегите матерей,
Как страшно их терять!..
Кто станет днями у дверей
Так преданно вас ждать?
Кто слезы горькие утрет,
Развеет кто печаль?
Кто колыбельную споет
Внучатам – малышам?
Кто будет сердцем и душой
О здравии молить?
Забудет кто про свой покой,
Чтоб вам спокойней жить?
Обид не станет кто таить,
Простит и все поймет?
Кто сможет так еще любить,
Если она уйдет?..

**Светлана
КАЧЕРОВСКАЯ**

Родилась 24 июля 1956 года в деревне Изюмовке Шербакульского района Омской области, в возрасте 4 лет приехала в Новоскатовку (место компактного проживания российских немцев). Изучала германистику в ДонГУ и в ОмГПУ.

Первые публикации относятся к 1985 году. Поэзия Светланы двуязычна. Её стихи и переводы были опубликованы в газетах, журналах, в коллективных сборниках «Радость возвращения домой» (2003), «Бабье лето-3» (2004), «Mein Schöntal-Nowoskatowka» (2006), «Бабье лето-4» (2007), «Преодоление» (2012, 2013), автор книги стихов «Feuer unter dem Schnee» (2006). В 2011 году была удостоена звания лауреата немецкой национально-культурной автономии Омской области «За большой личный вклад в развитие литературы и этнокультурного потенциала российских немцев». В 2012 участвовала в Международном литературном конкурсе им. Виктора Шнитке и была удостоена диплома I степени в номинации «Переводы».

В 2013 была удостоена звания лауреата Международного литературного конкурса им. Роберта Вебера в номинации «Стихи», а также дипломов I степени в номинациях «Переводы» и «Литературоведческие работы».

Heimat

Wo ich nur war, hab` nie gesehen
Ein Land, das schöner ist als mein:
Im Frühling – Blumen, Winters – Schnee,
Bald ganz in Gold, bald blau und weiß.
Du bist so sündig und so selig,
Bewaldet, bergig, steppenglatt...
Du bist das Einzige auf ewig,
Mein Russland, teures Heimatland!
- Bewahre es, damit es lebe
Bis zu dem allerletzten Tag!
Bewahre es für deine Kinder, –
So hat die Mutter einst gesagt.

Nostalgie

In fremden Wänden, unter fremdem Dach,
Und fremde Lieder lassen mich nicht schlafen.
Ich hätte früher nie daran gedacht,
dass es mich ziehen wird in meinen Hafen.

Aus jedem Winkel schaut sein Angesicht:
Es zittern Birken, nackt wie meine Hände,
Das Dörfchen im gedämpften Abendlicht
Und Kinder, Eltern, Freunde ohne Ende...
Ist das die Liebe, die du stets verbirgst
Ganz tief im Herzen? Die geheime Liebe?
Das Stückchen Land, wo ich geboren bin,
Lässt mich nicht los. Ich komme immer wieder.

* * *

Ein Fliederteich umringt mein Haus,
Die lila Wellen jagen Duft.
Die Büsche flattern wirr und kraus,
Wenn Wind in ihren Zweigen ruft.
Die Fliederflüsse strömen toll,
Sie stürzen über meinen Zaun:
Schon ist die Straße fliedervoll,
Das Dorf, die Luft sind lilablau.
Ich pflücke einen Fliederstrauß,
Er duftet fein und bittersüß.
An meinem Bett ein lila Traum –
Des späten Frühlings zarter Kuss.

* * *

Was ist ein Name?
Nur das Rauschen des Blätterfalls,
das Rascheln des Sandes am Meer.
Was ist ein Name?
Ein Wort ohne Gefühle,
ein Regen ohne Wolken,
eine Saite ohne Harfe,
ein Dach ohne Haus.

* * *

Die Weite weint vom Licht des Gottessegens.
Unwissenheit treibt in den Wahnsinn mich.
Ob das Jahrhundert hasset die Poeten,
Ob selbst das Leben lässt sie stets im Stich?

Unvernünftigen Mut muss man haben
Und vergessen die Vorsicht und Scham,
Um dem stummen Papier zu beschreiben,
Dass die Seele so einsam und krank.

* * *

Es ist schmerzhaft und schrecklich,
Sich an feiner Heftklammer haltend,
Zwischen Leben und Tod
Eine Handvoll von Worten zu hegen.
Man bekommt nie ein Vorsagen,
Wie man soll gehen, was sagen,
Wo sich anhängen
Während der karmischen Bahn.
Nur die Sprache der Urahn,
Und durchsichtiger klarblauer Himmel.
Weine, schluchze, verliere den Atem,
Und beginne von neuem
Das hunderttausendste Mal.
Wie die Sonne ...
Jeden Morgen von Anfang an,
Und abends neigt sie müde den Kopf
Auf die Schulter der alten Eiche,
Und im Feuer des Untergangs
Steht in Flammen das Gras.

* * *

Ich suche nun die Einigung im Leben
Des Schönen und des Ewigen. Wie gern
Seh' ich die Nacht, des Sandes Beben
In Wüsten, Sternenlicht von fern.
Wie Briefe flimmern hohe Sternbilder.
Wer sie für uns geschrieben hat, Gott weiß.
Sie leuchteten vor Weltgeburt, und wieder
Strömt blaues Licht zerbrechlich, wie das Eis.
Doch eins bleibt immer wieder unverändert:
Ein junges Paar kommt an das Meer des Nachts.
Wenn aber die Geschehenskette endet,
Dann ist vorbei die Welt und Sternenpracht.

* * *

Ich bin gespannt, der Herbst ist wieder da.
Der Wehmut schleicht so leise in das Herz.
Die Uhr schlägt Stunden, Tage – Schlag um Schlag,
Der kurze Augenblick des Herbsttages verbrennt.
 So hilflos zart sind meine Gartenblumen,
 Sie schenken mir der letzten Blüte Pracht.
 Ach, sprich doch nicht so viel über Gefühle,
 Ich finde deiner Liebe kein´ Gebrauch.
Ich warte nun auf Blätterfall und Regen,
Und sehne mich nach Schneefall und nach Sturm.
Leb´ ohne mich, leb´ unter Gottes Segen.
Ich lieb´ dich nicht mehr, und mein Herz ist stumm.
 Die Schneeflocken bedecken meinen Garten,
 Man hört dort weder Laute noch Geräusch.
 Ich werde es kein´ Augenblick bedauern,
 Dass ich dich liebte hoffnungslos und treu.

Осень

Змей бумажный под облака,
Дымом тянет с пустых полей.
Птичьи стаи, стынет река,
Парку скучно без лебедей.
 Лицедейка-осень шалит –
 Притворяется летним днем,
 Но стеною туман стоит
 Над рекой, тянет холодком.
Ветром сдвинуло водосток,
Не заманит прохладой тень,
Первый желтый шальной листок
Закружился...
 Осенний день.

Прощание

Ушёл он утром – я ещё спала
И вдруг проснулась. Что-то изменилось!?
Быть может, это крыша от дождя
Промокла и во сне зашевелилась.

Спросила я у фонаря в окне:
- Ты по-другому светишь почему-то?
- В саду притихшем замер соловей ...
Зачем же мне гореть? Настало утро.
Стряхнула влагу яблоня в саду
С ветвей озябших, листья распушила:
- Не спрашивай, я всё ещё расту!..
Ушёл он утром. Что-то изменилось.

Море

1

Чайки падают с неба. Паруса.
Солнцем залитый берег, и волна
Вокруг ног, ты сметаешь песок
Так небрежно с себя. Бирюза
И цветные ракушки в руках звучат.
Чайки падают с неба. Паруса
Все наполнены ветром. Никогда
Не поплыть вокруг света, не суждено.
Но хранишь ты картину в мечтах,
В изумрудно-зелёных глазах.
Чайки падают с неба, как льда
Голубые осколки в волнах.
Море пахнет, и голос слышен его.
Мягко море прильнуло к моим губам,
И его поцелуй, как улыбка твоя.

2

Маяк мигает светом до слез,
И вторят часы ему.
И небо ночное в веснушках звезд
Открыло свой глаз-луну,
Смотрит серебряною совой –
Ведь глаз его без ресниц.
На черно-зеленое полотно
Падают звезды ниц.
Мы – белые рыбы в море ночном,
Плаваем в свете луны.
Откуда пришли и куда уйдем
На гребне пенной волны?..

**Эдмунд
МАТЕР**

Родился 2 декабря 1945 года в селе Ново-Александровка Москаленского района Омской области. Родители в начале 30-х годов были раскулачены и высланы из Украины в Сибирь. В 1959 году семья Матер переехала в Казахстан. Служил в армии, работал подпаском, прицепщиком, трактористом, водителем, электромонтёром-высоковольтником, переводчиком, оператором программных лазерных машин. В 1991 году эмигрировал в Германию. Член Национального союза писателей Кыргызской Республики и лауреат литературной премии организации, участник Международного форума «Творческое взаимодействие писателей Центральной Азии на пороге нового тысячелетия». Поэт и писатель, автор многочисленных произведений, в т.ч. романа «Время Великого Поста», сборника рассказов «Окно, открытое в ночь», поэтического сборника «Лесной ручейк» и других. Составитель энциклопедии «Немецкие авторы России».

Отпуск

*«Эти строки посвящены всем бывшим
трудармейцам и людям, помогавшим,
порою и под угрозой собственной смерти,
невинным жертвам властвующих людоедов.
Повествование написано благодаря
тому, что одному из «отпускников» чудом
удалось добраться живым домой из
страшной человеческой мясорубки, которую
все российские немцы, вплоть до
сегодняшнего дня, называли и называют
не иначе как «трудовая армия».*

Мартын пришёл в себя от невыносимой боли в боку. Огляделся. Всё незнакомо. Тесная, узкая клетка, открытая с двух сторон. Под грязными досками, на которых он лежал, грохот железных колёс. Как я оказался здесь, размышлял до крайности измождённый человек, лёжа на полу и не в силах встать. Вдруг его всего пронзило: «отпуск». Меня выбросили, словно старую сломанную лопату. И мужчина снова окунулся в ватное и приятное беспамятство.

Тормозную площадку товарного вагона, на полу которой лежал бывший трудармеец, а теперь «отпускник», било и мотало из стороны в сторону, как малое судёнышко во время шторма на море.

От бешеной тряски и боли в боку Мартын снова вынырнул из небытия. Он бессознательно отодвинулся немного в сторону от бокового провала и осторожно перевернулся на спину. Сознание медленно, неохотно, как бы рывками, возвращалось в измученное тело. Первое, о чём он ясно и чётко вспомнил, это как ему вдруг хорошо стало на плацу во время развода. Что-то светлое, невыносимо яркое бросилось сначала в глаза, а затем заполнило его всего без остатка и стремительно понесло куда-то в сладкую неизвестность. Надолго отключилось сознание. Он уже не слышал разговора начальников, которые распорядились его дальнейшей судьбой, как отработанным инструментом.

Начальник колонии спросил у отрядного командира, почему такой шум в строю и почему отряд всё ещё не двигается на делянку. Отрядный молча показал на Мартына, лежащего грязным мешком костей и тряпок у его ног, мол, куда с ним. Начальник колонии, здоровенный мужчина, глядя сверху вниз на скукоженного трудармейца, не задумываясь, проговорил: «Отряд немедленно по работам. Этого доходягу в отпуск. У нас в этом месяце мертвяков и так уже слишком много. Отправь эту дохлятину с глаз моих долой. И поживее».

Стоящие рядами трудармейцы содрогнулись. Все без исключения знали, что означает здесь слово «отпуск». Это был хитро скрытый смертный приговор. Обессиленному трудармейцу писали краской на груди и на спине фуфайки домашний адрес. Если не было краски, то писали, чем придётся. Иногда куда-нибудь в карман засовывалась записка о так называемом вынужденном «отпуске для лечения». Полутруп бросали на первый проходящий товарняк, уходящий на юг, и уезжал бедный трудармеец без сил и сознания в неизвестность. Стаскивали таких, уже окоченевших доходяг, потом где-нибудь за сотни километров от лагеря, железным крюком с открытых железнодорожных платформ и тормозных площадок, и бросали в первую попавшую яму.

Наверное, по пальцам можно пересчитать тех «отпускников», которым удалось живыми добраться домой. В рабочих лагерях же статистика выглядела образцово. Внешне всё было в порядке. В отчётах всё регистрировалось таким образом, будто призванные в трудовую армию люди получали нормальные отпуска. Так что не жаловаться трудармейцам на плохие условия надо, а благодарить родную партию и правительство за заботы о простом народе.

Самый же ухищрённый чёрный юмор начальства состоял в том, что по истечении срока «отпуска» они объявляли розыск пропавшего, и горе было опять же тому, кому удалось, вопреки всем бедам, добраться до родного дома, но еще не вылечиться. Забирали их, сошедших с ума от голода, сотрудники НКВД и все мытарства начинались заново. Правда, если бедолаге везло, то его отправляли не назад, в трудовую армию, а в тюрьму.

Все люди, пережившие трудовую армию и тюремное заключение, говорят одно и то же: «Лучше бы сразу в тюрьму попасть, чем в ад трудовой армии».

Мартыну всё вокруг ещё казалось каким-то расплывчатым и туманным, как во время беспокойного сна. Страшная боль в боку не давала дышать. Невыносимо болело бедро. Он нащупал рукой больное место, но ни крови, ни раны не обнаружил. Пошарил по дощатому холодному настилу. Непослушные пальцы нащупали головку большого болта, торчавшего из доски пологого настила. Всё объяснилось само собой. Проклятый болт глубоко врезался от толчков и рывков вагона в бедро. Простой железный болт и явился своего рода спасителем «доходяги-отпускника».

Не будь этой невыносимой боли, не захотело бы его сознание возвращаться из светлого, приятного, полуобморочного состояния в чёрную, страшную действительность. Так и замерло бы тело в скрюченном состоянии навеки. Болт, словно безжалостное сверло, раздирал бешеной болью бок Мартына до тех пор, пока не вынудил его сдвинуться с места, то есть сделать сознательное усилие.

«Хорошо, что во мне так мало веса осталось от голода, а то этот железный мучитель насквозь бы меня прогрыз», – усмехнулся он про себя и подтянул под голову свою брезентовую котомку, которую, наверное, кто-то из соседей по нарам успел всё же бросить вслед «отпускнику».

Да, юмора этому мужчине было не занимать. Даже находясь на походном смертном одре, в прямом смысле этого слова, он ещё пошучивал над самим собой. Может быть, легче было ему таким образом жить. Может, это и была его сознательная защитная тактика, которая помогала ему выживать в самое страшное время. Может быть, именно за шуточками и прибаутками прятал он свою физическую и душевную боль и беспомощность против насилия. Кто знает, что творилось на самом деле в душе человека, брошенного, как и тысячи других, в пекло насилия и несправия, но помогали его шуточки не только ему, а всем его соседям по нарам и коллегам по работе. Даже при самых тяжёлых каторжных работах Мартын, словно бы между прочим оброненной шуткой, поднимал настроение у всех трудармейцев, находящихся рядом с ним.

Иные шуточки самоучки-юмориста стали со временем летучими анекдотами, которые устно передавались из отряда в отряд, из колонии в колонию, становясь, таким образом, народными и бессмертными.

Прислонился как-то раз совершенно обессиленный Мартын боком к сосне, держа в опущенных руках мучительницу-пилу. Проходивший мимо надсмотрщик-офицер со злой усмешкой окликнул бедного измождённого трудармейца, мол, не позаигрывать ли тот собрался с сосной.

Откуда только слова взялись у доходяги. Не задумываясь о последствиях и с трудом оторвав спину от дерева, он осипшим от холода и голода голосом ответил: «Я бы не против побаловаться с какой-нибудь молодухой. Одного боюсь, не смогу потом штаны натянуть, сил не хватит разогнуться».

Громкого смеха, конечно, на делянке не было слышно, но захихикали все

лесорубы, пряча улыбки. Экспромтом, без долгих раздумий, были сказаны слова шутником, но пережили они многих трудармейцев. Из уст в уста передавались весёлые слова и обретали они со временем такие огромные крылья, что перелетали не только из лагеря в лагерь, а полетели и дальше.

Досталось, конечно, опять лагерному юмористу за неуместное остроумие. Недельку пришлось довольствоваться половиной хлебного пайка. Однако старший повар, большой любитель и собиратель анекдотов и прибауток, узнав, что автором самой новой шутки является трудармеец под номером 880401, стал подливать ему в алюминиевую миску со дна погуще и даже сверх нормы в обмен на новый анекдот, прибаутку или шутку.

Конечно, не всегда так легко сходили трудармейцу его шутки, но судьба до поры до времени всё же была к нему довольно милостива. Доставалось иногда ему и покруче. Даже в так называемую волчью яму попадал из-за своего непослушного и острого языка, но всегда выручал оптимизм.

Дни, недели и месяцы тянулись чередой. Немало легло уже трудармейцев в канавы, называемые могилами, а Мартын всё ещё был на ногах. Похожий на живой скелет он всё ещё находил силы шутить, мол, не я пилу таскаю, а она меня водит, именно поэтому я такой живучий. Но всему когда-то приходит конец, и лежал теперь «юморист-отпускник», словно пустой мешок, на прыгающих грязных досках и бездумно смотрел в высокое голубое небо.

Маленькое перистое облако, похожее на небольшой невесомый опрятный домик, вдруг подмигнуло лежащему с запрокинутой головой мужчине, голубовато приоткрывшимся окошком. Словно ножом резануло его по душе. Долгим, тоскливым взглядом проводил он облако. Ушло оно за грязную раму вагона, превратившись напоследок в чёткий ряд маленьких человечков. Совершенно ясно узнал он в расплывающихся туманных контурах-фигурах всю свою семью. И жажда жизни вдруг с новой силой проснулась в совершенно обессиленном человеке. Даже слёзы, которых у него уже много времени не было, вдруг потекли из глаз, оставляя на впалых щеках светлые полосы.

Почти целый день полз поезд по временно проложенным рельсам, петляя между холмами. Осень самыми различными сочными цветами разукрасила всю местность. Местами уже лежал снег, а местами, особенно по светлым прогалинам, солнце днём ещё исправно прогревало землю. Грело солнце иногда и «отпускника», заглядывая к нему под козырёк тормозной площадки. О чём только не передумал он за это время. И жажда жизни всё сильнее завладевала всем его существом. Словно вновь родился человек, который уже побывал у последней черты.

Поезд, громыхая колёсами и, замедлив ход, сложившись на повороте чуть ли не вдвое, медленно пополз по небольшому мосту. Хорошо теперь было видно лежащему на холодных досках трудармейцу почти весь состав, и, насколько хватало его взгляда, все вагоны были гружёны брёвнами и пиловочным ма-

териалом. За мостом, вдалеке, Мартын разглядел какие-то строения. Значит, скоро узловая станция, определил он, сориентировавшись, наконец, на местности. Что-то мягкое и большое вдруг упало ему на ноги. Мартын, повернув голову, увидел, что какой-то большой кожаный мешок, словно прямо с неба, свалился ему на ноги. Над мешком вдруг выросла голова человека, одетого во всё меховое.

Широкие скулы и миндалевидные глаза выдали в незваном госте здешнего аборигена. Два человека, один лёжа на холодных досках полового настила, другой с высоты своего невысокого роста, настороженно смотрели друг на друга. Пришелец, быстро втянув одну руку в рукав меховой куртки, второй подхватил свой мешок с ног доходяги. Долго разглядывали два пассажира, едущие «зайцами», каждый своего невольного попутчика. Пришелец, поняв, что лежащий на полу человек не представляет для него никакой опасности, присел в уголке напротив лежащего «отпускника» на свой большой кожаный мешок. Так и ехали, поглядывая время от времени друг на друга, но не заводя разговора. На узловой станции пришелец исчез так же быстро и бесшумно, как и появился.

Недолго простоял поезд на станции. Очевидно, очень нужен был где-то лес. Всего с полчаса простоял состав. Сдвинул затем прицепленный с хвоста паровоз все вагоны назад, а потом рванул вперёд. Словно по цепочке пронёсся грохот сцепок от одного конца до другого. Теперь уже хвостом вперёд поехал состав к главной железнодорожной магистрали. Всё правильно, определил всё ещё лежащий мужчина. На узловой станции сходились многие пути-тупики, которые разбегались по леснымделянам. Дальше основной путь уходил строго на юг, к большим заводам и шахтам.

Солнце спряталось за горизонт. Ранние осенние сумерки уже разбросали свои тени по лощинам и распадкам. Паровоз, выбрасывая из трубы клубы дыма и искр, натужно пыхтел впереди состава. Лишь бы пережить эту ночь, думал окончательно замерзающий трудармеец, прислонившись спиной к внутренней стенке тесной площадки и согнувшись колом.

Словно привидение, снова появился на тормозной площадке бывший попутчик. Не бросил он на этот раз свой большой мешок вперёд, а сразу поставил в уголок, а затем уже сам, словно проворная кошка, забрался по ступенькам наверх. За спиной у него горбом торчал ещё один заплечный мешок размером поменьше, а в левой руке он к тому же держал какой-то большой узел.

Попутчик, не говоря ни слова, перекатил доходягу на живот. Развернул узел, которого у него во время первого посещения не было. Не тряпкой, одеялом или курткой оказалось это, а огромным драным по низу сибирским овчинным тулупом, который был ещё в добротном состоянии. Попутчик, постелив тулуп одним краем на пол и закатив, словно колоду на него мужчину, второй стороной накрыл его. Затем, приподняв лёгонькое тельце за плечи, подсунул

ему котомку глубже под спину. Снова сидели два человека, молча изучая друг друга. Попутчик, всё ещё поглядывая на лежащего, снял свой заплочный мешок и поставил себе на колени. Открыл его. Достал алюминиевую солдатскую флягу и сделал глоток.

Затем протянул руку с флягой попутчику и сделал приглашающий жест. Мартын слабыми, трясущимися руками взял флягу. Сделал несколько маленьких глотков.

Напиток оказался и сладким, и горьким одновременно. Горячими комочками прокатился он по горлу и желудку. Трудармеец понял, что не алкогольный это напиток, а какой-то лечебный. Так же молча протянул он своему попутчику флягу назад, поблагодарив при этом кивком головы. Хорошо вдруг стало доходяге. Нахлынула на него опять светлая полоса и понесла на своих волнах, дурмана и усыпляя сознание.

Мартын с ужасом очнулся от того, что что-то твёрдое, металлическое, стало раздвигать и не раздвигать даже, а прямо разламывать челюсти. Попробовал прикусить. Не тут-то было. Лезвие ножа осторожно, но настойчиво раздвигало зубы всё шире. Открыл глаза. Прямо перед ним, присев на колени, находился попутчик. Горячая жидкость снова обожгла горло мужчины. На этот раз пришелец, невзирая на сопротивление доходяги, влил в него не менее полулитра жидкости из фляги. Затем сел опять, как на скамеечку, на свой большой кожаный мешок.

– Ти, однако, шибко дохлый, – впервые заговорил попутчик на каком-то тарабарском наречии, убирая свою флягу снова в рюкзак и с ловкостью фокусника засовывая нож в левый рукав своей куртки.

Опять молча и пытливо смотрели два человека друг на друга. Не знал «отпускник», что и думать. Совершенно незнакомый ему человек, ни с того ни с сего, вдруг поит его каким-то снадобьем и укутывает в тулуп. Что-то здесь не так. Какую-то непонятную выгоду хочет иметь этот странный тип от этого. Но какую? Что можно взять у него? Украсть ведь нечего.

Догадка озарила, словно молния: «Ага! Всё понятно! Сапоги попытается снять этот хитрован, как только я усну! Не зря он меня каким-то зельем опаивает и в тепло укрывает. Усыпить меня хочет. Нет. Не бывать этому. Я теперь не засну, пока ты не исчезнешь отсюда, мой дорогой. Ну хитрец. Даже тулуп спёр где-то для этого дела. Нет. Не на того, братец, напал. Моих сапог тебе не видать как собственных ушей».

Историю яловых сапог трудармейца знали все его соседи по нарам. Это были его первые сапоги, сшитые из настоящей добротной кожи у известного сапожника ко дню женитьбы. Пробовали у него их и отнимать, и выменивать, и даже покупать, но Мартын своими сапогами очень дорожил и был уверен в том, что пока сапоги на нём, он будет жить. Конечно, совершенно по-другому выглядели сапоги теперь, чем тогда, когда он их приобрёл. Блестели они тогда, как лаковые

и даже голенища стояли туго и ровно, словно эмалированные самоварные трубы. Посбивались теперь носы у сапог, белёсыми стали и лохматыми. Голенища тоже покрылись царапинами и трещинами. Но совершенно не годные с виду сапоги, всё же были ещё очень надёжны и не пропускали ни снег, ни воду.

Всё время, пока «отпускник» был занят мыслями о своих сапогах, попутчик рылся в своём рюкзаке, который он опять пристроил у себя на коленях. Что-то ворчал он про себя и даже сердито махал рукой, будто был недоволен сам собой. Уже почти совсем стемнело, но всё же лежащий на полу доходяга очень отчётливо разглядел, что попутчик поставил на пол рюкзак, не закрывая его.

«Всё, теперь стащит мои сапоги и сунет в мешок», – в страхе подумал Мартын и что было сил подтянул под себя ноги.

И точно. Попутчик, присев на четвереньки и задрав край тулупа, ухватился двумя руками за первую попавшуюся ногу своего пленника. Отчаянно задёргался тот, но сил у попутчика было явно больше, чем у трудармейца и единоборство он, конечно, выиграл. Сапог мигом оказался в руках пришельца. То же самое произошло и со вторым. Поставив сапоги в сторонку и выбросив вонючие драные портянки, пришелец потянулся рукой к рюкзаку. И тут Мартын, выбрав удобный момент, саданул попутчика голой пяткой по боку. От неожиданности тот опрокинулся спиной к стенке.

– Ты не только дохий. Ты сапсем дурной, – проговорил попутчик в сердцах, но задуманное дело продолжил. Вынув из рюкзака какой-то свёрток, он снова ухватил свою жертву, теперь уже за голую ногу. Придерживая одной рукой ногу, второй он стал натягивать на неё какой-то длинный мягкий чулок.

«Теперь ещё и стреножит меня, как коня», – подумал совершенно обессиленный от схватки Мартын.

Каково же было его удивление, когда после того, как длинный меховой чулок был надет на ногу, попутчик натянул и сапог. Той же самой операции подверглась и вторая нога. Затем попутчик заново укутал своего пленника тулупом.

«Это что же получается, – размышлял про себя совершенно сбитый с толку Мартын, – этот мужик действительно хочет помочь мне? Не может такого быть».

Сидящий на своём кожаном мешке попутчик опять порылся в рюкзаке. Приподнялся. Продвинулся к доходяге и протянул ему что-то на открытой ладони. Кусок пшеничной лепёшки, накрытой ломтиком тёмного мяса, увидел умирающий с голоду трудармеец.

Против такого искушения устоять невозможно. Оба ели по-своему. Обесиленный пленник отгрызал свою долю зубами, а попутчик мастерски пользовался своим ножом.

Еда всегда сближает людей. Совсем другими глазами видят друг друга люди, посидевшие за одним столом.

Не было на этой тормозной площадке железнодорожного вагона стола, но всё же какая-то ниточка протянулась между двумя представителями разных

народов. Появилось какое-то доверие и у трудармейца к своему попутчику. Отвык он в последнее время от такого. Тот мир, в котором находился Мартын последние месяцы, строился на совершенно других принципах.

Каждый выживал, как мог, потому что люди в этом мире были разделены на две части: на рабов и на начальников. Рабы, то есть трудармейцы, были, как всегда и везде, бесправны, а начальники владели и управляли всем. Начальники могли направить на такую работу, где люди через неделю становились трупами, а могли выделить и место потеплей. Начальники распределяли всё: работу, продукты, а иногда определяли – кому сколько жить осталось.

Как бедный «отпускник» ни напрягался, сон всё же сморил его. Станный сон снился ему и чудесный. Такой сладкий, что не было никакого желания просыпаться. Всем своим телом чувствовал мужчина руки, плечи, грудь и всё остальное тело своей жены. Лгнула она к нему и прямо-таки сводила с ума своим теплом. Протянул просыпающийся доходяга руки перед собой и ввяв упёрся руками в чьё-то живое тело. Что за наваждение, подумал он, шаря перед собой. Кругом мех. Куда бы рука ни попадала, она постоянно натывалась на мех, под которым чувствовалось живое человеческое тело.

– Ти спи. Не дригай ногам. Рюки не пускай. Колод тоже не пускай под шуба, – услышал вдруг Мартын рядом с собой голос попутчика.

Разобрался, наконец, что к чему. Это попутчик пристроился рядом с ним под тулупом. От этого и стало так тепло и приятно.

«Если бы я смог рассказать своим соседям по нарам, что я мужика во сне за бабу принял, они бы со смеху умерли», – подумал Мартын, устраиваясь удобнее. Полежал он ещё некоторое время, прислушиваясь к ровному дыханию соседа по тулупу, а затем глубокий, здоровый сон принял его в свои объятия.

Проснулся с неясным чувством тревоги. Не было уже рядом с ним соседа по тулупу. Не было и грохота колёс, и тряски, к которым он уже немного привык. Приподнялся «отпускник» и с удивлением обнаружил, что пришелец снова исчез вместе со своим кожаным мешком и рюкзаком.

– Что за наваждение? Не может же такое присниться.

Мартын потрогал руками тулуп, на краю которого он всё ещё сидел. Нет, не приснилось ему всё это. Пошевелил пальцами ног. Приятно и тепло было ногам в мягких меховых чулках. Был здесь человек и действительно оказал ему неоценимую услугу. Мартын осторожно поглядел по сторонам. Вокруг сплошные стены из товарных вагонов и ни одного живого человека. Вдалеке раздался громкий свисток паровоза. Грохот пронёсся по всему составу, и соседние вагоны медленно поплыли назад. Хватая открытым ртом воздух, на площадку вновь забрался запыхавшийся попутчик. Тяжело упал он на пол и привалился боком на свой большой мешок.

– Однако шибко быстро побешал поисд. Пошти сапсем убешал пез миня, – запыхавшись проговорил он, улыбаясь Мартыну.

– Кипяток расдобил. Шай пить станем. Шуть отдыхаю, – добавил он, устраниваясь поудобнее.

Многое рассказал Мартыну его попутчик-спаситель. Назвался он очень странным именем Добя и вдобавок сказал, что он «лесной шалавека».

Вёз Добя выделанные шкуры, добытые охотой, в большой город Шахтинск для обмена на соль, сахар, спички и патроны. Не одному ему принадлежал мех, который находился в большом кожаном мешке. Четыре семьи сложились и на паях отправили гонца в столь дальний и опасный путь, и именно поэтому Добя ни на минуту не расставался со своим грузом.

Очень удивился лесной человек Добя, когда Мартын назвал своё имя и фамилию, и сказал, что он по национальности немец.

Не мог лесной человек понять такое. Пытался он доказать, что все немцы и фашисты, это одно и то же, мол, не дурак же я, даже в газетах так пишут и на картинках их всегда рисуют к тому же ещё с огромными зубами. Значит, немцы и не люди даже, а что-то среднее между человеком-людоедом и волком.

Поспорили вслух. Каждый доказывал своё, не слушая другого. Серdito посидели молча, несколько часов не разговаривая и не глядя друг на друга.

Трудармеец, чувствуя себя в долгу перед Добя, заговорил первым. Рассказал он о том, что есть у него жена и дети, и что живут они впроголодь в одной из сибирских деревень. Рассказал и о том, что уже много лет является членом колхоза и, возможно, многие годы ел Добя лепёшки, мука для которых была смолота именно из пшеницы, выращенной им, колхозником-немцем Мартыном.

Поведал «отпускник» своему попутчику и о том, какие достаются трудармейцам мучения и испытания. Как издеваются над простым бесправным человеком чиновники. Недоверчиво поглядывал на «отпускника» лесной человек.

Не укладывалось в голове, что рядом сидит человек, народ которого проклят на веки веков, и Добя не ненавидит его, а наоборот, жалеет и даже бескорыстно помогает. Всё понятие жизни разламывалось внутри Добя, и нехорошо ему было от этого. В их народе испокон веков было принято помогать людям в беде. Теперь же оказывается, и не человек это, а неизвестно что. Внимательно приглядывался лесной человек Добя к своему случайному попутчику, но кроме, до крайности измождённого существа, ничего перед собой не видел.

Еда сближает людей, а дорога не меньше. О многом переговорили два человека за несколько дней, проведённых вместе в тесной клетке тормозной площадки железнодорожного вагона. Оба учились жизненной философии у другого. Словно бездонным оказался рюкзак у Добя. Чего только не было в нём и всё, что ел лесной человек, получал и его попутчик-немец. Не смог Добя переступить через обычаи своего народа. Нелегко поначалу, после признания Мартына, было лесному человеку пересиливать себя, но со временем он всё же успокоился.

Спали всё так же под одним тулупом. На разъездах Добя бегал за кипятком, не забывая прихватить с собой свои вещи. Окреп немного доходяга-трудолюбивец, но боясь отстать от поезда, далеко от площадки не отходил. По-быстрому справлял нужду и снова забирался на свой намест. Так и ехали, постепенно сближаясь. Удивлялся Мартын тому, что его попутчик справлял все свои нужды, приседая на корточки, но, не зная обычаев его народа, всё же постеснялся пошутить по этому поводу. Всё разъяснилось в последний момент при прощании.

Помог Добя перебраться немного окрепшему на сытных харчах доходяге на грузовой станции города Шахтинска на тормозную площадку вагона, гружённого углём. Не надо было никого спрашивать о направлении поезда с углём. Уголь увозили по единственной железнодорожной магистрали в город Сибирск, а именно туда и надо было «отпускнику». Всего в ста двадцати километрах от этого большого города находилась деревня, где жила его семья.

Добя, пожимая при прощании попутчику руку, сказал, что может быть и её мужу, когда-нибудь, где-нибудь, кто-нибудь подаст кусок хлеба и обогреет.

Мартын вытаращенными глазами уставился на своего попутчика.

— Так ты что, женщина?

— Канешна. Ты что сапсем слипой? Мушук от баба отлишать не мошешь?

Долго смотрел он вслед лесному человеку, спасшему ему, немцу, врагу, жизнь. Чуть сгорбившись от груза, уходила Добя по рельсам в сторону города и занята была, наверное, уже совсем другими мыслями.

Накормила напоследок «лесной-шалавека» Добя немца-Мартына и сунула ему ещё в котомку большую жирную копчённую рыбину и пару лепёшек.

Одну из двух своих литровых алюминиевых солдатских фляжек тоже не пожалела она. Слила остатки лекарственного напитка во фляжку с кипятком и протянула доходяге.

Немой вопрос стоял в глазах Мартына, когда он со слезами и с тяжёлым, давящим на сердце и душу чувством, смотрел с высоты тормозной площадки товарного вагона вслед своей случайной попутнице и спасительнице Добя: «Смогу ли я когда-нибудь отблагодарить тебя, мой добрый ангел-хранитель?»

Немало времени провёл ещё Мартын на тормозных площадках железнодорожных вагонов. Помогали ему в пути люди, чем только могли. Делились последней крошкой хлеба и картофиной. Живым трупом постучал он в конце своего путешествия в двери родного дома. Даже жена в испуге отпрянула, не узнав в вошедшем доходяге собственного мужа.

Выжил «отпускник-трудолюбивец», и чувство благодарности за доброту и сострадание ко всем тем, кто помог ему в трудную минуту, сумел передать и своим детям.

**Альберт
ОБГОЛЬЦ**

Профессор, доктор медицинских наук, родился в 1936 году в селе Трусовке Омского района. В 50-х годах служил в Советских Вооруженных силах. Был внештатным корреспондентом газеты «За Родину» Прибалтийского военного округа. В 1959 году поступил в Омский медицинский институт им. М.И. Калинина. Работал в Тюменском научно-исследовательском институте краевой инфекционной патологии, а затем в Ханты-Мансийской окружной санэпидстанции. По возвращении в г. Омск был принят на кафедру микробиологии, где проработал 27 лет, пройдя все должностные ступени от ассистента до заведующего. В 1973 году защитил кандидатскую, а в 1990 г. докторскую диссертации. Имеет более 100 научных публикаций и газетных статей. Редактор 3 научных сборников. Автор монографии «Микробиология и иммунология грудного молока».

В 1990 году стал активным участником немецкого общественного движения «Возрождение». Избирался делегатом всех 3 съездов советских немцев. В 1990-1993 годах - депутат Областного Совета народных депутатов. С 1998 года проживает в Германии. Женат, имеет четырех сыновей.

Встречи в кулуарах власти

Как это было? Это не исповедь, не вымысел и не раскаяние за минувшее. Я хочу лишь фрагментарно изложить свои воспоминания о кратком периоде демократического всплеска конца 80-х и начала 90-х годов, участником и свидетелем которого я был. При этом принципиально руководствуюсь теми чувствами и впечатлениями, которые я испытывал в тот момент, поскольку запоздалый анализ прошлого всегда влечет к иным умозаключениям. Со временем меняются обстоятельства и взаимоотношения с людьми, с которыми был в одном ряду, а на новом историческом фоне прошлое искажается.

Опьяненные перестройкой М.С. Горбачева и правом на самовыдвижение в представительную власть многие интеллектуалы и чиновники различного уровня ринулись в политику. К концу 1989 г. у всех на устах были фамилии Бабурина, Исправникова, Казанника, Лоткова, Минжуренко, Носовца и др. В Доме политпросвещения собиралась разнородная толпа и горячо дискутировала о грядущих переменах, приветствуя начало демократических преобразований в общественной жизни. Одновременно там происходила и презентация будущих кандидатов в депутаты и лидеров различных национальных движений. В этом потоке оказался и я, причем случайно.

С 1987 г. я числился в медицинском институте среди оппозиционно настроенных педагогов в связи с тем, что на одном из партийных собраний упрекнул партком в безразличии к результатам труда студентов, участвующих в сельскохозяйственных работах. Студенты вузов привлекались на эти работы вместо заводских рабочих, поэтому заработанные ими деньги перечислялись на завод-

ские счета и там растворялись. Однако при настойчивом требовании эти деньги можно было выволочь и использовать их на общественные цели. Однажды я это сделал, будучи секретарем парторганизации санитарно-гигиенического факультета. Вся заработанная сумма была использована на покупку художественных произведений, которыми украсили фойе студенческого общежития. Но критика и правда были и остаются злейшими преступлениями для власть предержащих. Меня, заведующего кафедрой, тут же отправили на сельхозработы, где я наравне со студентами собирал картофель.

В июне 1990 г. я покинул ряды коммунистической партии, за что одни тайно пожимали мне руку, а другие люто возненавидели.

Однако возвращаясь к началу абзаца. Посетив одну из вышеназванных встреч в Доме политпросвещения, я встретил там некоторых сотрудников института, которые предложили мне принять участие в дискуссии по выдвижению своей кандидатуры в Областной Совет народных депутатов. Меня охватило желание поучаствовать в этом политическом процессе, без особых намерений стать депутатом. Затем были собрания в коллективах института, где моя кандидатура оказалась предпочтительной по результатам открытого голосования. Меня зарегистрировали в одном из избирательных округов Центрального района г. Омска. Кроме меня по этому округу проходили еще две кандидатуры: Г.А. Павлов - зам. председателя Омского горисполкома и В.А. Ярковой - член Омского областного суда. Я составил свою предвыборную программу и обнародовал ее. С ней выступал неоднократно перед своими избирателями. По итогам первого тура голосования за меня проголосовали около 40% избирателей, но 50% барьера преодолеть не удалось. Поэтому я и Ярковой продолжили борьбу во втором туре голосования. На этот раз я слегка опередил ставленника А.И. Казанника, который в своей краткой записке к избирателям, размноженной на ротаторе, призывал их голосовать за Яркового. Это случилось 18 марта 1990 г.

Избранные в различных округах депутаты, относящие себя к демократическому крылу, стали собираться на организационные встречи и формировать параллельные структуры Областного Совета. Мне определили роль председателя Совета, а в случае фиаско - председателя комиссии. Почему выбор пал на меня, затрудняюсь объяснить? У меня нет никаких качеств лидера. Я не обладаю ораторскими способностями и скоростным мышлением, стыжусь давать пустые обещания и находиться в длительном противостоянии. При этом было определено, что от демократов необходимо выдвинуть кроме меня еще одну кандидатуру, чтобы в случае многотурового голосования объединить голоса в мою пользу. Второй кандидатурой был определен В.Я. Захарченко. Будучи гуманитарием, я не имел достаточных знаний в области экономики и правоповедения, поэтому для составления основного доклада от демократической группы депутатов мне определили в помощь Л.А. Еловикова, который уклонился от этого поручения, и мне пришлось составлять доклад одному. К нашему удивлению, Л.А. Еловиков неожиданно выдвинул и свою кандидатуру на пост председателя Областно-

го Совета. Таким образом, на 1-й сессии за пост председателя Совета боролись три демократа против одного представителя старой власти А.П. Леонтьева. Мне было абсолютно ясно, что силы не равны и Анатолий Павлович одержал победу с явным преимуществом. Мне досталась вторая позиция.

После этой процедуры я успел догнать уходящего из пустого зала Леонтьева и искренне поздравить его с избранием председателем Областного Совета.

Так называемое демократическое меньшинство и не могло одержать победы за пост председателя. Это была разнородная группа, случайно объединившаяся в результате благоприятной политической конъюнктуры, многие и не были убежденными демократами, поскольку демократические ценности необходимо в себе воспитывать, а не приобретать на ходу. Среди этой депутатской группы были лица, которые вынашивали чисто конъюнктурные цели. Однако здоровый демократический костяк был замечен. Наиболее преданных демократическим ценностям я хотел бы упомянуть. Это В.Н. Артемьев, Р.И. Ахцигер, А.М. Горобцов, В.Я. Захарченко, С.Г. Иванов, А.В. Карасев, В.Я. Симонов, В.П. Соболев, В.Н. Яковлев. Как бы то ни было, но именно демократы сумели организационно выступить на первой сессии и показать свою волю, с которой до ельциновского переворота считались. Более того, наше участие в борьбе за пост председателя Совета принесло огромное удовлетворение А.П. Леонтьеву, который мог гордиться, что одержал победу в честной борьбе с соблюдением всех демократических процедур. Однако, в принципе, мы были наивны и политически «хмельны», полагая, что на слабой волне демократических колебаний можно добиться рычагов власти. Поэтому Л.К. Полежаев верно оценил нашу бесперспективность, заметив в своей книге «Путь к себе» следующее: «Вот почему политический идеализм и эйфория представителей демократических групп депутатов, уверенных в том, что на пост председателя Областного Совета пройдет Альберт Антонович Обголец... вызывали во мне грустные чувства». Эта сессия впервые транслировалась по телевидению, что давало возможность населению следить за ее ходом. В повестку дня данной сессии мной был внесен проект декларации «О принципах власти», но он был воспринят депутатами как шутка и благополучно провален.

После перерыва началось выдвижение кандидатур на посты председателей комиссий. Еще накануне сессии были согласованы наименования будущих комиссий. Та, что формировалась в расчете на меня, была названа: «Комиссия по нравственному и духовному развитию». Под ее кураторством находились: образование, наука, культура, религия, национальная и молодежная политика. Альтернативной кандидатурой на пост председателя этой комиссии был выдвинут ректор ветеринарного института, мой коллега по профессии, профессор Н.М. Колычев. В ходе открытого голосования и недостаточно четкого подсчета мы оба набрали одинаковое количество голосов. Когда были объявлены результаты, я встал и с места заявил, что уступаю этот пост своему сопернику. Однако депутаты запротестовали, и председатель Совета назначил переголосование, результаты которого оказались в мою пользу. Так я оказался в сфере

региональной политики, не имея ни малейшего представления о ее методах, тайных ходах и возможностях. Поэтому я вел себя, как обычно, говорил, что тумал, открыто делился своими взглядами и впечатлениями, характеризовал знакомых, о которых меня спрашивали, старался изучить беды тех отраслей, которые курировала наша комиссия. В состав комиссии вошли многие известные люди в городе и области. Среди них было несколько профессоров: Н.М. Колычев - ректор ветеринарного института, Л.Г. Горынин - ректор СибАДИ, В.И. Потапов - заведующий кафедрой политехнического института, Б.Г. Рейтер - заведующий лабораторией генетики СибНИИ сельского хозяйства, директор областной научной библиотеки Р.Н. Царева, директор Музыкального театра Б.Л. Ротберг, архиепископ Омский и Тарский Феодосий. Из числа председателей комиссий был сформирован президиум Областного Совета, которому перешла вся реальная политическая власть. Параллельно был избран глава исполнительной власти области в лице Л.К. Полежаева.

Не успел я еще освоиться со своими депутатскими обязанностями, как меня назначили председателем комиссии по разбору инцидента, произошедшего между стражами порядка и демонстрантами, в числе которых оказался депутат В.Я. Захарченко. Радикальные демократы требовали строгого наказания и отставки начальника УВД Н.В. Образцова. Дополнительно к этому его обвиняли в нарушении местных законов - строительстве личной дачи на территории пионерского лагеря в Чернолучье. Мы заслушали обе конфронтующие стороны, посетили дачный участок и постарались приглушить страсти вокруг этого конфликта, придерживаясь строгой объективности. Все обошлось без унизительных последствий.

В связи с широким спектром проблем, которые требовали внимания со стороны комиссии, пришлось сформировать еще подкомиссии по различным направлениям. За национальные вопросы отвечал профессор Б.Г. Рейтер, за науку - профессор В.И. Потапов, за образование - М.А. Руденок, за культуру - Б.Л. Ротберг. В ходе текущей работы, подготовки вопросов к сессии мне приходилось часто встречаться с руководителями области. Глава администрации Л.К. Полежаев оказался интересным собеседником, с которым можно было обсуждать любые темы, как с весьма образованным и просвещенным коллегой. Он много читал и следил за новинками литературы. Из уст Леонида Константиновича я впервые услышал интересную историю о его многолетней и тесной дружбе с прославленным председателем колхоза Я.Г. Герингом, о грандиозной стройке канала «Иртыш-Караганда», которую он возглавлял. Я чувствовал заметное внимание с его стороны. Он приглашал к себе в кабинет, на заседания исполнительного комитета, интересовался моей жизнью и делился своей. Возможно, он хотел ближе узнать меня, поскольку я был новичком среди известных партийных и хозяйственных руководителей, ставших депутатами.

В марте 1991 г. возникла драматическая ситуация вокруг 1-го съезда немцев СССР. Когда все уже было готово, выбраны делегаты, согласованы сроки, закуплены билеты, неожиданно на места пришла телефонограмма о перено-

се съезда и задержании выезда делегатов в Москву. Леонид Константинович единственный раз позвонил мне домой и спросил моего мнения для принятия решения. Я сказал, что съезд, вопреки запрету, все равно состоится и препятствовать тем, кто пожелает в нем участвовать, не следует. Действительно, никаких официальных запретов со стороны местных властей не последовало, и более половины делегатов от Омской области приняли участие в работе съезда. Однако значительная часть делегатов заколебалась и осталась дома, хотя некоторые подъехали позднее. Твердую волю в этой ситуации проявил наш председатель общества «Видергебурт» В.В. Эрлих, который решительно и последовательно отстаивал интересы российских немцев.

С затаенной обидой рассказывал мне Леонид Константинович о своих неоднократных попытках возвратиться из Казахстана в Омск, где ему предлагали работу, но этому переезду препятствовал первый секретарь обкома С.И. Манякин. И только после его перевода в Москву Леонид Константинович смог осуществить свой план. Во время сессий, проходя на свое место, он часто присаживался в нашем ряду и вел с нами непринужденные беседы. В моей библиотеке хранится его первая книга «Путь к себе», которую он лично мне вручил с дарственной надписью. Я заметил в его характере ряд христианских добродетелей. Однажды я обратился к нему за помощью по вопросу о передаче детей-сирот с физиологическими недостатками на воспитание американским родителям. Последние явились в Омск, имея поддержку Москвы, однако заместитель начальника областного управления народного образования категорически возражал, приводя абсурдные доводы. Обсуждая с Леонидом Константиновичем этот вопрос, мы пришли к единому мнению, что обеспеченное и здоровое детство выше всяких рассуждений о ложном патриотизме. Он дал указание решить этот вопрос в пользу счастья осиротевших детей и американских женщин. Как-то я подал ему мысль включить некоторых специалистов из числа демократической группы депутатов в состав исполнительного комитета для стимуляции демократических преобразований. С моей ли подачи, или это было самостоятельное решение Леонида Константиновича, но вскоре в его команде появился Л.А. Еловигов, а позднее В.Я. Захарченко. В принципиальных вопросах он был эмоционален, повышал голос и добивался решения в свою пользу. Чувствовалась суровая школа хозяйственника.

И все же я должен признаться, что заметил у Л.К. Полежаева восточную тонкость завораживать собеседника разговором, искусно скрывая при этом свои истинные намерения и цели. Видимо в политике это очень важно, думать одно, говорить другое и делать третье.

После того, как я в октябре 1993 г. добровольно сложил с себя депутатские полномочия в связи с вооруженным разгромом президентом Ельциным представительной власти наши пути с Л.К. Полежаевым пересеклись лишь однажды. Он присутствовал в институте на юбилейных торжествах нашего ректора, профессора Л.В. Полуэктова и, проходя по коридору, не обратил на меня внимания. У меня остался какой-то осадок незавершенности наших

отношений. Глубоко порядочным и ранимым показался мне председатель совета А.П. Леонтьев. Мне imponировала его мягкая манера вести заседания, вежливое поведение в напряженных ситуациях. В нем было слишком много человеческих качеств, чтобы сформироваться в жесткого политика. Он интересовался не только служебными делами, но и личными проблемами депутатов. Но отношения между людьми не всегда устойчивы. Однажды я дал Анатолию Павловичу повод огорчиться на меня. На одной из сессий, обсуждавшей бюджет, шло голосование по статьям бюджета. Когда по одному из пунктов уже было принято решение, депутат А.Д. Мельников предложил провести переголосование, в результате которого сессия приняла абсолютно противоположное решение. Я подошел к микрофону и заявил, что А.П. Леонтьев отдал бразды правления сессией в руки депутата Мельникова.

Отчетливо вспоминаю философское спокойствие, несуетливость и тихую речь заместителя председателя Областного Совета А.Ф. Разина, знавшего все тонкости работы органов представительной власти.

С умным и рассудительным человеком - первым заместителем главы администрации В.А. Третьяковым мне всегда было приятно встречаться. Я ни разу не заметил у него бурного эмоционального состояния. Не прибегая к нажиму, он легко убеждал собеседника.

Простым и доступным был В.М. Шипилов - председатель депутатской комиссии по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью. Он работал на постоянной основе и руководил еще оргделами Областного Совета. С ним меня связывала не только депутатская деятельность, но и особо доверительные отношения.

Дружеские и плодотворные отношения сложились у меня с начальником управления культуры Н.М. Геновой. Она была истинной подвижницей развития всех учреждений культуры (театров, симфонического оркестра, омского хора, библиотек, музеев и художественного фонда). Под ее руководством омская культура достигла заметного прогресса. В этой «политической раковине» скрывалась женщина тонкой и возвышенной души.

У меня не было проблем общения со своими инструкторами, советниками и другими коллегами в Совете, из которых я хочу непременно упомянуть В.А. Короткову, В.С. Константиновича и В.А. Баринова. Я глубоко благодарен им за помощь и содействие.

За время моего депутатства я встречался с десятками людей: писателями, художниками, музыкантами, учеными, педагогами, религиозными деятелями, театральными, музейными и библиотечными работниками, искавшими защиты и поддержки в комиссии по нравственному и духовному развитию. Гостями Областного Совета были высокопоставленные руководители государства и православной церкви: Хасбулатов, Руцкой, Алексей II. Мне довелось лично беседовать о проблемах образования с министром образования России профессором Е.В. Ткаченко во время совместного посещения нами школ Азовского района.

Приступив к работе в качестве председателя комиссии, я столкнулся с морем

проблем в культурно-образовательной сфере. В первую очередь это касалось школьного образования. Недостаток школ, их перегруженность вынуждали к введению трехдневных занятий, что приводило к заметной переутомляемости и физиологической недостаточности организма учащихся. Среди педагогов отсутствовал творческий и материальный стимул к совершенствованию преподавания предметных дисциплин и учительской профессии. Только 25% выпускников педагогического института устраивались в системе народного образования. Типовая программа средних школ не позволяла индивидуализировать процесс преподавания и была слишком громоздкой для усвоения. Вузы гнали поток специалистов без учета потребностей народного хозяйства. Поэтому первым практическим шагом комиссии было ознакомление с материальной базой школ сельских районов. Начальником управления народного образования области был тогда В.А. Казанцев (вскоре его сменил И.В. Меха).

При составлении плана работы было решено, что вопрос об образовании необходимо вынести для обсуждения на ближайшую сессию. Работу эту возглавил М.А. Руденко. Была разработана концепция об образовании и практические рекомендации по ее реализации. Комиссия исходила из того, чтобы сохранить основу традиционного школьного образования, но при этом открыть путь для новых развивающих программ преподавания, создания разнообразных типов школ, использования пустующих зданий профессионально-технических училищ, поощрения материально и морально талантливых учеников, перехода всех образовательных учреждений на региональное финансирование. Честно говоря, резких изменений после сессии не произошло, однако толчок был дан. Вскоре появились нетрадиционные типы школ: элитные, воскресные, национальные и др. Задерживало перемены в школьном и высшем образовании безнадежное состояние российской экономики и отсутствие средств для оплаты труда преподавательского состава. Это был единственный вопрос, продуманно подготовленный и вынесенный комиссией на сессию при моем активном участии.

Второй вопрос, предложенный от имени комиссии, был вынесен на одну из последующих сессий вне повестки, без предварительного обсуждения на комиссии. Это вопрос о создании Азовского немецкого национального района. Мне хотелось бы остановиться на этом несколько подробнее. Как было уже сказано, за национальные вопросы в составе комиссии отвечал Б.Г. Рейтер. Периодически я его спрашивал, что бы он хотел обсудить на плановых заседаниях комиссии. Он ничего конкретного не предлагал, хотя я знал, что он скрытно работает над проектом создания района вместе с советником администрации по проблеме российских немцев Э.Г. Кербером. И вдруг за 5 минут перед началом очередной сессии, когда уже все заняли свои места в зале заседаний, ко мне подходит Рейтер и просит моего согласия предложить в повестку дня работы сессии вопрос о создании немецкого национального района. По регламенту, как исключение, это допускалось. От неожиданности я лихорадочно искал ответ. Я подумал и согласился на такой вариант. Мне самому хотелось убедиться, как отреагирует основная масса депутатов на внесение этого вопроса. При обсуждении повест-

ки дня Рейтер озвучил его, и я увидел гробовое молчание депутатов, обычно бурно дискутирующих повестку работы сессии. И тут мне стало все ясно. За спиной комиссии этот вопрос был решен руководством области положительно и обговорен с председателями некоторых комиссий. Как впоследствии писал об этом Б.Г. Рейтер, он обсуждал этот вопрос «в кулуарах», а не в комиссии. Это решение преднамеренно скрывалось от меня, так как я был представлен противником создания района, поскольку придерживался позиции общества «Видергебурт», которое, в принципе, не возражало против создания районов, но предлагало другую последовательность - вначале восстановить республику, а затем создавать другие административные структуры. Поэтому я не стал возражать и не пытался снять этот вопрос по той причине, что он не прошел процедуру обсуждения в комиссии. Когда подошла очередь обсуждения данного вопроса, к моему удивлению, не оказалось и особо желающих подискутировать. Тогда я взял слово и заявил, что без референдума, без изучения мнения населения, которому предстоит жить в национальном районе, его создание не правомочно. Сессия согласилась с этим доводом и с моей поправкой приняла данный исторический документ. На основе решения сессии осенью 1991 г. состоялся референдум. Последний не привлек особого внимания руководства области. Интерес к нему проявили лишь 2 человека: профессор Б.Г. Рейтер и я. Посетив несколько населенных пунктов во время референдума, я встретился с ним в Цветнополе. Предвкушая успех, переполненный чувством радости, он взял в руки баян. Процесс голосования нельзя было назвать безупречным, однако большинство проголосовало за создание района. На основе бесед с жителями я убедился, что они голосовали за идею, абсолютно не связывая свой выбор с будущим районом. Большинство из них готовилось к переселению на историческую родину. Но «процесс пошел», и Рейтеру пришлось приложить еще немало энергии, чтобы пробить это начинание в Москве. Главное препятствие состояло в том, что отсутствовала законодательная база для национальных районов, поэтому по своему статусу он не мог отличаться от других. Отсюда все разговоры о сохранении национальной культуры, родного языка и прочее не имели серьезных оснований. Из истории известно, что лучшие творческие умы российских немцев обогащали русскую культуру, а не национальную, которая оставалась на уровне простой самодельности и мелкого ремесленничества. Продолжая усилия по воплощению в жизнь решения сессии, Б.Г. Рейтер ни разу не проинформировал комиссию и лично меня о состоянии этого дела. Все держалось в тайне и обсуждалось на уровне Л.К. Полежаева. Наконец, пришла радостная весть - району быть. Встал вопрос о руководителе районной администрации. Я понимал, что Б.Г. Рейтер заслужил этот пост своим самоотверженным трудом. Но он не сознавался в этом и делал вид, что подбирает кандидатуру, хотя кроме его фамилии, я других не слышал. Как-то Л.К. Полежаев спросил моего мнения о Рейтере. Дословно теперь не помню, но ответ был таков, что он для меня непонятен. Леонид Константинович комментировать не стал и молча кивнул головой. Таким образом, вся заслуга в создании немецкого национального района всецело

принадлежит профессору Б.Г. Рейтеру. У меня как руководителя комиссии не было досады, что я остался в стороне от такой созидательной работы. Зато нет и угрызений совести, наблюдая бесплодность этой затеи. Сегодня коренные жители немецких деревень района покинули свои дома и оставили их беженцам из Казахстана.

Свои убеждения о невозможности создания «райского национального уголка» с помощью Германии я не скрывал, хотя и защищал идею национального самоопределения. Об этом я говорил, писал и убеждал своих собеседников из Германии. В 1995 г. в Омске побывал Генеральный консул ФРГ в Новосибирске господин Доктор Уве Нойбауер (Dr. Uve Neubauer), который пригласил меня на встречу. Среди многих вопросов он интересовался и перспективой развития немецкого национального района. Я откровенно ему сказал, что германские инвестиции и собственность останутся в России, а жители, ради которых это осуществляется, переселятся в Германию. Лучше вкладывать деньги в интеграцию переселенцев или адресно в проекты отдельных предпринимателей, чем отдавать в руки государственных структур. Аналогичное мнение я высказал и ныне Уполномоченному федерального правительства по делам переселенцев и национальных меньшинств господину Йохену Вельту (Jochen Welt), который побывал в 1996 г. в качестве депутата Бундестага от оппозиции в г. Омске. Он пригласил меня побеседовать за ужином в ресторане «Топаз».

Для оперативной деятельности представительной власти громоздкий и инертный депутатский корпус не подходил, необходимы были структурные изменения. Так родилась идея создания малого Совета, куда были делегированы депутаты от каждой комиссии. Членом малого Совета от комиссии по нравственному и духовному развитию был избран я, как ее председатель. Малый Совет заработал активнее и значительно ускорил принятие решений. Часть членов малого Совета должна была работать на постоянной основе, а другая на общественной. Те, кто перешел в штаты Областного Совета получили кабинеты и соответствующую зарплату. Вскоре поступили предложения частично оплачивать работу всех членов малого Совета. Я не поддержал данного предложения, но решение было принято. Я долго избегал получения своей доли, создав проблему для кассы бухгалтерии. Но в итоге успокоил совесть и вместе с другими аккуратно стал посещать кассу. Уладив вопрос с оплатой, некоторые члены малого Совета стали проявлять беспокойство о личной безопасности. Появились предложения о выдаче личного оружия для самообороны. И они серьезно обсуждались, но при мне до выдачи оружия дело не дошло. Приводя эти примеры, я хочу подчеркнуть, как власть перевоспитывает сознание человека, ориентируя его на самообслуживание, удовлетворение собственных желаний. Войдя в ее коридоры, я очутился в другом мире, и признаюсь, что также воспользовался некоторыми возможностями, о чем уже упоминал. Но наиболее заметно власть развращает себя в условиях сплошного дефицита, когда из-за каждой мелочи приходится пренебрегать совестью.

С момента образования малого Совета вопросы, курируемые нашей комиссией, стали обсуждаться в нем. Среди них наиболее актуальным был вопрос о завершении строительства новой областной научной библиотеки. Член комиссии Р.Н. Царева затратила массу эмоций и физической энергии, чтобы завершить долгострой. Она была инициатором круглых столов, сбора пожертвований, создания общественного штаба при стройке, организации пикетов и др. Мы неоднократно бывали в кабинетах руководителей области, добиваясь сдвига этой проблемы. На одном из малых Советов состоялся отчет начальника строительного треста. Однако его самоуверенное поведение дало мне понять, что у него есть надежный покровитель. Дело в том, что этот же трест завершал строительство административного корпуса для областного исполнительного комитета. Я догадался, что пока не завершится наиважнейшая стройка, библиотеке придется подождать. Так и случилось. После этого Л.К. Полежаев приложил все усилия, и строительство гуманитарного объекта вскоре завершилось. За что его горячо благодарили. Директор Р.Н. Царева добилась современного технического оснащения библиотеки и обеспечила прекрасные условия для работы в ней. Само же здание стало одним из архитектурных украшений города Омска.

Среди других результативных дел комиссии необходимо отметить следующее: по ее инициативе при областной администрации были созданы два новых комитета. Это комитет по науке и высшей школе и комитет по делам национальностей, религии и общественных объединений. Последний возглавил профессор А.И. Казанник, возвратившись с прокурорского трона в Омск. Для более эффективной работы и придания большего авторитета этим комитетам комиссия предлагала выделить в их распоряжение финансовые средства, заложив их в соответствующие статьи бюджета. Однако это предложение не было реализовано.

В мае 1993 г. комиссия организовала на базе Областного Совета всероссийскую научно-практическую конференцию «Духовное возрождение России». Ее итогом стало издание трехтомного сборника научных трудов по названной проблеме. Комиссия поддержала издание «Энциклопедии Омской области», создание музея художника А.Н. Либерова, требование периодических изданий в государственном обеспечении фондовой бумагой и ряд других проектов и начинаний, направленных на развитие культурно-образовательного комплекса.

В октябре 1993 г. я сложил с себя добровольно депутатские полномочия по известной причине и покинул коридоры власти. Но я не сожалею, что там побывал. Я обогатил себя и познал другой уровень общественной жизни, скрытый от простого смертного. Самое главное, я встретил много новых людей, обладающих добрыми человеческими качествами, но скрываемых условностями политической игры и карьеры. Я пришел к убеждению, что людям, стоящим на различной социальной высоте, недостает простоты взаимоотношений и терпимости - первейших признаков демократичности, без которых никогда мы не найдем пути к самой демократии.

**Светлана
ОЗЕРЕД**

У меня часто возникает вопрос «Где моя Родина?!» В урочище Святого Арсланбоба, местечке, называемом Киргизской Швейцарией, в котором я родилась?..

Там, где Тянь-Шань встречается с Памиром
Объятием дружеским заснеженных вершин,
Дань отдающих Мирам небесным
Единой цепью стальных твердынь.
Там даже сам Творец,
В холодном блеске невозмутимых гор,
Страдал дилеммой в невозможности решить
Извечный спор,
Кто величавее из них,
Тянь-Шань мудрец или Памир,
Давно уж не юнец...

Или Казахстан, где я окончила гуманитарную гимназию № 25, самую лучшую в городе Алматы и попутно, с красным свидетельством, музыкальную школу и два курса музыкального училища. Меня ожидало музыкальное будущее. Но в мою пятнадцатилетнюю голову пришла мысль, что музыка - это хрупкий хрустальный шар и сохранить его может в своих руках только гений. А иметь просто способности - это пустое место. Поэтому я отвергла дальнейшие занятия музыкой и по настоянию родителей поступила в Алматинский педагогический институт иностранных языков на романо-германское отделение факультета немецкого языка.

Мой отец Озеред Андрей, до самых крайних уголков своего сердца преданный партии, дошедший от ветврача до зам. председателя облисполкома, при этом работая как зооинженером, так и вторым секретарем райкома партии, директором совхоза, директором Южного треста совхозов и пр., обладал невообразимо богатой фантазией. В поездках по Ошской области, с посещением совхозов и колхозов, он часто брал меня с сестрой и братом, но не на автомобиле, а на лошадях, в путешествие. Это были прекрасные, незабываемые по сей день, дни. Он рассказывал нам очень много интересных историй, о которых впоследствии я вспоминала стихами.

Тихая заводь волшебным мерцанием
Скрыла от путника серую муть.
Не отдохнуть, не уснуть,
Станным кажется всплеск призрачных волн,
Да звездная жуть.
Прочь уйдите, страхи, сомнения!!!
Путник устало прилег у костра...

На всю жизнь осталась в памяти моей притча, которую рассказывал отец, если не ежедневно, то ежемесячно, это точно. Притча про муравья, который полз и полз вверх по стене, хотя его сбрасывали вниз. Вот и я так и ровняюсь на муравья всю жизнь.

Особенным человеком была мама. Озеред Антонина, филолог по образованию, учитель по призванию. Она родилась в семье офицера царской армии Сорокина Алексея, который подвергся репрессиям в тридцатые годы и был сослан в Сибирь, где след его и теряется...

Мама обладала природным даром видеть прекрасное глазами и руками. Будучи в душе художником, она рисовала и кистью, и вышивкой. Работая учителем, она разрисовала все стены в школе картинами из сказок. Благодаря ей, школа, где она работала учителем русского языка и литературы, стала похожа на сказку, потому что все стены были разрисованы ею сказочными персонажами.

С детства я чувствовала склонность к музыке и литературе, особенно к поэзии. Но судьба повернула в другое русло, поэтому пришлось страдать от нехватки времени о невозможности заниматься любимым делом, музыкой и поэзией.

Эти муки, как мне кажется, проявились и в творчестве...

Музыка... Дивная музыка гармонией ветра звучит.

Постой! Остановись! О! Время! Ты слышишь звуки в ночи..

Музыку звезд ты подаришь мне

Всплесками волн в лунном свете.

Разбредила душу гармонь септаккорда букетом.

Растревожила сердце сирень

Фиолетовым первоцветом...

Так где же моя Родина? Вопрос, который мучил меня, нашел свой ответ, когда я переступив границу с Россией, припала к земле, вдыхая неповторимый аромат полевых цветов, прислушиваясь к шороху осенних трав, орошая землю льющимися и льющимися слезами, прижалась губами к земле моих предков.

Родина моя – это!!! Россия!!! С васильковыми коврами нескошенных луговых трав, с пленительным светом небесной лазури, с березками, распустившими до земли серебряные сережки, с нежным поцелуем фиалок лепестками розовых губ, веселым щебетом ласточек, стремящихся ввысь в поднебесье, к мечте близкой и далекой...

Здесь в России мне открылась простая истина ...

КРАСОТА СПАСЕТ МИР!!!

Так давайте же творить КРАСОТУ!!!

Как я люблю тебя, Россия!!!

Лес манит взор
Берез прелестным одеянием.
Боже мой!
Красив как кружевной узор
В осеннем золотом сиянии!

Небес лазурная голубизна,
Бледнея, нежится
Туманным светом.
Ах! Боже мой!
Как я дыхание твое люблю,
Осеннее бабье лето!

Простор! Какой простор!
России, Родины моей!
Великолепен он!
Он словно в золоченой раме.
Ах! Боже мой! Ах! Боже мой!
Как он горит!
Сверкает в солнечных лучах!
Яркими янтарными огнями.

А где-то меж берез осенних
Мне слух ласкает дивный стон.
Ах! Боже мой!
То в переливах сладостных
Грустит и мается гармонь.

Я задыхаюсь от любви.
Россия! Родина моя!
Не устаю без устали
Твердить я.
Боже мой!
Как я люблю тебя, Россия!
Как я тебя люблю,
Родная!
Как я тебя люблю, Россия!!!
Родная Родина моя!!!

Там где Тянь-Шань встречается с Памиром
Объятием дружеским заснеженных вершин,
Признанья дань отдающим
Мирам небесным
Единой цепью стальных твердынь.
Там даже сам Творец
В холодном блеске невозмутимых гор,
Страдал дилеммой в невозможности
Решить извечный спор,
Кто величавее из них,
Тянь-Шань мудрец или
Памир, давно уж не юнец.

Вой там зловещий,
Змеиной тенью летящих в пропасть лавой
Буйных рек,
Не в силах пересилить,
Свистящей черной пастью,
Ни дикий зверь,
Ни человек, познавший тысячу несчастий.

Озера там, Ала Коль, Сары Челек,
Слезы земли,
Озера, нетронутой девичьей красоты,
Воспламеняют чувства доброты,
Покоя. Святости. Умиротворения.
Там, только там, в покоях ледяных,
Вне суеты,
Нахлынут думы о пространствах
Бесконечно временных,
О вечности создателя,
Его неугасимого жизнетворения.

Рассветы и закаты там,
В долинах дивных Чон Алая,
Велением божественным создателя
Напоминают нам,
Да, да. Напоминают пером писателя,
Как жизнь прекрасна и удивительна
Здесь наедине с природой,
Здесь в благоухании чудесном цвета,
В чаира медовых ароматах
И сладко-красных приветях эспарцета.

Ах! Как они голову кружат
В лазурных зорях небосвода,
Сердец в таинственном стремлении!!!
А маки... маки... у подножья гор
Летят, сверкая лепестком душевного волнения,
В брызгах водопадов Арсланбоба,
Сиянием солнечного света.
Летят все дальше, дальше..
И все выше, выше...
Вершин заснеженных и облаков,

В желании покорить небес
Пространства глубин безбрежных
И ветерков, безумно нежных...
Летят туда, в прохладу яблоневого цвета,
Журчащих ручейков.
Туда, где рощицы арчевые,
Овражки и пригорки алычевые.
Туда, где в дымке синей
Сверкает сталью Сулейман,
Священная гора всех азиатских мусульман.

О! Остановись! Замри мгновение!
Здесь он. Здесь венец эпохи.
Ее счастливое знамение!
И вдруг я слышу знакомый говор:
« Пош... Пош...Пош...»
О! Боже мой! Такое простенькое
Родное слово « Пош... Пош... Пош...»
О! Мекка и Медина!
Это древнейший из самых древних,
Добрейший! Гостеприимнейший!
Наш драгоценный город ОШ!!!

Вселенская идиллия

Ни туда ...
 Ни сюда...
 В никуда...
Я звездной ночью лечу...у...
И лишь мгла,
Призрачной тенью
Запутав следы,
Там, где я и ты,
Там, где ты и я, и мгла...
Но она,
Растворившись в ночи,
Осталась?
Да...
В сердце пожаром.

Луна
Золотым шаром
Катилась вверх
К центру Вселенной.
Звезды
Гроздьями, разрывая туманность,
Падали в низ,
В бездну смирения.
О! Мудрость Бытия!
Творец Мироздания!
Дарствуй же сердцу покой
В миг созидания!

Himmelswunder - Mein Wolgaland

Ich
Wahrscheinlich bin müde.
Wahrscheinlich sucht meine Seele
Sehnsuchtsvoll einen Ausweg.
Der regnerische Tag
Drückt traurig und trübe.
Den Wolkensteg ins blaue Himmelsreich versteckt.
O! Gott sei Dank!
Wo ist das Land,
In dem die Seele sich beruhigt,
Wo samter Wind
Mit Himmelshöhen befreundet ist,
Wo Sonnenstrahlen dich selbstvergessen
Liebkosend rühren,
Wo die Gesinnung deine
Vor Willensfreiheit wird verrückt!!!
Dies Traumland mit süßer Rosaweite
Lockt ihre mächtige Kraft
Und Blaubreite nachdenklich zu verstehen.
Ich fliege auf,
Wo hoch am Firmament
Die stolzen Vögel singend schweben,
Wo auch meine Fittiche

Der Fröhlichkeit und Güte werden ausgespannt.
In diesem Taumland
Möchte ich auf Wunder wartend
In Hoffnung wiegen und mich...mit...
Da hoer' ich von draußen
Meines Kindes die Worte zarten klingeln
"Ma...guck' mal!!! Guck' in den Himmel!!!
Kraniche fliegen!!!"
Von diesen Worten
Weit und breit geheilt
Sind die Gedanken meine munter!
"Kraniche fliegen!!!"
O! Die Stimmen süßen von der Kindheit.
"Kraniche fliegen!"
Besten Dank für ihr Geschenk,
O! Götter!!!
"Kraniche fliegen!!!"
Leute!!! Ist es nicht ein himmlisches Wunder!?

Mir ist es angst und bang

Die Räder der Geschichte drehen sich herum
Drehen sich verfallend in den Irrtum.
In den Gedanken gestürzt
Ob ich an das menschliche Dasein
Trauen oder nicht trauen muss ,
Verliere ich der Seele Reichtum.
Jahrtausend ist
Seit Geburt von Jesus Christ
Ins Nichts zerrant.
Es tut mir leid,
Dass in den Herzen der Millionen
Jesus bis jetzt noch kein Plätzchen fand.
Grausame Zeit Dreißiger, Vierziger
Mit Nebel die Seelen zertrampelt,
In Widersprüche die Menschen verwickelt
Hat Unglück um Heimat verschüttet.
Es kommt mir nicht aus dem Kopf,
Es tut mir weh,

Als ob ich sehe
Die letzten Blutstropfen Jesus,
Der sich der Länge nach ausgestreckt,
Auf das Glück der Millionen gehoffet,
Zum Tode geweiht,
Gekreuzigt,
Doch unerschütterlichen Willen gewesen ist.
Es kommt mir nicht aus dem Sinn
Für welche Sündiger
Er aber sein Leben opferte.
Grausame, schwarzgeflügelte Zeit
Dreissiger, Vierziger
Hat der Wahrheit zwei Gesichter entblößt gemacht,
Das eine heißt der Schuft,
Das andere die Schmach.
O, mein Gott !!!
Ich höre Stöhnen aus deiner Tiefe, Zeit,
Zum Tode gehetzten,
Brutal ermordeten,
Schweigend getöteten.
O , mein lieber Gott!!!
Ich höre Stimmen aus deiner Tiefe, Zeit!
“ Mariechen, Kindchen mein...
Hendrik, schlaf! Söhnchen klein...
Johann, wo bist du geblieben...
Mein lieber Mann?...”
O! Gott sei Dank!
Mir ist es angst und bang!!!
Es wäre besser,
Wenn ich mit Jesus
Zum Dank der Millionen Blutstropfen
Mein Leben opferte...

**Валентина
ОСТАНИНА**

Валентина Григорьевна Останина родилась в селе Павлоградке Омской области. С детских лет приобщалась к крестьянскому труду, училась в сельских школах, открывала для себя красоту сибирской природы и песенные богатства родного края. Интерес к поэзии появился на пороге самостоятельной жизни и получил развитие после переезда в старинный уральский город Алапаевск. Здесь состоялось знакомство с известными уральскими поэтами, появились первые публикации в журнале «Урал» и газете «Литературная Россия». В ранних стихах начинающий автор часто обращается к производственной теме, её вдохновляет героический труд сталеваров и строителей, волнует прошлое и настоящее города и судьбы выдающихся людей.

По совету старших товарищей в 1970 году Валентина Останина поступает на заочное отделение Литературного института им. Горького, где два года проходила обучение под руководством известного русского поэта Дмитрия Михайловича Ковалёва.

В эти годы она работала литсотрудником в городской газете «Алапаевский рабочий».

Возвращение в родные места благотворно сказалось в её творчестве. Здесь она находит новые темы и своих героев среди земляков, посвящает им лирические строки и зарисовки для районной газеты. Валентина Останина автор шести поэтических сборников и ряда публикаций в журналах и альманахах: «Сибирские огни», «Иртыш», «Складчина», «Сибирь», «Культура», «День и Ночь», «Литературный Омск», «Наши современники». Подборки стихов вошли в коллективный сборник «Бабье лето», в антологии «Годовые кольца», «Слово о Матери». Она является лауреатом областных конкурсов «Земли российской патриоты» и «Омские мотивы». Активное участие принимает в работе клуба «Поэзия» при районной библиотеке им. К.А. Рябинина. В сотрудничестве с омским композитором Владимиром Христофоровым написаны лирические песни на стихотворения «Берёзка». «Ковыльные пряди по ветру», марш «Спортивная доблесть» и др. Останина член Союза писателей России. Переводами немецких классиков занимается сравнительно недавно. Живёт в городском поселении Таврическое Омской области.

Генрих Гейне

* * *

Кедр стоит одинокий
На северной голой вершине.
Дремлет на стуже жестокой,
В кроне лишь снег да иней.
И снится ему часто пальма
В бесплодной пустыне Востока,
Задумчива и печальна
И также, как он, одинока.

Лорелея

Печали моей я не скрою.
Как будто навек суждена,
Давно не даёт мне покоя
Старинная сказка одна.
Там в сумерках Рейн струится.
Там веет прохлады крыло.
На горной вершине таится
Последних лучей тепло.
Прекрасная юная дева
На древнем утёсе видна.
На плечи под звуки напева
Спадает волос волна.
Та дева их чешет красиво,
И золотом гребень блестит.
На златоволосое диво
Рыбак беззащитный глядит.
На скалы, что водами скрыты,
Чарующий голос влечёт...
Немало здесь лодок разбито,
И жизнь молодая не в счёт.
Я знаю: пловца одолеют
Волна и виденье над ним.
Погубит его Лорелея
Чарующим пеньем своим.

* * *

Мечтал когда-то пылкий и наивный
О локонах, о миртах, резеде;
От сладких губ ждал речь не о вражде
И не дождался нежности взаимной.
Мечты мои, развеялись давно вы.
Заветный образ я не сохранил.
Я в песню вычерпал сердечный пыл
Её одел в нежнейших рифм покровы.
Лети же, песня, смело на край света
И хоть за край, к мечте, что не сбылась.
Найди и, тени лёгкой поклоняясь,
Вдохни в неё дыхание поэта.

* * *

Вы крестный путь прошли тогда с Россией
И в этом ваша правда и беда.
Вы вместе с ней тогда переносили
Тяжёлый труд, нужду и холода.
Пусть память ваша не разбудит лихо.
Ведь есть во всём первоначальный смысл.
И в наших жертвах общих... Тихо, тихо
Помянем всех, не называя числ.
Чтоб не хватать словесное оружие,
Не выяснять — чья рана горячей.
Покой земли усталой не нарушить
На радость изуверов-палачей.
Утрите слёзы! Новым поколениям
Не прибавляйте желчи и обид.
Россия создавалась на терпенье
И наш Спаситель тернием повит.

Фридрих Шиллер

Перчатка

В цирке своем знаменитом,
Для зрелищ кровавых открытом,
Сидел на высоком балконе
Король, всемогущий Франциск.
И с ним его круг придворный:
Дамы, вельможи-льстецы,
Свидетели многих агоний,
Собой украшали цирк.
Жест короля и ответно
Отпирается первая клетка.
Вниманием всех завладев,
Из клетки выходит лев.
Спросонья еще ленивый
Трясет то и дело гривой,
Зекает протяжно и зрителей важных
Не замечает, не злится —
Потягивается и ложится.
Снова король знак подает.
Звук открываемых слышен ворот.
Мощный бросок и тигр на арене,
Словно готов был к такой перемене.
Вот он лежащего льва замечает,
Злобным рычаньем ему угрожает,

Ходит кругами, бьет в ребра хвостом.
Жаждающий крови горячей
И на добычу падкий
Тигр избегает схватки,
Он осторожен со львом.
Облизываясь нетерпеливо,
Зверь отступает строптивый,
Чтобы напасть потом.
Снова король знак подает,
Свита нарядная зрелища ждет
И два леопарда, легки и азартны,
Прыжками пружинят ужасные лапы.
Кого разорвут эти злые клыки?
Смерть неминуема в лапах таких.
Сразу арена становится тесной,
Лев тяжело подымается с места
И оглашает весь цирк
Грозный воинственный рык.
В яростной схватке сомкнутся вот-вот.
Замерла свита, побоища ждет.
Вдруг падает с края балкона
Перчатка, легка и покорна,
Как раз между тигром и львом.
И рыцаря словом надменным
Кокетка кольнула мгновенно:
«Вы о любви мне твердили не раз,
А так ли она горяча вот сейчас?
Посмотрим, Делорж. Поднимите перчатку!»
По лестнице рыцарь сбегает легко,
Из клетки в опасную зону
Уверенно входит, у самых клыков
Перчатку отважно берет – и к балкону.
Зрители смотрят, забыв обо всем,
Не верят своим глазам,
А он хладнокровно перчатку несет,
Под возгласы нервных дам.
Навстречу Делоржу звучат похвалы,
И нежностью взоры кокетки полны –
Ждет рыцаря счастье в награду.
К ней рыцарь подходит таким молодцом
И тотчас перчатку бросает в лицо.
«Благодарность не требую!» – с теми словами
Оставляет ее любоваться зверями.

**Виктор
РУППЕЛЬ**
(1950-2005)

Родился в г. Копейске Челябинской области. Окончил Омский сибирский автомобильно-дорожный институт (СибАДИ), по специальности инженер-строитель. Работал главным инженером, начальником ПМК Горьковского района Омской области, в Управлении сельского хозяйства, первым заместителем Главы Горьковского района, заведующим отделом социальной защиты муниципального образования «Горьковский район»

Я твой навек – моя Россия

Реквием

Рядно родительской работы
Так прочно, к нити нить, ткалось:
Гнездо, оставшись без заботы,
Поистрепалось, порвалось...

В такое время вы родились,
В такие трудные года:
Прожили и не надломились -
Вы были молоды тогда.

С народом сопереживали
Разгул вампира - Сатаны.
И уцелели б вы едва ли:
Да занят был палач страны.

По случаю остались живы,
Но страха претерпев сполна,
Опять в хомут, напрягши жилы,
Да не надолго, тут - война.

Вновь оскорбленья, униженья
И трудармейский беспредел.
Хотел на фронт, но возраженье:
«Что, в фатерлянд свой захотел?»

В комендатуру - на «отметку»
Еженедельно - там чекист.
Ему плевать на твою клетку,
Что перед Родиной ты чист.

И он с презрением посмотрит,
Окинет взглядом свысока
Печать, размашистая подпись:
«Ну что, дойчман, гуляй пока...»

Войну-гадюку задавили,
Пора о будущем мечтать.
Два сердца воссоединились:
Родители - отец и мать.

И вновь тревоги и заботы:
Квартира, роды, быт, еда.
Утрами - быстро на работу,
Как маятник: туда - сюда.

А маятник, как та кукушка,
Бездружно отбивает счет:
Мальцам до жизненной макушки,
Родителям - сколько еще?

Мы, дети, время подгоняя,
И торопясь все наверстать,
Не замечаем, что теряем,
Помогших на ноги нам встать.
Умом своим понять возможно:
Мир не бессмертен, наконец.
И сердце бьется все тревожней -
Вон черный конь, на нем - гонец.
И рука об руку по жизни
Прошли родившие трех нас.
Нам остается править тризны
И каяться в печальный час.
В прагматике судьбы усталой
Срослись и телом, и душой,
И нашей мамы вдруг не стало,
Отец поспешно вслед ушел.
Рядно родительской работы
Хоть прочно, накрепко ткалось,
Гнездо, оставшись вне заботы,
Фатальным смерчем разнеслось.
Нас разнесло пылью полей,
С надрывом душ в седой пурге:

Одна сестра - на Украине,
Другая дальше - в ФРГ.
И, преклонив колени к праху,
Мне самых близких и родных,
Ложу я голову на плаху:
«Я виноватей всех других».
За нас молились и страдали,
Сжигая жизнь не по годам.
Спасибо вам за то, что дали,
Я приумножу и отдам.
Пусть в детях наших отзовется,
Добром помянется, когда
Нить моей жизни вдруг прервется:
И вновь мы встретимся тогда.
Мелькнуло множество отметин,
С тех пор, как свеч огонь угас.
И вашим внукам - нашим детям
Вся ваша жизнь - пример для нас.
Мир так устроен - не иначе:
Жизнь - за погасшую свечу.
Я, ваш должник, скорблю и плачу.
В благоговении молчу...

Горсть земли

В святую землю домик врос,
Где куksился я в колыбели,
Где песни баюшкины пели -
Здесь первый шаг мой и вопрос.
Студеный холод родников,
Березок милые серёжки,
Лесные тропочки - дорожки -
К пути с копытами подков.
Я почитал отца и мать.
И под небесным оком синим
Взрощенный родиной - Россией,
Я стал долги ей отдавать.
Мне уз с землей не разорвать,
Нас бороздили свет и тени,
Лишь опускаясь на колени,
Могу я землю целовать.
Одна судьба у нас с тобой,
Закалена мечом и горем,

Прекрасна нив янтарным морем -
Здесь мой очаг и мой прибор.
На свете лучше страны есть,
Но я не буду эмигрантом,
Не изменю родным Курантам -
И в этом вижу свою честь.
Да, хлопотно с тобою жить,
Моя мятежная Отчизна,
С тобой - с рождения до тризны:
Тебе поклонялся я служить.
Не исчерпаемы до дна
Души твоей печальной силы,
Я твой на век, моя Россия, -
Ведь Родина - всегда одна.
Когда я от страны вдали
По обстоятельствам бываю,
Я о тебе не забываю -
Со мною горсть родной земли...

Простодырая деревня (пастораль)

Словно маленькая жменька,
В спелом золоте полей
Затерялась деревенька,
Соль земли России всей.
 Измороженная стынью,
 Прокаленная жарой,
 Пахнет мятою, полынью
 Да березовой корой.
До губерний и уездов
В сотни километров путь.
Корни прадедов и дедов
Держат здесь крестьянский люд.
 Домики вросли в землю,
 Окна - веками ставней.
 Черпает хрусталь - водицу
 Клюв скрипучих журавлей.
Журавли, то смотрят в небо,
В синь высокую небес,
То - поклон земле и хлебу:
Русский православный крест.
 И живет неторопливо,
 Ни стара, ни молода,
 Деревенька не спесива -
 Плод крестьянского труда.
У крестьян одна мыслишка:
Был бы нынче урожай,
Ребятишкам - молочишко,
Ну и хлеба каравай.
 Не проспать бы утро надо,
 Подойти коровку встать.
 Подкормить, затем и в стадо -
 Снова вымя наливать.
Ждет пастух - «в сердцах» всех кроет.
Луг в росе, как в серебре,
Стадо в ней копыта моет,
Сушит - в утренней заре.
 Летний дождь, как дар небесный -
 Будет колос, молотба.

Ручейкам в дорогах тесно
Дождь идет - растут хлеба.
Летняя пора - мгновенна,
Не ленись да поспевай:
Заготовить нужно сено,
Дар лесной не прозевай.
 Пусть полны будут лукошки
 Ягод спелых и грибов,
 Чтоб зимой в нарядных плошках
 Доставать из погребов.
Дни летят быстрее, чем годы -
Приближается страда.
Принимай, деревня, роды
У землицы и труда.
 Лист осенний... Глядь в окошко -
 Да скотину тянет в хлев:
 Знать пора копать картошку,
 А картошка - тот же хлеб.
Осень точки порасставит:
Что, кому, зачем, куда.
Дров наколет, стог поправит.
Приходите, холода!
 Не ленивый, не капризный
 В деревнях народ - земной.
 По-сермяжьи прост он в жизни,
 Чист пред Богом и страной.
И живет своим укладом
Деревенька, не спеша.
Трудится - так миром, ладом,
А запьет - гуляй, душа!
 Город, в сути ведь, проныра -
 Там народ-то похитрей.
 Деревенька - простодыра,
 Совесь для России всей.
Город мчит в исповедальню
Деревенских петухов.
Дышит воздухом хрустальным,
Очищаясь от грехов.

**Валентина
ТЕН
(Герцен)**

*Лес стоит пригнутый сытой тяжестью,
Золотой, Таласский, спелый лес.
Всё не как хотелось, получается,
Словно мне попутал карты бес.
Всё не так сбылось, переиначилось...
Ежевика цурит чёрный глаз...
Стала в основном женой и матерью.
Мало? Много, уверяю вас!*

Валентина Яковлевна родилась в Ферганской области райского уголка земли – Узбекистана, в 1950 году.

О себе она пишет: «Мама Герцен Елизавета Яковлевна была репрессирована по национальному признаку 18-летней девчонкой из Киргизии в Узбекистан на серные рудники. Отец Боев Михаил Алексеевич был прорабом у немецких девчат. Там мне и довелось увидеть впервые этот белый свет. Он был тёплым и ласковым. Жила в Узбекистане, Киргизии, Казахстане. Не привлекалась, не состояла, не окончила вуза, хотя начинала штурмовать заочный факультет библиотекovedения и библиографии Киргосуниверситета, но на третьем курсе оставила штурм, не покорив вершины. Интересы семьи перевесили... Два замечательных сына и красавица дочь. Умница внучка и два сорванца внука. Поэзией заразилась в юности и постепенно заражение приобрело хроническую форму. Понимающий и поддерживающий во всех отношениях муж. Счастливая жена, мама и бабушка... Публикуюсь в периодике, выпускаю поэтические сборники. Волной перестройки прибило в 1991 году на Алтай в Немецкий национальный район, в 2010 году переехала в Калининградскую область, с лета 2012 года живу в Омске. Слава Богу!

Ода нам

Нас с того света возвращают.
Нас переводят, издают.
Все запятые отмечают.
Всем точкам смысл придают.
И лишь на этом белом свете,
Где евро с долларом в цене,
Мы не нужны большой планете...
Красноречивые – вдвойне.
Зачем ей лирики напевы?
Зачем ей красоты вуаль?
Ведь со времён библейской Евы
Нас, как юродивых, лишь жаль.

Тех, кто одушевляет слово
И чтит сей незаметный труд
Толпа опять распяты готова...
Но после смерти нас вернут.

Восточные грёзы

Я не слышу ни звука, не вижу ни зги,
Только ручку нашли уже пальцы руки.
Сон испуганной ланью мелькнул и исчез...
Вновь я память тираню... Знакомый процесс!
 Вспоминаю события, дни и года,
 Где скрипучий чигирь полоскала вода,
 Где нагая купалась в канале луна
 И стояла, как лес, кукурузы стена.
Ну скажите, зачем сон мой начал блуждать
В той поре, где чигирь продолжает черпать
Воды Азии древней, ведро за ведром,
И ласкает луну деревянным крылом?
 Ну скажите, зачем сон бежит на песок,
 Тот, что жадно глотает водицы глоток?
 И какие следы он там хочет найти,
 Там, куда заросли трын-травой все пути?
Разве это не глупо: бежать и бежать
Той тропинкой, которой судьбу не догнать,
И искать её в кроне густой алычи,
Будто кто-то там спрятал от детства ключи.
 Спотыкаться о доски (ну надо ж, лежат?!)
 Вспоминать здесь тот искренний смех и тот взгляд,
 Опускаться на травку, сидеть до утра,
 Смаковать тёплый отзвук любви и добра?
Призываю тебя, полуночный беглец.
Приходи, не томи, овладей мной, подлец!
Хоть под утро смори меня, дай отдохнуть...
Эти грёзы восточные мне не вернуть.

* * *

Как крепко в молодости спится!
Как сладок молодости сон!
Как там ещё наивно мнится,
Что Рубикон не перейдён.

А он уже отчерчен жизнью.
Меняет горечь сладость снов.
И наш забег увенчан тризной,
Где принимают без послов.
Осталось только гладь атласа
Порвать, едва лишь стартовав...
Пусть моя лента будет красной,
И вспыхнет грудь, её прижав.
И пусть в пространственном потоке
Холодного, как снег, огня
Меня сожжёт, но мои строки
Оставит миру от меня.
Они нетленны, как истоки,
Откуда довелось черпать.
Пусть вестью светлой мои строки
Над миром будут пролетать.
И незамысленному оку
Откроют суть моих страниц,
Где малой радостью и вздохом
Меня поили из криниц.

Прости меня, город...

Прости меня, город, но сердце осталось в деревне,
Оно закатилось в её золотые поля.
Жила с тишиной по соседству, звучали напевней
И ночи, ... и дни..., моим прошлым над степью пыля.
Прости меня, город, теряюсь в твоей перекличке.
В твоём многолюдье уже не смогу привыкать
К присущей с рождения всем горожанам привычке
Куда-то, уже по инерции, вечно бежать.
Прости меня, город, в любви я тебе не признаюсь?
Хотя среди улиц твоих затаилась черта,
Куда я на финиш иду, в нелюбви к тебе каясь,
По воле судьбы, что финтить мастерица всегда.
За что эта кара душе с её тягой к простору,
Такому, где небо сливается с вечной землёй?
Но я не позволю родиться бездумно укору,
А лучше поверю, что замысел самый благой.

Что тот, кто к атласу приводит нас финишной ленты,
Успел досконально судьбы чертежи изучить,
И, видимо, ниша пуста для моей личной лепты,
И, видимо, город, тебя я должна полюбить.
Я буду стараться, здесь внуки в наш мир стартовали.
Для них на земле уголка нет родней и милей.
И буду молить, чтобы степи мне сердце отдали,
Которое спрятали – вольные – в жито полей.

Исток

Я трудармейский ребёнок.
Мне не хватало пелёнок.
Мне не хватало игрушек:
Кукол, зайчат, погремушек.
А за нехватки воздалось
Тем, что мне мама досталась
С огненной силою духа,
Мне было мягко и сухо.
Солнце меня обожало.
Грело меня и ласкало.
Там его было с лихвой
Под комендантский конвой.
Я на судьбу не в обиде,
Край довелось мне увидеть,
Где новой жизни росток
Холил погодой восток.
Древний восток, огнеликий,
Своеобразный, великий
В душу мне с детства запал.
Он моей Родиной стал.
Где бы меня ни носило
В нём мои корни и сила,
Там моей жизни исток...
Слава тебе, мой Восток!

Герхард ЦИЛЬКЕ

Родился в 1937 году в деревне Новоскатовке Шербакульского района Омской области в семье сельского учителя. После окончания школы учился в ПТУ. Некоторое время был моряком и работал в речном порту. Позже освоил профессии строителя и электрика, работал в Омске. С 1987 года живёт в Германии в городе Кассель. Пишет стихи и рассказы на немецком и русском языках. Его стихи были опубликованы в журнале «Культура. Немцы Сибири» (2011, 2012) и в альманахе «Literaturblätter deutscher Autoren aus Russland» (2009-2010). В 2007 году вышел его двуязычный авторский сборник «Wanderwege» (Gedichte, Reminiszenzen, Überlegungen).

Ein Herbstmotiv

Wenn du kommst, ist schon alles bereit.
Das Kaminfeuer wird uns umfächeln.
Durch das Fensterchen sieht man vielleicht
einer Aster verspätetes Lächeln.

Auch der Herbst ist zuweilen noch licht.
Er verscheucht dann den Nebel, den matten,
und ein strahlender Sonnenschein bricht
durch der Wolkenwand finsternen Schatten.
Wollen hoffen, es wird alles gut.
Lass uns nochmals Vergang'nes erhaschen.
Du wirst sehen, die lodernde Glut
Knistert immer noch unter der Asche.

Auf der Krim

Nein, wie könnt' ich die Stunden vergessen,
die wir damals zusammen genossen?
Deine Schultern, in Bronze gegossen,
unter Zedern, Platanen, Zypressen.
Und die Mattigkeit unserer Schritte.
Und die Milchstraße in deinen Augen.
Und die Segel, die wie weiße Tauben,
die so leicht übers Meeresblau glitten.

Improvisation

In meinem Hof beginnt der Blätterfall.
Doch ringsum tobt das Leben unvernünftig.
Die Jahre eilen, eilen herzenskalt.
Hab keine Ahnung, was sie bringen künftig.
Ich bleibe auf dem Weg des steten Wandels,
auch wenn so manche Windung Unheil bringt,
begrüße jede Kurzweil, jedes Handeln
und folge jedem stummen Augenwink.
Es wär doch Zeit, dass wir uns treffen würden,
in meinem Hof im Schattenkühl.
Die Mühsale der Tagesbürden
Verderben oft das schönste Spiel.
Mit dem Vergangnen wollen wir nicht grollen.
Es gab so manches: Freud und Leid.
Drum lasst uns rufen nolens volens:
Ein Hoch auf die Vergangenheit!

Im Spessart

Zur rechten Hand die Brücke hängt,
und links ein Hang, der Fluss dazwischen.
Die kleine Jossa tobt und sprengt
die Hindernisse, leise zischend.

Ich steh ganz oben, schau hinüber,
wo mich bedrückt ein düstres Bild.

Die dunklen Tannen wirken trübe,
ein grauer Dunst hat sie umhüllt.

Doch fängt die Sonne an zu lügen
Zwischen den Wipfeln überm Wald,
erst zaghaft, nur mit halber Kugel,
und dann – ein stolzer Feuerball.

Und schon beginnt ein Rauschen, Drängen.

Wie Hefeteig geht hoch der Lärm.

Die dunklen Schatten an den Hängen

Verschwinden in der weiten Fern‘.

* * *

Отшумели мои тополя.
Как печален их вид, их покой!
За лихими ветрами, звеня,
Наше буйство умчалось долой...

* * *

Не улеглась метель к утру,
Не улеглась моя тревога!
На срывающем ветру,
Уже завьюжена дорога!
Снега кружатся нарасхват,
Хлыстом хлеща то в дверь, то в окна,
Змеясь вдоль улиц наугад,
Из обалдевшего потока!

* * *

Рано утром на восходе солнца
Посидим на розовом крыльце!
Там ровные квадратики оконца
Полыхают в золотом венце.

Далёкое близкое

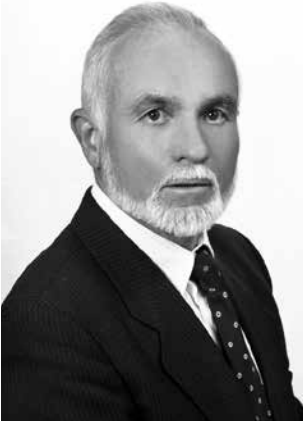
Я всё ещё скучаю по Сибири,
По тем родным иртышским берегам,
Где мы с тобой, такие молодые,
Надеждами делились пополам.
Где нас учили пафосу и рвению,
И без нужды загадывать Судьбу...
Теперь в пути к всеобщему смятенью
Кто вспомнит эту жалкую игру?!
Кто помнит те безрадостные всходы
Бескрайних обездоленных полей?
На тёмных улицах мы строили заводы
Из ярко-красных кирпичей.
Я побывал там ровно год назад.
Унижен был безмерным оскудением!
Круженье птиц над бедным поселеньем
И жуткая печаль с безропотным растленьем
Пророчат им невиданный закат...
Я видел вас! Руины вдоль дороги,
Хребты коровников между бугров и ям.
И осознал, как жили мы убого,
Какой ценой платили за обман!..

* * *

Ну что мы раскисли, не пройдя полдороги,
От края вселенной к вечному сну?
Как прежде доступны и вершины, и боги,
И стоит и дальше пройти по витку!
Память – колодец, глубокий и вечный!
Путеводные звёзды – наши грёзы и сны!
Готовые к взлёту, эти старые плечи
Нас вынесут снова на гребень волны!

* * *

Который день так сухо и тепло,
Который день блаженствует природа!
И яркий луч сквозь блёклое стекло,
Желанный гость у старого порога...

**Геннадий
ШАРОВАТОВ**

Родился в 1941 г. в деревне Романовке, Саргатского района, Омской области. В 1952 г. семья переехала в г. Омск. В 1958 г. поступил в Новосибирский институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии. После его окончания работал в аэрогеодезических предприятиях. В 1970 г. приглашён во вновь созданный в Новосибирске НИИ прикладной геодезии. Кандидат технических наук. После избрания доцентом преподавал в Иркутском госуниверситете курсы фотограмметрии, геодезии, аэрокосмических методов изучения природной среды. По семейным обстоятельствам переехал в Калининград, где в течение трёх лет работал в Научно-производственном объединении «Промрыболовства» ведущим конструктором подводной стереотелевизионной аппаратуры.

Литературной деятельностью занялся с выходом на пенсию в 2001 г. Публиковался в периодической печати и литературных журналах Калининграда, Краснодар, Новороссийска, Омска. В Ростове издан

сборник стихов и сказок для взрослых «Истина и Любовь». В альманахе «Культура» опубликована повесть «Сны старого дома» и отдельные главы готовящейся к изданию документальной повести «Русские немцы». Завершена работа над повестью «Картина Пашикова «Витим», основу которой также, как и всех предыдущих публикаций, составляют реальные события.

Проблемы соотечественников, российских немцев, выехавших в Германию и оставшихся в России, являются основной темой литературного творчества автора.

Сила духа

И, проходя, увидел человека, слепого от рождения. Ученики Его спросили у Него: Равви! Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии.

Евангелие от Иоанна 9.1.

Хмурым осенним днем 1993 года в накопителе Новосибирского аэропорта пассажиры международного рейса, уже прошедшие таможенный и пограничный контроль, долго и томительно ожидали вылета самолета на Гамбург. Это был один из тех рейсов, которым бывшие спецпереселенцы, а теперь реабилитированные российские и казахстанские немцы возвращались на свою историческую Родину. Из-за неблагоприятных метеоусловий рейс задержи-

вался и неоднократно откладывался. Накануне небо, казалось, уже выплакало дождем все прощальные слезы, которые оно накопило за долгие годы, взирая со своих недосягаемо-заоблачных высот на жизнь этих страдальцев. Но и в этот ветреный день скупые остатки горестной влаги снова и снова то и дело стекали по запотевшим стеклам длинного накопителя. Улетающие и провожающие ежились в холодных аэропортовских помещениях в нетерпеливом ожидании посадки. Наконец, к накопителю подкатили автобусы, двери распахнулись, и пассажиры потянулись к выходу. В опустевшем помещении осталось два необычных пассажира и двое провожавших их мужчин, один из которых был в форме военного летчика.

Штурман, майор авиации Виктор Губер со своим другом привезли в аэропорт семью инвалидов 1-й группы Альберта и Валентину Шульц с намерением помочь им при посадке. Они действительно нуждались в такой помощи; самостоятельно им было не под силу преодолеть крутой трап и разместиться в салоне лайнера. Неожиданно дежурная по посадке подошла к супружеской паре и сообщила, что экипаж отказывается принимать их на борт без сопровождающего, и им придется вернуться домой. Несмотря на пробирающий до костей холод, Альберта бросило в жар, а лицо Вали стало бледным, как полотно. Почему их не предупредили заранее, ведь об их состоянии и возможностях было всем все известно из многочисленных документов, собранных по требованию властей за эти долгие годы подготовки к отъезду?

Они еще что-то горячо говорили то вместе, то поочередно этой молоденькой дежурной, а та, сама в глубине души разделявшая их горечь, возмущение и отчаяние, оправдывалась перед ними, убеждая, что это – решение командира корабля, и от нее «совсем-совсем ничего не зависит». Видно, крепко возлюбила их вторая Родина и даже напоследок никак не хотела выпускать из своих крепких материнских объятий! Никто не может сказать, сколько прошло тягостных минут, обрушившихся своей страшной безысходностью на Альберта и Валентину. Нет, не только на них; и они, и Виктор с другом, и даже эта молоденькая девушка – все казались беззащитными, униженными и раздавленными. Равнодушное время, сначала тянувшееся так тягуче медленно при ожидании отъезда, теперь рванулось и понеслось стремительно и неудержимо. В окно накопителя было видно, как по трапу поднимаются уже последние пассажиры, и дверь за ними вот-вот захлопнется.

Первым пришел в себя Виктор. Он что-то шепнул на ухо Альберту и метнулся мимо дежурной к стоянке самолета. Когда он к нему подбежал, трап медленно отходил от лайнера, а экипаж деловито и спокойно продолжал уже начатую подготовку к запуску двигателей. Командир корабля оторвал взгляд от приборной панели и увидел перед собой словно из-под бетона выросшую фигуру в форме военного летчика. Его скрещенные над головой руки недвусмысленно накладывали запрет на запуск двигателей и взлет; одновременно

он что-то говорил авиатехникам, но командир не мог разобрать его речи из-за шума двигателей соседнего самолета. Ситуация складывалась явно нештатная, и теперь командир запрашивал диспетчера об этом откуда-то появившемся чудике в военной форме, неизвестно почему рисковавшем не только своими погонами, но и всей военной карьерой. По докладу авиатехников диспетчер уже знал, чего добивается этот майор, и он все объяснил командиру экипажа.

В порту зрела тихая паника, а Губер продолжал стоять перед лайнером, требуя посадки семьи Шульц. Рейс задержался еще на целый час. Когда самолет круто взмыл в небо, словно торопясь наверстать упущенное время и побыстрее скрыться от позора, пережитого на земле, на его борту находились Альберт и Валентина. Они летели навстречу новой жизни, еще несколько не представляя, какой она сложится и что ожидает их впереди.

* * *

История эта началась осенью сурового 1941 года. Поезд с немецкими переселенцами из Мариентальского кантона прибыл на крохотную железнодорожную станцию Новомайская в Новосибирской области. Вместе с другими из скотного вагона выгрузилась и семья Шульц. На станции переселенцев поджидало несколько десятков подвод, собранных из окрестных деревень. После переклички и погрузки тронулись в путь, напомилавший скорбную похоронную процессию. Скрипучий обоз с детьми и нехитрым домашним скарбом длинной лентой извивался между хилыми березовыми колками, ржавыми болотцами и озерами, заросшими высоким густым камышом. Миновав поселки Безбожник и Ермак, вышли на болотистую равнину; дальше двигались по пустынным, незаселенным местам. Взрослые месили холодную, жидкую осеннюю грязь ботинками, калошами, сапогами, но она, то переливаясь через края, то какими-то другими хитрыми путями пробираясь внутрь, хлюпала между пальцами ног. Три десятка километров, отделявшие станцию от нового места жительства, преодолели к вечеру. Остановились на большой поляне между двух колков, тянувшихся вдоль длинных грив. Оперуполномоченный НКВД в фуражке с красным околышем и в необъятно широких темно-синих галифе сделал последнюю перекличку и передал копию списка бригадиру местного колхоза. Объяснил напоследок права и обязанности переселенцев. Прав было немного; точнее, только одно – умереть; все остальное состояло из обязанностей.

После переклички и инструктажа мужчины отправились в колок рубить жерди для навесов от дождя и холода. Подростки таскали сучья, разжигали костры. Сырые дрова разгорались неохотно, чадили и коптили. И сама жизнь их была сейчас так похожа на эти жалкие костры с едва пробивающимся между корявыми ветками пламенем, готовым в любую минуту погаснуть под малейшим дуновением ветерка. Но зыбкое это, такое же испуганное, как и они,

пламя подавало им все-таки надежду на жизнь и хоть на какое-то тепло в этой промозглой осенней ночи.

На следующий день приступили к строительству землянок.

— Земля в этих местах зимой промерзает глубоко, метра на полтора, а то и больше. Копайте глубже, — наставлял колхозный бригадир. И подгонял всех подряд отборными матерками. Но подгонять никого не было нужды; вгрызались в землю остервенело, торопились, понимая, что заселиться нужно как можно скорее, до наступления больших морозов. Успели.

Заниматься переселенцам предстояло делом знакомым и привычным: ловить рыбу в ближайшем озере Талаковское, пилить лес и выращивать на тощих сибирских полях хлеб для фронта. Колхоз сдавал мороженую рыбу на железнодорожную станцию Татарская. Председатель разрешил оставлять для себя некондиционную мелочь голяня. Изредка выдавали работникам дробленую пшеницу, ржаную муку и прогорклое масло из сурепки, от которого все поголовно маялись животами. Привезли однажды на двух подводах подмороженный картофель и брюкву. Чего было в избытке, так это работы, проверок НКВД и вшей. К концу зимы начали умирать ослабленные дети и старики, но до поголовного мора дело не дошло. Продержались до лета и первой зелени.

В семье Шульц было трое детей: дочь и двое сыновей. Младшему, Альберту, при переселении не было еще и года. За мамку, папку и няньку у него был старший брат, которому самому еще не исполнилось шести лет. И не хватило однажды скудных мальчишеских силенок управиться с братиком, уронил он его, да так неудачно, что хрупнул неокрепший детский позвоночник чуть выше тазовой области. Жизнь спасти ребенку удалось, но остался он на всю жизнь инвалидом, обреченным находиться в лежачем или полужелезном положении. А развитие его пошло по нестандартному пути. Неподвижность и недостаточная иннервация нижней части тела оставили ему по-детски маленькие, карликовые ножки. Зато развились торс, богатырская грудь, руки, и достигла необыкновенных размеров голова. Но, спохватившись, вероятно, и пожалев о чрезмерной суровости, Судьба ему улыбнулась: в полной гармонии с физической силой рук и крупной головой Альберт получил в дар и мощный интеллект. Осознание своей личности, своего положения и предназначения выводили его за рамки привычных, укоренившихся в обществе представлений о жизни. Трезво оценивая свои возможности и способности, Шульц не хотел быть иждивенцем, и он себя им не чувствовал! В невыносимо суровых условиях, в которых оказались он сам, близкие ему люди и весь его народ, Альберту так хотелось хоть в чем-то быть полезным. Несмотря на ограниченный круг общения, в детстве и юности ему довольно часто приходилось слышать в свой и в адрес своих соотечественников злобные или презрительные оскорбления: «немецкая сволочь», «фашист недобитый»... Свою личную задачу Альберт видел в том, чтобы доказать, в первую очередь, самому себе,

что это не так, никакой он не фашист, что он ничем не хуже других. И ему удалось найти свое место в жизни и свое дело. Альберт видел, как страдают люди от сибирских холодов из-за плохой обуви. Он решил во чтобы то ни стало научиться катать валенки. Ремесло оказалось нехитрым, но тяжелым; оно приносило скудный хлеб, но не давало удовлетворения душе; она была рождена для чего-то другого, более высокого и благородного. Шульц понял это, когда в сердце и в голове его зазвучали стихи, а рука сама потянулась к перу. Это и было открытием своего настоящего, действительного предназначения. Поэзия одухотворила его ранее жалкое существование; он приоткрыл дверь в чертоги искусства, и жизнь засияла перед ним яркими цветами радуги. Валенки остались в прошлом как одна из жизненных ступенек. Теперь он осваивал профессию сапожника, а в свободное время писал стихи. К тридцати годам Альберт достиг высочайших высот мастерства в искусстве изготовления обуви. Но настоящее признание высокого мастера в масштабах всей Сибири пришло к нему после переезда в Новосибирск. Все ботинки, туфли, сапоги, вышедшие из его рук, обладали неповторимой красотой, изящностью и прочностью. Это были раритеты, которыми можно было пользоваться в быту и украшать ими свою жизнь. Он получил самую широкую известность, и пошить обувь у Шульца стало почитаться за честь, за признак высокого общественного и материального положения. Пришел материальный достаток, отступила нужда; теперь он сам помогал брату, сестре и даже незнакомым людям. Он купил, переоборудовал и научился в совершенстве водить автомобиль. По замечанию знакомого автоинспектора, если бы все были такими водителями, как Альберт, то ГАИ можно было бы расформировать. Но это была только внешняя сторона его жизни, открытая для посторонних. В то, что творилось на душе и в сердце, Альберт не посвящал никого; об этом знал только он один.

Проблемы с плотью начались давно, еще с детства. Надо было как-то передвигаться, обслуживать себя, работать: не лежать же неподвижно в постели в ожидании смерти! Нужна была инвалидная коляска. Но кто даст ее семье репрессированного немца, когда в Советском Союзе сотни тысяч инвалидов-фронтовиков их не имеют! Пришлось тележку мастерить самому, и получилось что-то вроде раскладушки на колесах с брезентовым ложем. Несмотря на регулярные физические упражнения, из-за неподвижности таза и ног появились пролежни. Пока были живы родители и рядом был брат, они помогали бороться с ними массажем и протираниями. Но после смерти родителей и женитьбы брата проблема возникла снова. И поскольку Альберт имел теперь дело с кожей, ему пришла в голову мысль заменить брезент тележки на кожу. И пролежни отступили!

Купив в Новосибирске кооперативную квартиру, Альберт приступил к ее переделке под свои нужды. Он самостоятельно конструировал и монтировал на двери дистанционные кодовые замки, устанавливал удобное для себя электрооборудование, сантехнику...

Неожиданные испытания пришли оттуда, откуда их совсем не ожидал. Альберт влюбился. Ее звали Валя, и у нее были такие большие, выразительные глаза, полные невысказанной печали. Она тоже была инвалид и могла передвигаться только на костылях. Сначала встречались на собраниях, потом начались встречи по договоренности, свидания. Когда проверил прочность чувств, объяснился, предложил руку и сердце. Зная Альберта, Валя убедилась, что и то, и другое были надежными. Дала согласие. Оставалось получить согласие родителей Вали. А те вдруг запротестовали:

– Ну нет уж, достаточно нам одного инвалида на руках! Ты хочешь еще другого нам на шею повесить! Двоих обслуживать, на это у нас сил не хватит!

Отказ родителей Альберт воспринял спокойно, без обиды. Он смотрел на них со своей тележки снизу вверх, но почти физически ощущал свое моральное над ними превосходство. Потому что ему были понятны чувства этих людей, измученных беспросветной нуждой и безнадежностью. Как мог, он старался успокоить их и, вот странно, даже помочь им!

Он подкатился к ванной комнате, распахнул ее дверь и попросил отца Вали подойти к нему.

– Видите эту ванную? – спросил он.

Ванная комната была просторная, но стены ее обшарпаны, эмаль на ванне серая, со сколами, покрыта коричневыми ржавыми пятнами.

– Жить мы будем не у вас, а у меня. Через год я приглашу вас принять здесь идеальную ванну и сам вручу вам полотенце, – глядя отцу прямо в глаза, пообещал Шульц и, уже обращаясь к Вале, спросил только ее:

– Ты согласна выйти за меня замуж?

Видно, не очень сладкое было Валино житие у родителей, потому как, несмотря на их протест, она тут же и ответила с улыбкой, давно не посещавшей ее глаза:

– Согласна, милый.

Из всех, кто имел когда-нибудь дело с Шульцем, каждый мог бы смело сказать: Альберт пустых обещаний не дает, слов своих на ветер не бросает.

Сдержал свое слово Альберт и перед отцом Вали. Через год он пригласил его к себе, и тот вымылся в сверкающей эмалью ванне с блестящим на стенах узорным кафелем, с итальянскими хромированными кранами, смесителями, душем. Возле ванны, у двери, его поджидал на своей коляске Альберт с красивым пушистым полотенцем в руках.

Незаметно для себя Шульц стал настоящим знатоком исторического костюма. Все началось с простого желания реконструировать обувь своих предков, немецких переселенцев в Россию. В домашней библиотеке появилась специальная литература восемнадцатого века на русском и немецком языках, альбомы с репродукциями полотен Рембрандта, Гальса, Рейсдаля, Левицкого, Антропова, подборки репродукций из картинных галерей Дрездена, Берлина, Лувра, Эрмитажа.

Постепенно его имя и мастерство становятся известными в Европе, а хронологические рамки интересов значительно расширяются. От состоятельных людей, коллекционеров и любителей исторической экзотики поступают заказы на изготовление образцов кожаных доспехов средневековых рыцарей-крестоносцев, римских легионеров. Шульц нашел себя и свое место в жизни.

* * *

А летчик Виктор Губер остался внизу, на земле. Он смотрел вслед самолету до тех пор, пока его было видно, и думал о том, подарит ли ему жизнь хотя бы еще одну встречу с этими удивительными людьми, Альбертом и Валентиной, волей судьбы ставшими ему ближе, чем кровные родственники. После отъезда Шульцев в душе его образовалась какая-то пустота, словно он утратил некую частицу самого себя. Затем, вероятно, сработали механизмы психологической защиты, и образовавшийся душевный вакуум заполнили воспоминания, в которые он теперь часто погружался и которые высветили для него самого его собственную жизненную дорогу из детства и юности вплоть до рулежной дорожки Новосибирского аэропорта. Он вспоминал свою жизнь, но мысли постоянно возвращались к Шульцам: «Как там они устроятся, что будет с ними дальше?..»

По дороге домой Виктор вспоминал, как он познакомился с Шульцами...

Дом, в котором жили Шульцы, Виктор и Елена Губеры нашли просто и легко. Полированная бронзовая табличка с фамилией и инициалами хозяина и панель домофонного переговорного устройства подсказали им, что они пришли именно туда, куда и просил их прийти Валерий Вейнгарт и, если нужно, помочь инвалидам. Они слышали раньше от своих знакомых о знаменитом сапожнике Шульце, но лично с ним знакомы не были. И вот теперь предстояло познакомиться. Направляясь к Шульцам по просьбе Валерия, они предполагали, что нужно будет привести в порядок конурку сапожника, очистить ее от хлама и отходов сапожного производства, может быть, вымыть полы, заготовить какие-то продукты...

Мелодичный дверной звонок в квартире Шульцев раздался неожиданно и застал Альберта как бы врасплох; сегодня он в гости к себе никого не ждал.

– Кто там? – спросил он в микрофон.

– Виктор Губер по просьбе Вейнгардта, – ответил мужской голос.

– Пожалуйста, входите, – пригласил Альберт, подкатываясь на тележке к входной двери и нажимая одновременно кнопку ультразвукового дистанционного пульта. Дверь бесшумно распахнулась, пропуская Виктора и Елену, и также бесшумно закрылась. Супруги были поражены блеском и чистотой квартиры; изумление, отразившееся на лицах гостей, не могло ускользнуть от внимательного взгляда хозяина. Но он уже давно привык к искреннему проявлению такого рода впечатлений и относился к этому вполне снисходительно и великодушно. В квартире не видно было сапожной мастерской

Не отделяя себя от немецкого и советского народа, Шульц никогда не ходил с протянутой рукой. Наоборот, для многих нуждающихся его рука была щедрой и бескорыстной! В один из летних августовских вечеров Альберт приехал вместе с Губерами в Дом Культуры железнодорожников на торжественное мероприятие. Выбравшись из машины на тележку, он увидел стоящего неподалеку от него одноногого нищего, просящего милостыню. Энергично подкатившись к нему, он вытащил из кармана пачку денег и, не считая их, положил в засаленную кепку.

– Возьми эти деньги, на первое время их тебе должно хватить, – сказал он нищему. – Но знай, что если бы я был таким инвалидом, как ты, я бы давно стал миллионером! – добавил он веско. Нищий взял деньги, поблагодарил дарителя и исчез. Больше здесь его никто и никогда не видел. Кто знает, может быть, они принесли ему настоящую пользу.

В подвале дома Альберт оборудовал капитальное хранилище овощей и домашних заготовок, пронумеровал каждый стеллаж, полку, ячейку. На составленном плане хранилища он отмечал все, что размещал на стеллажах и полках, и все, что оттуда изымал. Валя подписывала каждую банку и ее содержимое. Оба они, таким образом, в любой момент знали, что, где и сколько находится в их подвале, даже не посещая его лично. Однажды к нему пришли с предложением о помощи две молоденькие девушки из католической церкви от матери Терезы. Альберт встретил их радостно и гостеприимно. В непринужденной беседе расспросил о том, где и как живут и работают. Мимходом поинтересовался, как они сегодня обедали. Они простодушно, без задней мысли, ответили, что пообедать еще не успели и собираются сходиться в столовую чуть попозже. От предложения пообедать у него «чем Бог послал», великодушно отказались. Настаивать Альберт не стал, но через неделю привез девушкам домой мешок картофеля и фрукты. И произошло это в голодном 92 году!

Думы и размышления о смысле жизни, врожденная предрасположенность к духовности и вся обстановка этих лет не могли не привести его к Богу. И где, как не в стихах, он мог излить свои представления о справедливости, Суде и Судье, о возмездии за страшные преступления XX века!

Мы знаем, что еще немного
Твоя над нами благодать
Пребудет в сердце, у порога,
Но наш Отец устал уж ждать.
Он скоро скажет: «Хватит –
Сыну –
Тебе за грешных хлопотать,
Мольбы теперь твои отрину,
Пора се время завершать».

И семь он язв на землю выльет,
Как время скорби подойдет.
Неверных прочь он всех отринет,
Лишь любящих его спасет.
Так будем мы любви достойны
Отца небесного, Царя.
И помнить, что своей он кровью
Омыл, взяв грех наш на себя!

Да, он имел щедрое сердце, золотые руки и светлую голову! Но был ли он счастливым в полной мере? Пусть каждый из непредубежденных читателей задаст себе такой же вопрос и честно на него ответит:

– А был ли я в это время счастлив?

Вероятно, кто-то и был. Но среди них не видно Альберта. Попытки немецких лидеров создать прежнюю Автономную Республику на Волге или в Калининградской области закончились безрезультатно, и начался массовый исход немцев из России, Казахстана, Киргизстана.

Сын своего времени и своего народа пишет о себе, о пробудившемся в нем зове крови в стихах:

И мне казалось иногда,	Меня в ту землю поманил,
Что я ведь тоже жил тогда.	Где я когда-то будто жил.
Но все ушло уж вглубь веков,	И пусть мечтой те годы были,
И только, видно, та же кровь,	И что мои там предки жили,
Что в жилах тех людей струилась,	Теперь уж точно знаю я,
Во мне сегодня пробудилась.	Что родословная моя
И зов крови прошел сквозь годы,	И жизнь – оттуда началась....
И, претерпев все те невзгоды,	

Давняя, затаенная с детства мечта смотреть на мир и людей не с ложа тележки, а «как все», с высоты человеческого роста, позвала его из устроенной жизни в дальнюю дорогу и неизвестность. Повлияла на его решение и наивная вера в возможности «заграницы». Теперь Альберт надеялся на осуществление своей мечты в богатой и благополучной Германии, надеялся на Бога, на новых соотечественников и, конечно, на силу своего духа. «А почему бы и нет!? Ведь я такой же немец, как и все другие!» – мечтал Альберт вместе с Валентиной. Так и оказались Шульцы на борту самолета, уносящего их на новую родину.

В аэропорту Гамбурга супругов ждали работники социальной службы, уже давно приготовившие для них две чистенькие, ухоженные комнаты в доме престарелых. «Как, должно быть, они обрадуются, эти беженцы из Сибири!» – думали встречающие. Но, кажется, социальные работники несколько ошибались. Альберт с Валентиной мечтали не о бутербродах с колбасой и не о том, чтобы избавиться от забот о насущном хлебе.

Вот что вскоре после приезда пишет в письме Альберт своим друзьям Губерам в далекую Россию из Германии, из дома престарелых:

«Здравствуйте, мои драгоценные!»

Кое-как дождались от Вас весточки. Валя уже два раза звонила к Вам домой, и сноха сказала, что наше письмо к Вам переправила. Слава Богу, что наше письмо пришло к Вам, а ваше к нам...

...Ну что нового у нас. Дали нам карманные деньги по 155 марок на душу. Уже легче стало. Все покупаем и пробуем. Правда, конфеты и шоколад быс-

тро мне надоели. Я люблю борщ и все свое. Здесь кормят очень плохо. Утром и вечером бутерброды: хлеб, сыр, колбаса. Я удивлен, что в магазинах всего полно, но они не варят. Мы варили борщ, так они забегались по коридору. Пришлось дать по тарелке. Они до того были поражены, что так было вкусно, и даже сказали шефу. Он работает в своем кафе, сам варит. И он привез нам все для борща, и мы ему варили. Потом делали ему пельмени. Он говорит: даже ночью вставал, варил и ел! Потом беляши Валя пекла и пироги с капустой и картошкой. Потом вареники с творогом. Ничего этого они не ели. Здесь работают два мужика и две бабенки. Так они не знают, как тесто на пельмени завести. Вот диво так диво.

Валя ездила к одной из женщин и ей там сделали прическу. Она живет в бывшей ГДР. И Валя говорит: что как переехали бывшую границу, сразу дорожки стали похожи на наши...

...В подъездах у них дорожки персидские и цветы на окнах и висит тюль. Здесь очень красиво. Верующие возят Валью на машине в магазин. Есть все и сейчас. Не хочу перед Вами выглядеть хвастуном, но это надо видеть. Здесь можно на 300 – 400 марок вдвоем прожить месяц. Времени у нас много, и мы помогаем здесь, чем можем. Я себе уже стол сделал маленький. Теперь мне обещают машину сапожную.

Вот такие дела. У одной бабенки здесь болела голова, и Валя ей, шутя, сказала, что пусть Альберт тебе массаж сделает. Она согласилась, и я стал ей массаж делать. После первого массажа у нее прошла боль. Врач, говорит, не верит. Вот уже месяц я тру ей шею. Она очень довольна и хорошо к нам относится. А нам это на руку, здесь очень тоскливо. Мы тоже молимся, и Господь слышит нас и помогает. Я не знаю, как бы мы были без него! Благодаря Господу, мы живы! И, благодаря Ему, к нам столько ходит народу. О нас здесь уже все в округе знают. Смотрят, как на динозавра, такой тяжелый и такой необычный. Так мне сказали сегодня. Ну, скажу Вам главное. Если Господь вел нас своими путями столько лет и не дал нам пропасть, то я верю, Он нам даст достойную жизнь. Мне сейчас плохо жить нельзя. Потому что много глаз из России смотрят на нас. И Господь это видит. У Вали все родные теперь знают, где мы живем, и мать ее даже слегла. Если мы не получим должных условий, то мне никогда не отмыться перед ними. Но Господь со мной в сердце и со мной вместе страдает, и Он не допустит нашего унижения.

Помнишь, Виктор Анд., нашу заминку в аэропорту в Новосибирске. Это Господь послал испытание всем нашим родственникам. Никто не сказал: «Альберт, не ездите, оставайтесь, мы не бросим Вас!» Никто так не сказал! Вечером все ели мясо, пили водку и никто не спросил меня: «Альберт, что у тебя на сердце?»

А когда мы сели в самолет, я чуть не отключился, так мне было горько, что никто из родни не предложил взять нас к себе поближе. Вот так.

Теперь вы пишете о Рождестве и Новом годе. Здесь поставили большую елку в холле, и я думал, может, что-то будет душевное, но нас не пригласили к столу. Так было и в Новый год. В 8 вечера мы легли спать. Перед сном я наплакался и за 10 минут написал этот стих, я его Вам посылаю. Все страдание наше в нем. Завтра уже 3 месяца, как мы в Германии. Я и Валя очень соскучились о Вас. Мне тебя Виктор не хватает, как воздуха...

Пока все. Целуем, обнимаем, любим, ждем!!!

17 января 1994 г.

Зачем я сделал этот шаг?
Теперь и сам того не знаю,
Как будто сам себе я враг
И до сих пор не понимаю.
Ведь аналитик был всегда
И прежде сделать что-то либо

Всегда все ставил на веса,
А тут как будто кто-то «выбил».
Здесь изобилие кругом,
Куда ни глянешь, глаз ласкает,
Но все для нас покрыто льдом,
И нас никто не понимает.

Возможно, поддавшись кратковременному настроению, Альберт выразился в стихах о непонимании и равнодушии новых соотечественников слишком сильно. Потому что через полгода семью Шульц переселили в арендованный дом с пандусом для въезда на коляске. В доме все было приспособлено для удобства инвалидов. Нашлась для него в Германии и специальная коляска. Только мечте Альберта не суждено было осуществиться. Корни, питавшие его душу, как видно, оборвались и навсегда остались в России. После тяжелой простуды в 1997 г. Альберт Шульц умер в городской больнице. Валентина Шульц живет в Германии и с нетерпением ждет писем и любой весточки с Родины. Может быть, и у вас на досуге возникнет желание написать ей.

Недалеко от Калининграда, рядом с городком Ладушкин, в конце девяностых годов вырос необыкновенно красивый поселок. И название ему дали красивое – Звездный. Со стороны он кажется маленьким кусочком Германии. Построили его и живут в нем российские немцы. В одном из домиков поселился и бывший летчик Виктор Губер, первый из поволжских немцев в истории советской послевоенной авиации, удостоенный чести защищать Россию в небе. Он достойно защищал ее, в том числе и в небе Афганистана. Его можно встретить иногда на окраине поселка у часовни, построенной немцами в память о погибших русских подводниках. В часовне стоит изваяние Девы Марии, в руках у нее вечно горящая свеча.

Светлой памяти Альберта Шульца, всем борцам, сильным духом, настоящим сынам и дочерям Отечества, его защитникам в небе, на земле и на море посвящается этот очерк.

Виктор ШВАБАУЭР

Родился в 1954 году в деревне Новоскатовке, Шербакульского района, Омской области. Учился в Новоскатовской ООШ и Екатеринославской СОШ. Позже обучался в Омске. Сейчас проживает в Германии, в городе Раушенберге. Он пишет о любви, описывает деревенскую жизнь, свои тревоги и надежды. Но, вчитываясь в строки его стихотворений, ощущаешь его любовь к своей малой родине, тоску и боль, горечь утраты. Его стихи были опубликованы в газетах и журналах, в журнале «Культура. Немцы Сибири», а также в сборнике «Mein Schöntal - Nowoskatowka» (Омск, 2006).

* * *

Пахнет пылью и свежим навозом,
Гонит стадо пастух Семён.
У дороги уставшей берёзе
Что-то шепчет влюблённый клён.
А в обнимку с белой берёзой
Спит, «накушавшись», конюх Иван.
Не стерпел он сердечной занозы
И по веской причине пьян.
Блеют овцы, мычат коровы,
Матерится пастух Семён.
Кто-то кличет сыночка Вову,
Где-то булькнул с горла самогон.
Спит Иван и во сне мечтает,
Что зазноба его пришла
И целует его, обнимает...
Но шершава берёзы кора.
Утихают дневные заботы.
На осине грызния ворон.
За деревнею крикнул кто-то,
Что в Светлану навек влюблён.
И что он ни за что на свете
Не уступит её... Ни за что!
И сегодня с букетом этим
Постучится в её окно.
Где-то музыка гроыхнула
Из раскрытого настежь окна.
Очень хитро с небес улыбнулась
Запылённая чуть луна.

* * *

Последний день, а завтра в путь.
Что было, то уж не вернуть.
Взять можно множество вещей,
Но не возьмёшь с собой друзей.
Но не возьмёшь с собой луну,
Что тайну знает не одну.
А увезёшь с собой тоску –
Тоску по дому своему.
В последний раз я пью за то,
Чтобы всё было хорошо.
Нелёгкий предстоит мне путь,

И многого уж не вернуть.
Не будет звёзд в тиши ночной,
Что тайной делится с тобой.
Не будет больше той зари,
С которой будто сам горишь.
Как мне придётся в том краю,
Где, говорят, всё как в раю?
Хмельной сижу, кусаю ус –
Бросать мне жаль родную Русь!

Бег

Сердце рвётся на части, и скупая слеза
По морщинам скатилась на ус.
Хуже нету беды, хуже нету напасти:
Я прощаюсь с тобою, Русь.
Я не зол на тебя, не виню и народ.
Было всё: и беда, и удача.
Отчего же такой вдруг крутой поворот?
Неужели нельзя иначе?
Много книг я прочёл и уж понял давно,
Что Россия – страна непростая.
Кто вы, Врангель, Деникин, Колчак и Махно?
Где тот мир, что как сахар растаял?
Где тот мир, где споткнулся Иван-богатырь,
И Илья не успел почему-то?
Отчего большевизм, словно гнойный волдырь,
Так сумел развернуться круто?
И опять все бегут, как в двадцатых годах,
Когда Крым почернел от бегущих.
Чем мы лучше буржуев, бежавших тогда?
Чем мы трусов тогдашних лучше?

* * *

Опять мне снится сон желанный...
Закат. Скамейка у ворот.
Задумчивый бровей разлёт
Соседской девушки Светланы.
Что толку в этой жизни новой,
Коль ничего нельзя вернуть:
Ни сада, ни скамьи дубовой,
Ни поцелуев – только грусть!

Уж не бывать мне в деревенской бане,
Не закусить сивухи огурцом,
И до утра с соседом Ваней
Не толковать о том, о сём.
Я езжу здесь на «Мерседесе»
И ем зернистую икру,
Подсолнух больше не грызу
И не пою сибирских песен.
Но всё ж молю, чтобы скорей
Мне повторился сон любимый –
Остался след неизгладимый
В душе издёрганной моей.

* * *

Который год, в который раз
Мне снится сад, деревья одичалые.
В саду брожу, ищу я вас,
Мои надежды запоздалые.
Вон в том углу, в тени дубов,
С ней целовался от тоски и лени.
Мы говорили про любовь
И прочие земные бренности.
Но снова я один в саду,
К закату солнце тихо клонится,
Быть может, призрак я ищу,
И ничего уж не исполнится.
Мой дикий сад, мой сон давнишний
Навек останется мечтой:
Я, видно, в этой жизни лишний,
Как лишним был и в жизни той...

* * *

Под луною искрится снег,
Застывают слова на лету,
Но нельзя заморозить смех,
Невозможно убить мечту.
Что ты шуришься так, луна?
Может быть, мы тебе надоели?
Но, поверишь ли, нам не до сна –
Слишком многого мы не успели!

**Владимир
ШЕЛЬ**

Родился в городе Джеты-гора, Кустанайской области. В 1952 году переехал жить в город Омск. В 1966 году окончил 8 классов школы-интерната и устроился работать на Омский авиационный завод слесарем. Работая на заводе, окончил вечернюю школу. В 1978 году окончил заочно Омский педагогический институт, художник. В последнее время работал на заводе им. А.С. Попова дизайнером. Занимается фотографией. Изучает историю Омска и своей родни. Пишет об этом книги.

Трудармеец Иван Иванович Баллах

Война

Линия фронта быстро продвигалась к украинской деревне Николаевке. Председатель колхоза 1 октября 1941 года предупредил мать Елизавету, чтобы семья готовилась к эвакуации на восток страны, так как на следующий день за ними придет подвода, и их отправят на железнодорожную станцию Волноваха. В дорогу мама с нами стала собирать вещи. На Украине семья Баллах богато не жила, с собой собрали вещи, учебники, думали, что все это будет ненадолго и скоро вернемся. Нам так и сказали, что вам нужно временно уехать подальше от линии фронта, а потом вернетесь.

Семья Баллах была эвакуирована 3 октября из узловой станции Волноваха, Сталинской области (сейчас это Донецкая), на восток страны. Вагоны были телячьи, и в них по центру сколочены двухъярусные нары. В вагоне была печь буржуйка, но топить её и курить мужчинам в дороге не разрешали.

В Тульской области 7 октября на разъезде Настасьино их поезд бомбили и обстреливали немецкие самолеты. Наш паровоз подъехал к разъезду, и у него закончилась вода, а водонапорной емкости на маленькой станции не было. Отцепив состав, паровоз уехал на другую станцию заправляться водой. Рядом на соседнем пути стоял эшелон с открытыми платформами, они были замаскированы ветками. Начальник разъезда увидел приближающие самолеты и начал кричать: «Граждане, прячьтесь, впереди вражеские самолеты летят». Люди стали разбегаться кто куда, а возле этого полустанка и леса то не было, деваться некуда. Самолеты пролетели, бомбы бросили на паровоз и улетели, а до этого они разбомбили другие вагоны, и вдоль

насыпи валялись убитые и раненые пять лошадей, у одних бок был разорван, другие лежали на боку.

Нам, пацанам, было интересно посмотреть, что творилось на станции. А тут опять начальник объявляет, что немецкий самолет приближается. Я посмотрел на самолет, от него отделились три шарика, я бежать, а сзади меня грохнуло три раза и пулеметы строчат, у меня голова машинально спряталась в пальтишко, в котором я был одет, как будто я мог защититься от этих пуль и осколков.

Взглянув на небо, я увидел, что часть его закрыто дымом и пылью. Осень стояла сухая, и, когда бомбы рванули, всё с земли поднялось в воздух.

Начальник разъезда увидев такую ситуацию, дал указание другому машинисту отцепить паровоз от пустого эшелона, прицепить к нашим вагонам, и мы поехали. Отъехали с полкилометра, немецкий самолет снова появился и давай нас бомбить и обстреливать. Непонятно было то, что он не вдоль эшелона, а над паровозом, немного по диагонали, пролетит и строчит, строчит из пулемета, развернется и опять возвращается и так все повторялось несколько раз. Мы выскочили из вагонов и врассыпную побежали в перелесок, который рос вдоль железной дороги. Бежали, сколько есть мочи, чтобы спрятаться в молодые деревца, а они толщиной с мою руку.

В октябре месяце уже половина листвы осыпалось, я упал на землю и гребу листву на себя, чтобы с самолета меня не было видно. Позже я осознал, ну, как же я мог такое сообразить, да впопыхах и не то придумаешь. Получалось так, самолет пролетит, тишина наступала, машинист бежит к паровозу и давай сигналить, гудит, гудит, чтобы люди садились по вагонам, а самолет где-то опять заправится и опять летит нас бомбить, и так было семь раз.

Везли нас по железной дороге через Москву, потому что южной дорогой на восток страны везли различное оборудование из Запорожья и Украины.

В Москве мы стояли часа четыре, в небе видели и слышали постоянно патрулирующие советские самолеты со звездами на крыльях, которые не подпускали вражеские самолеты.

Когда выехали из Москвы, было сухо, правда, уже был морозец. Подъехали к Казани, в небе увидели наши самолеты, вот тогда и разрешили нам топить буржуйку, кипятить чай, а мужикам курить, а до этого на станциях люди бежали и добывали кипяточек.

Подъехали к Свердловску, а тут уже на санях ездят и снегу по колено. Переехали Урал, Тюмень, появился Омск, и тут снежок припорошил землю.

В Омске мы не стали слазить, хотя у нас здесь жила бабушка в Красной Горке, так как согласно выданному документу мы должны следовать дальше.

Мы продолжали путь до Новосибирска, проехали Барнаул, а утром, в пять часов, подъехали к станции Алейская, наши пять вагонов отцепили и загнали в тупик. Выгрузили нас, смотрим, а на телегах подъезжают люди, оказывается,

это председатели колхозов из разных районов. Они подходили к вагонам, беседовали с эвакуированными людьми и подбирали себе кадры. В нашей семье было четверо: младшему Федору 10 лет, мне – 15, сестре Альбине – 17 и матери – 38. Председатель посмотрел на нашу семью, вроде, люди трудолюбивые. Посадил нас и еще несколько семей на телегу и повез в колхоз. Снега не было, так только чуть-чуть, кое-где в траве. Когда семья Баллах прибыла на место, то видели необранные поля и копны, припорошенные снежком. Людей поставили на квартиры в дома колхозников.

Наутро нас направили в поле убирать скошенный хлеб, который стоял в сложенных копнах. Меня поставили работать на волокушу, я парень хоть малый ростом, но был всесторонне развитый и лошадь не боялся, умел с ней обращаться. Подводил лошадь к копне, женщины накидывали, а я возил к молотилке, другие женщины выгружали, а я шел за новой копной, так у меня дело и пошло. Мать работала на молотилке с другими женщинами. Молотилка приводилась в движение от трактора-колесника ХТЗ. Одни рабочие подавали хлеб в молотилку, другие засыпали зерно в мешки и укладывали их на телеги, которые отправляли на элеватор Алейска.

На поле нас кормили, там была повариха, печь состояла из двух кирпичей, на которые был установлен котел, в нем варили суп-похлебку, на душу в день давали полбуханки хлеба, вот, пожалуй, и все.

Полбуханки хлеба мать прятала в сумку, а полбуханки мы съедали, так как приходилось экономить, потому что неизвестно, как завтра будет, да и младший брат оставался дома. Я с матерью работал, а сестра Альбина в другом месте. Поле от деревни было недалеко, но нас утром и вечером возили на работу и с работы.

Вот так до декабря месяца убирали хлеб. После уборочной по совету людей мама с сестрой написали письмо коменданту в Новосибирск, где указали, что мужа забрали на фронт, а нас эвакуировали с Украины в Новосибирскую область, хотя в Омской области в деревне Красная Горка живет бабушка, и они просили, чтобы их семью воссоединили и перевели туда. Через некоторое время пришел ответ от коменданта, в котором он писал, раз у вас в Сибири есть родственники, переезжайте к ним. Когда мать показала документ председателю колхоза, то он не возражал и отпустил нас.

Деревня Ново-Колпакова, в котором жила семья Баллах, находилась в 20 километрах от станции Алейска. В то время в городе Алейске был сахарный завод и элеватор. На станции мы сидели 16 суток, начальник станции к нам подходил и говорил: «Я бы вас отправил, но поймите меня, вагон прицепить к военному эшелону нельзя, иначе это подсудное дело, а так не на чем ехать».

Потом, чтобы народ не забивал станции, их разгружали. Для этого был сформирован поезд, так называемый «пятисотвеселый», состоящий из нескольких телячьих вагонов. По пути следования цепляли дополнительные ва-

гоны с других станций, и таким образом мы доехали до города Новосибирска только в начале февраля 1942 года. Здесь ситуация повторилась опять: семь дней каждодневная очередь в кассу и жизнь на вокзале. Когда еда закончилась, мать пошла к коменданту, и он распорядился выдать нам две буханки хлеба, а также добились компостирования наших билетов, и 15 февраля 1942 года семья отправилась в Омск.

Омск

В Омске жила тётя Рита - сестра дяди Шуры Виллера. Она работала в ресторане «Центральный» поваром, а мы это знали из писем. Мать с Альбиной поехали на трамвае в город, который ходил в то время от вокзала и до улицы Долгирева, через Любинский проспект. Они доехали до железного моста через Омь и вышли.

Встретились с тетей Ритой, и Альбина с ней пошла домой, где она квартировала. Мать поехала на вокзал, забрала меня с братом и повезла к тете Рите. Дома тетя Рита организовала нам обед, она снимала с мужем квартиру по улице Декабристов.

После обеда тетя натопили печь, нагрела воду на плите, и нам была организована баня. В кухне поставили большое деревянное корыто, в нем мы по очереди помылись и отогрелись на русской печи.

Утром в десять часов я с матерью собрались и пошли в Красную Горку. Сестра Альбина и брат Федор остались у тети Риты.

В то время никакого пассажирского транспорта, кроме трамвая, в сторону деревни Красная Горка ничего не было. Тетя Рита объяснила, как нам туда попасть. На трамвае доехать до улицы Долгирева, а оттуда до Иртыша нужно было идти пешком по единственной там дороге. Пройти деревню Захламино, а дальше идти до старинной деревни Николаевка, которая растянулась вдоль берега реки на расстоянии более двух километров.

Так мы и сделали, прошли Захламино и продолжили путь. День был солнечный, температура примерно минус 12 градусов, снег с южной стороны дороги потемнел. Добрались до Николаевки, прошли по ее центральной улице, в конце деревни вышли на гужевую зимнюю переправу. Деревенские люди нам объяснили, что перейдете Иртыш по зимнику и будет совхоз «Опыт».

Когда дошли до совхоза, стало темнеть. Встретившиеся люди объяснили, где находится Красная Горка, оказывается, нам нужно было идти еще два километра вдоль Иртыша. Вышли к домам колхоза им. Тельмана и у случайного прохожего спросили, где живет Гиршфельд Елизавета (Луиза) Федоровна, и он показал на огонек в окошке, вот туда мы и направились. В 8 часов вечера мы появились в доме у деда Шпиковского. На другой день дядя Шура Виллер на лошади поехал в Омск к сестре Рите Фурман, забрал наши вещи, Альбину и Федора.

Бабушка Елизавета Федоровна Гиршфельд попала в Красную Горку в 1930-х годах после смерти мужа. Её семья жила на Украине в деревне Никола-

евке, ближайший город был Васильковка. В 1930-е годы в стране новая власть организовывала колхозы, их семью не приняли, потому что у них не было ни коровы, ни лошади. Им сказали, что дармоеды колхозу не нужны. Куда было им деваться, коровы нет, коня нет, не знаю, куры были у них или нет, Иван не помнил, так как в то время ему было 4 годика.

В то время на Украине строился Днепрогэс, дед и бабушка туда и уехали, там получили небольшую комнатку, Иван был в гостях у них и помнил это. Дед устроился плотником, поработал на строительстве мало, так как простудился, заболел, наверное, воспалением легких и умер.

В 1932 году в Донбассе из-за неурожая был голод, люди, которые были покрепче и посмелее, перебрались с Украины в Сибирь. Бабушка написала письмо своим братьям Владимиру и Бендементу, которые жили в сибирской деревне Федоровке, затем в 1933 году переехала к ним вместе с дочкой.

Фома Фомич Шпиковский рано овдовел, у него остались трое детей, он узнал, что с Украины приехала вдова Елизавета Гиршфельд с ребенком. Он приехал в деревню Федоровку и забрал к себе бабушку Елизавету и дочь Аню. Так наши родные оказались в имении Шпиковского в Красной Горке. Дед Шпиковский работал в магазине продавцом, который располагался в колхозе «Новый Мир» ближе к Иртышу. Вечерами, так как Шпиковский был грамотный, к нему часто заходили соседи, и они обсуждали житейские вопросы и различные события. В деревне Фома Фомич был уважаемым человеком. Жил он просто, правда, пол в доме был деревянный. Кухня была отгорожена немецкой печью группкой, которая состояла из нескольких колодцев и длинной топки с чугунной плитой со стороны кухни.

Обычно бабушка замешивала хлеб в лоханке, потом, когда печь прогрелась, а тесто поднималось, то отправляла его в топку на противне по три буханки.

Дед Шпиковский выделил для нашей семьи комнатку, нам дали матрасовку, мы набили её соломой. Укрылись мы тулупом и, прижавшись друг к другу, так и спали. К такой постели мы были привычные, так как на родине обычно отец тоже набивал матрасовку соломой. Мы, дети, с удовольствием на ней спали, а когда солома превращалась в мякину, то отец обычно её вытряхивал и набивал свежую.

Посевная

Долго жить в доме Шпиковского мне не пришлось. С 25 апреля начались полевые работы, и вместе с другими колхозниками я уехал на табор Шубный. Там находилась землянка, сложенная из пластов и заглубленная в землю. По площади примерно 30 квадратных метров, внутри располагались печь и полати, которые были сделаны из толстых плах, с одной стороны спали трое девчат, а с другой пятеро парней. На таборе соломы было достаточно, мы заполняли

матрасовки и на них спали. Каждое утро из деревни приезжала кухарка Гульда Зоммерфельд и кормила нас. Рядом с табором располагалась тракторная будка с запчастями для тракторов, ток, где первоначально складировали пшеницу, там работала Анна Виллер. Табор располагался в 4 километрах от деревни. По субботам мы ездили в деревню, чтобы помыться, переодеться в чистые вещи и утром опять на неделю уезжали на табор.

Шла посевная, когда старших парней и мужчин 10 мая 1942 года забрали в трудармию: Блюм Иван Егорович (1912), Бухинский Карл Генрихович (1923), Бухинский Герман Андреевич (1917), Виллер Давыд (Шура) Давыдович (1914), Гаак Григорий Кондратьевич - председатель колхоза им. Тельмана, Гаак Кондрат Кондратьевич (1903), Гайвас Василий Васильевич, Зоммерфельд Александр, Майер Фриц (Федор) (1912), Раух Эммануил Евгеньевич. Отправили мужиков в трудармию и, как говорится, обезглавили колхоз.

Как выяснилось позже, их отправили строить железную дорогу в Казани от станции Васильева до города Ульяновска. Когда железную дорогу проложили, их перевезли на Урал, на станцию Половинка строить электростанцию Широка-Лагерь в Пермской области.

Так как я в колхозе появился недавно, то знал не всех и меня не знали. Бабушка предостерегала меня, чтобы я без дела по деревне не шатался.

Чтобы не есть дармовой хлеб, я попросил бабушку Лизу устроить меня работать в колхоз. Народу не хватало, и меня определили прицепщиком к Рае Майер, она окончила курсы и работала трактористкой. Для посевной из Сосновкой МТС перегнали четыре трактора. Трактора в то время были ХТЗ на шипованных колесах, посередине ребро в четверть шириной. При развороте колеса на мягком грунте заворачивало, так как руль напрямую был соединен с передними колесами, а хрупкими девичьими руками тяжело было его удерживать. Заклепки срезало, обод спадал, и сложно было приспособиться к трактору. У Раи не получалась, а я попробовал и у меня получилось. Увидев это, бригадир Готлиб Федорович Гудкнехт предложил мне работать на тракторе, а я ему говорю: «Куда мне, ведь я ростом маленький и до заводной ручки только бородой достаю».

Вначале мы выехали на влагозадержание на те поля, которые были подсушены. Там шло боронование на трех парах быков. Рыхлый слой не давал активно испаряться влаге. В основном на эту работу ставили девчат - Майер Анну, Адель Каминскую, Раю Майер и меня. На влагозадержание нам достались молодые бычки. Девчата вели бычков за веревки спереди, а мы подгоняли их сзади и следили за чистотой зубьев у борон. Если быками не управлять спереди, то они идут куда попало, так вот мы и менялись местами, то девчонка ведет, то я. Бычки молодые, первогодки, а на них ярмо одели, брыкаются и пытаются освободиться, вот так всю весну мы с ними и промучились. Всех, кто участвовал на посевной, председатель колхоза поздравил с завершением

посадок и поблагодарил за работу, а потом устроил ужин. Управившись с колхозными делами, бригадир определили нас вспахивать огороды под картофель колхозников. Я с девочками две недели на волах вспахивал огороды.

После посевной подошла сенокосная пора. На полях косили, убирали и заскирдовали сено. Потом настала пора уборки урожая, из зерновых начали убирать и скирдовать рожь, потом пшеницу и так далее. Из Сосновки перегнали два комбайна «Сталинец» и «Коммунар», но косить ими не смогли, так как почва была мягкая и колеса проваливались, они были малосильными и не могли одновременно косить и двигаться. Председатель Никифор Никитич Притыко дал указание, скошенные зерновые заскирдовать в стога. Отец Бухинского был знаменит тем, что хорошо укладывал стога.

Комбайны подтаскивали с помощью быков к стогам и затем их обмолачивали. Моя старшая сестра Альбина выучилась на комбайнера в Сосновском МТС, но когда заболела, то меня поставили штурвальным на комбайн. Комбайнером был Тулегенов Сулейман, хороший такой дедушка, похоже, он прибыл вместе с комбайном из Сосновки. Одновременно молотить на двух комбайнах не получалось, потому что народу не хватало, поэтому работал один комбайн, а потом народ переходил к другому стогу, и молотили на другом.

Трудармия

Нас, троих несовершеннолетних ребят и пятерых мужчин, вызвали в Ребровку 20 октября к выездному представителю военкомата, там нас осмотрели, записали все данные и отправили обратно в Красную Горку. Через неделю нас вызвали на сборы в трудовую армию.

Дома собрали пожитки и еду в котомки, сложили на телегу, сопровождающим нас в город назначили бригадира колхоза Адольфа Бухинского. Собрались родные и жители колхоза им. Тельмана и провожали нас со слезами. В деревне оставались жены и матери с маленькими детьми да немощные старики и старухи.

Мы выехали вечером за околицу Красной Горки, потому что понтонный мост через Иртыш разводился для прохода кораблей с 8 вечера и до двух часов ночи. Если бы мы не успевали, так как расстояние до переправы 35 километров, то сидели бы на берегу и ждали, когда мост снова сведут.

Шли быстрым шагом, так как нас было восемь человек да еще наш провожатый, то все не могли уместиться на телеге. Надо сказать, что котомки молодых были легкие. Мы прошли через Кировск до понтонного моста, который располагался в створе улицы Южной и выходил на правый берег улицы Заводской. Машин в то время было мало, и по этому мосту в основном переезжали на телегах, запряженных лошадьми или быками.

Существовал в то время еще железнодорожный мост, но по нему не пройдем, так как он имел стратегическое значение и охранялся военными.

Перебравшись на правый берег Иртыша, мы направились в военкомат, который располагался по улице Пушкина, возле старого цирка. Грамотные мужики - Эвольд Кохель и Василий Васильевич Шнакеберг, наш колхозный бухгалтер, пошли в военкомат со списком, где были перечислены восемь фамилий: Иван Баллах (1926), Вернер Бохинский (1927), Иван Вагнер - с Поволжья, Яков Гаак (1925), Райнгольд Иванович Гайвас, Василий Иванович Гайвас (1925), Арнольд Гуткнехт, Константин Майер (1926), Вася Шнакенберг и его отец Василий Васильевич (1903?). Мужики вышли из военкомата и объяснили нам, что завтра утром мы должны явиться на железнодорожный вокзал. Переночевали мы в частном доме по улице Съездовской, в квартале между улицей Пушкина и Республики, недалеко от Казачьего базара, там постоянно останавливались красногорские крестьяне, когда приезжали из Красной Горки торговать или покупать какой-нибудь товар. Вот в этом доме мы как селедки на полу в кухне, возле печки, и спали. Утром в 7 часов встали и пошли на вокзал.

На улице Пушкина я впервые увидел военную танкетку, которая своими гусеницами сильно тарыхтела по булыжной мостовой. Пришли на вокзал, там нам показали телячий вагон, и мы забрались вовнутрь. В вагоне было чисто, посередине были двухъярусные нары, они располагались так, чтобы внизу мог сидеть, а наверху лежать человек. Поезд тронулся утром на другой день, везут нас, везут, а куда, никто не знает, ехали мы полтора или два дня.

В этот и другие вагоны были собраны люди со всей Омской области - Крутинского, Муромцевского, Одесского и Русско-Полянского районов. Было нас в трех вагонах 180 человек. Привезли 28 октября 1942 года на шахту в Кизел, знаменитый сейчас Кизеловский угольный бассейн (КУБа), Пермской области.

На зоне разместили всех красногорцев в новом бараке, там же мы с другими ребятами познакомились. Вместо матрасов выдали матрасовки, которые мы набивали соломой, её периодически меняли и подвозили свежую, чтобы у людей не заводились разного рода паразиты - вши и клопы. Потом появились ватные подушки, через каждые десять дней бельё увозили на прожарку, потому что в бараке появилась вшивость.

Первое время, чтобы несовершеннолетние пацаны в лагере не бездельничали, то их посылали работать на лесопилку или разгружать вагоны. Бригадиром на лесопилке был Эккердт, он использовал наш труд в корыстных целях. Мы постоянно удивлялись, когда возвращались с лесопилки и на нем видели то новые ботинки, то галифе, то голицы.

Меня направили в шахту 2 декабря без оформления каких-либо документов, хотя 16 лет мне исполнилось бы 25 декабря 1942 года. Работая в шахте, мы, усталые, приходили в барак и заваливались спать, но Эккердт поднимал нас с нар и отправлял работать на лесопилку или разгружать лес. Как выяснилось позже, за наш труд от начальства он получал разные вещи. Это продолжа-

лось до тех пор, пока начальник шахты не узнал об этом и не устроил Эккердту разнос. После этого он из барака исчез.

Жили мы все в одном бараке, а другой барак достраивали наши деды. Когда достроили, то всю территорию огородили столбиками с колючей проволокой и посадили военную комендатуру.

На работу нас водили не под конвоем, а строили в две шеренги, и так мы шли в шахту. Кормили нас в столовой, которая находилась в лагерной зоне. В лагере находились одни немцы, русские были только работники столовой и охрана комендатуры. В трудармию было призвано много подростков 14-15 лет, по закону их нельзя было направлять в шахты, поэтому они трудились на собственном хозяйстве.

В бараках все спали на деревянных нарах, которые были в три яруса установлены перпендикулярно стенам, а посередине был проход. Заселили нас в первый построенный барак, он был щитовой с чердачным перекрытием, стены были обшиты гипсокартоном и побелены, окна застекленные, что и говорить – новая постройка. В бараке находились две кирпичные печки. Они располагались на расстоянии друг от друга. В бараке всегда был дневальный из малолетних или инвалидов Павла Симона и Эккерта, они занимались уборкой помещения и территории вокруг барака. В зимнее время печи обслуживал истопник, он постоянно топил, чистил и выносил золу. Температура в бараке зимой поддерживалась 20-25 градусов, так как угля и дров для этого хватало. На плитах грели чай или что-нибудь другое, у кого что было приготовить. Кто из ребят был посообразительнее, то прихватил из дома котелок, ложки и другое, а я из дома ничего не взял. Чтобы сохранить тепло в бараке, вход был отделен тамбуром.

Кормили нас в столовой - утром, в обед и ужин, которая располагалась в 300 метрах от шахты. В основном кормили перловым супом, там было немного капусты и картофеля. Иногда давали лапшу и, конечно, немного хлеба.

В основном мы ходили на работу и с работы бригадами по 15 – 20 человек. В шахте работали по 8 часов, но когда наработаешься да еще доберешься туда и обратно, то устанешь и торопишься на нары, чтобы выспаться.

Весь угольный комбинат им. Ленина был большой и разбит на участки: № 1, 2, 3 и так далее. Там работали не только немцы, но и другие национальности. Работали они, правда, как вольнонаемные, хотя их тоже привезли из разных мест. Некоторые работали задолго до нас на шахте.

Нас привезли, так называемую мелочь – немчуру, пацанов, как говорится, оторвали от материнской титьки и юбки.

Прошло время, мы привыкли и стали самостоятельными рабочими, что там говорить - бери лопату, кидай дальше, пока летит, отдыхай.

Первое время мы для шахт подавали лес, вагончики катали к электровозам, которые находились внутри шахты. Электровозы уже в наших шахтах суще-

ствовали, как говорили старые шахтеры, два-три года, электрическое напряжение подавали с Кизеловской ГРЭС (Государственная районная электростанция). Электровозы эти были небольшие, высотой мне до пояса, они ездили по стальным рельсам, расстояние между ними было 50 сантиметров. До этого использовали конный парк, потом лошадей убрали.

По жизни я был любопытный. Слесарь придет трубу набрасывать или кабель соединить, вникал, вот он приметил меня и говорит: «Ты такой любопытный, пойдем ко мне в помощники слесарем». Так я стал помощником слесаря, где сумку поднесу, где что-то сделаю, вскоре я стал слесарем. Научился работать, а хитрого здесь ничего нет. У меня в сумке всегда с собой был молоток, отвертка, ключи и зубило, а также болты и гайки. Для наращивания труб имелась резина, муфты и проволока, а также прокладки для соединения фланцев трубы. Трубы в шахте использовались для нагнетания воздуха, в другие прокладывали электрические кабели, чтобы при обрушении породы они не повреждались. Так на шахте я работал слесарем-электриком, пока меня не изувечило.

Перед окончанием войны, когда из плена стали освобождать военнопленных солдат и нашу зону освободили для них, а нас перевезли в другое место. Сюда попадали солдаты из штрафбата и другие провинившиеся советские люди.

Нас поселили жить в двух щитовых двухэтажных барака, там уже в комнатах был установлен для каждого свой топчан.

Если на зоне в шахте мы работали за похлебку и робу, то тут нам начисляли небольшую зарплату. С внешним миром мы общались свободно, на работу и с работы ходили без конвоя, но когда необходимо было куда-нибудь отлучиться, приходилось получить коллективное письменное разрешение у коменданта. С родными имели свободную переписку, но продукты посылками мы не получали, так как ни от нас, ни к матерям посылать было нечего.

Гибель Кости Майера

Иван Иванович рассказывал, что на шахте он работал с Костей Майером. Они жили в одном бараке и спали каждый на своих нарах. Костя работал на другом участке помощником разбуровщика на лаве.

Лава - это угольный пласт-кровля, которая подпиралась вертикальными бревнами диаметром 18-22 см, или клетями - горизонтально уложенными бревнами колодцем.

Я работал помощником забойщика, мне надо было подбирать угольный пласт после взрыва и грузить в вагонетку. Я вместе с бригадиром и рельсы перекладывал, когда необходимо было перебираться в другой склад, и, чтобы не оставлять их в брошенном забое, выполнял все что нужно для дальнейшей работы в шахте.

Смены на шахте распределялись следующим образом – первая смена с 8 до 16 часов, вторая с 16 часов до 24 ночи и третья с 24 до 8 утра.

Последний раз мы вышли с Костей из барака и пошли на работу во вторую смену. Идем, он несет так называемые зубки, которые вставлялись в буровую штангу. Эти победитовые зубки за смену затуплялись, и их после каждой смены носили точить в кузницу специально обученным людям, а я несу штангу, которой проходят по камням песчаника, он крепче гранита, а Костя по углю работал. Я Косте говорю: «Мне сон приснился плохой, что-то меня сегодня беспокоит, кто-нибудь из нас, наверное, помрет», а он говорит: «Эх, Ванька, ни хрена, живы будем, не помрем». Я ему говорю: «Ну, смотри сам». И рассказываю ему сон: «Приснился мне отец и подарил мне галоши, а Костя со мной рядом получается находился. Так вот воду надо перейти, а это то ли река, то ли озеро, когда я перешел в этих галошах и не тону, по поверхности воды прошел, оглянулся – ни Кости, ни отца не видно». Я знал, что отец мой погиб в трудармии 1 марта 1943 года в Краснотуринске.

Метров 200 от нас лишнее ходовое отверстие было на другом участке, куда уголь спускали, там устроены желоба и было ходовое отделение, где люди поднимались. Телефоны находились там же, где и уголь грузили в вагонетки, так как там был участок уголепроизводимый под ходовым отделением. Мы были на участке проходческом, с одного штрека в другой штрек, а они готовый уголь добывали. Костя пошел туда, а я к себе 200 метров от них, где этот проход делали.

В 10 часов вечера слышу загромыхало, старший забойщик, у которого я работал, говорит: «Лава садится», но я-то что, ну садится, не хай садится, а она как гром гремит летом на улице. Вся земля трясется, гремит и порода кусками то тут, то там обваливается. Забойщик говорит: «Иди к телефону, узнай как там дела, да и узнай, сколько уже время», тогда же часов ни у кого не было. Я побежал, а рабочая кричит по телефону: «Лава садится, одного завалило, бревном придавило, а так больше вроде никого». Та женщина, которая грузила уголь в вагонетку, своему начальнику звонила. Я сразу понял, что, наверное, Костя попал. На другой день я иду на работу во вторую смену, а Костя ночевать домой не пришел, а как он придёт, если его завалило.

Идем со старшим забойщиком Арсением Кондаревым, ему было 45 лет, он и говорит: «Иди, узнай, что там и как?». А в шахте уже было известно, что человека придавило, а достать его сразу не могли. На другой день разбивали камни и дошли до него. Я вышел на главный штрек, по которому едут вагоны, смотрю, четыре человека сидят на вагонетке и везут мертвого Костю Майера, его сильно придавило. Слезы навернулись на моих глазах.

Напарник Кости, пожилой шахтер – местный житель, давно работал на шахте, он мне рассказывал: «Два раза мы бегали, спасались в нишу, а на третий раз Костя говорит, да что там бегать», а клетки в шахте укладывали из леса,

примерно, как срубы у колодца. Эти более мощные крепления устраивали для того, чтобы так называемая кровля не падала, то есть земля не опускалась. Вот Костя во время очередного обвала и присел возле клетки, пока там громы-хало и что-то падало. Случилась так, что эта тяжелая масса обрушилась и эту клетку раздавила как спички. При раскопке спасатели увидели его тело, которое было придавлено бревном. Это случилось летом в 1944 году, похоронили его на кладбище поселка Доменный Угор города Кизела. В последний путь Костю Майера проводили Яша Гаак и пожилой Эвольд Кохель. Хоронили его летом 14 июля, точно я не помню, но когда он был живой, мы шли из мастерской, было очень жарко, а в шахте было плюс 9 градусов, и мы были в спецовках, а сверху обычно одевали фуфайки.

На похороны нас не пустили, хотя мы говорили, как же так, ведь мы же из одной деревни, но нам объяснили, что двоих достаточно. По-моему, шахта выписала хлопчатобумажный костюм и сколотила гроб.

В то время на шахтах весной и осенью часто случались трагические случаи – то обвалы, то потоп, то электровозом давило людей, то сами срывались и падали. Шахтер живет, как говорят, одним днем, поэтому в выходной день обязательно покупал бутылку, так как он знал: завтра ему на работу, а выйдет из шахты или нет, одному Богу известно.

На шахте применяли способ добычи угля с помощью взрыва, для этого в угольном пласте сверлились отверстия под небольшим углом к центру пласта, туда закладывались аммональные шашки, от которых тянулись провода, соединенные между собой. Провода тянулись к взрывателю на расстоянии 15-20 метров. Взрывник отходил на безопасное расстояние и нажимал кнопку, взрывом отваливался раздробленный пласт, шахтеры грузили его на конвейер и подавали на центральный штрек. После смены шахтеры выходили такие грязные, что не узнавали друг друга.

По жизни я работал забойщиком, потом лесогоном, то есть лес подавал, слесарем-электриком, а затем на подъемной лебедке лесовозы обслуживал, менял подшипники в вагонетках.

После войны всем немцам было запрещено свободно перемещаться по стране. Получилось так, что нас надо распускать, ведь мы же привезенные, тогда шахтный комитет решил оформлять с нами договоры, чтобы мы остались работать. Поощряли кого отрезом на костюм или женское платье, кому трико, клеенкой на стол и так далее. В 1947 году давали подъемные деньги. Отпуска и выходные начались в 1946 году.

С будущей женой я познакомился в шахте, её звали Анастасия Александровна Грушина (31.05.1929). Ночью в 1947 году она сбежала из колхоза, завербовалась в шахту и работала на конвейере (транспортере), по которому шел уголь. Мы подали заявление на совместную жизнь, его приняли в ЗАГСе, а когда пришли регистрироваться, нам объяснили, что они не могут нас записать,

так как я немец, а она русская. По указанию Сталина это делать нельзя, а так живите, пожалуйста. Поэтому мы оставили свои фамилии. Женился я в 1948 году, а 7 ноября родилась Валентина, в 1950 году родился Владимир, Юлия родилась 13 марта 1955 года, Евгений – 11 февраля 1960 года.

Пришлось мне и электриком поработать, всего на шахте я отработал двадцать с половиной годков и ничего, привык работать, поэтому по вредности меня на 10 лет раньше отпустили на пенсию. На шахте я проработал с 1942 по 1956 год, а потом уволился.

Я уволился с шахты в 1954 году, потому что мне руку искалечило, а инвалида в шахту не пустили, я тык-мык, нигде не берут, да таких, как я, шахтеров искалеченных, боже мой, какое количество было. Полтора года мне по инвалидности платили, потом в другой шахте устроился шахтенные лампы чинить. Вскоре шахту закрыли, и я остался без работы. Семью надо было кормить, у меня было трое детей, жена четвертая и я пятый, что делать, а тут призыв был, целину поднимать, пришлось уехать в Омск.

Возвращение в Омск

В 1957 году я переехал в Омск, у меня уже была семья - трое детей, поселились мы у брата Баллаха Федора Ивановича. Жил он тогда с семьей в двухкомнатной квартире по улице Магистральной. Работал он в строительной организации СМУ Треста-6, который строил дома для городка Нефтяников. Полтора года мы прожили у него, так как жить нам было негде.

Потом мне дали квартиру от нефтезавода, куда я устроился электромонтером. Там мне пришлось принимать установки после работ организации Сибэлектромонтажа. Начальник цеха сказал мне: «Ты смотри внимательно, чтобы нигде не были прослаблены контакты, по которым будет подаваться напряжение. Когда мы установки примем, то нам не дадут их отключать, а под напряжением работать невозможно». Вот и пришлось мне тщательно на установках проверять после электромонтажа все контакты.

Выйдя на пенсию, Иван Иванович занимался садоводством, плел из лозы корзинки, которые дарил родным и близким людям. Он умер в 2014 году и оставил светлую память о себе детям, внукам и правнукам.

**Наталья
ШЕЛЬ**

Родилась в городе Омске. В 1968 году окончила школу (8 классов) и устроилась работать на Омский авиационный завод. Работая на заводе, окончила вечернюю школу. В 1989 году окончила заочно Омский библиотечный техникум. В последнее время работала на заводе им. А.С. Попова старшим техником. С мужем воспитали двоих сыновей Виталия и Данила. Пишет стихи на разные темы.

Стихи Натальи Григорьевны светлы, яркие, как лучик солнца, чисты, как утренняя росинка, звучны, как ручеёк в тишине леса. Они просто запоминаются, потому что идут от всего сердца автора, иногда навевающие лёгкую грусть, проникающие в глубину души, иногда шутиливо-ироничные.

Детские стихи милы и забавны. Чувствуется, что автор книги «Сибирская зима» Наталья Григорьевна очень жизнелюбива, внимательна, ей дорог родной город. От её стихов веет нежностью, неиссякаемой добротой русской женщины. Читая и перечитывая её стихи, иногда щемит сердце. Замечательное оформление книги, начиная с её обложки, где запечатлены красивейшие уголки нашего города Омска.

Хочется сказать спасибо и пожелать дальнейших успехов в творчестве автору стихов.

С уважением, Яков Крузе и Лариса Каминская

Зимушка

Осень уступила зимушке-зиме.

Намело сугробы, не пройти нигде.

Ребятишки рады, что пришла зима.

Строят горки, замки. Смех и кутерьма.

Вылепили снежных баб, Дедушку Мороза.

Очень весело у них, спорится работа.

Первый снег

Сегодня выпал первый снег -

Пушистый, лёгкий, чистый.

Запахло в воздухе зимой.

Искрится снег лучистый.

Блестят снежинки на ветру,

Огнём переливаются.

Глядишь на эту красоту -

И только удивляешься.

Вчера был серый, скучный день

И солнца не было совсем.

Сегодня радуемся мы

Причудам матушки зимы.

Зима в парке

В парке всё белым-бело,
Все тропинки замело.
Лёгкий снег кружится,
На землю ложится.
 Всё под белым одеялом –
 И тропинки, и трава.
 Даже сосны и берёзки
 Нарядились в кружева.
Ели – модницы девицы –
В белых шубках, в рукавичках
Все нарядные стоят,
Свысока на всех глядят.

Мороз

Нарумянил мне мороз
Щёки, бороду и нос.
Покрывл инеем ресницы,
Залез под шапку, рукавицы.
 Наверно, шутит дед Мороз,
 Он ущипнул меня за нос.
Конечно, с ним шутить нельзя,
Прибавлю шаг - и вот тогда
Мороз отстанет от меня.

Часы

На улице темно, лишь желтая луна
Глядит в моё окно.
Спят все, блаженство, тишина
В моей квартире.
И только лишь часам
Не спится в этом мире.
Они стучат и с сердцем в унисон
Отсчитывают мне года, часы, минуты...

Окно

Нарисовал мороз узоры
На моём окне.
Вот всадник мчится
На лихом коне.
Я вижу горы,
Перелески и поля.
Снежинки кружатся
И вдаль зовут меня.
Как будто в снежном
Королевстве я живу,
На сказку эту
Сквозь окно гляжу.
Вдруг коснулся
Лучик солнца моего окна,
Растаяло стекло,
А с ним и сказка вся.

Закат

Вечереет. Стоит тишина.
Опускается солнце над речкой.
Отражается в ней красный шар огневой.
Сколько цвета, оттенков и блеска.
Как огонь разливается свет по реке,
Полыхает, сменяется цветом.
С восхищеньем смотрю я на огненный шар,
Очарована солнцем и небом.

Плакучая ива

Я у ивушки спросила:
«Почему ты плачешь, ива?
Сколько нужно иметь слёз,
Чтобы плакать день и ночь?
Под тобой нельзя стоять.
Можешь слёзы ты унять?»
Промолчала в ответ ива,
Только слёзы проронила.

**Феликс
ШЛЕГЕЛЬ**
(1927–2009)

Родился в г. Бальцере Автономной Республики немцев Поволжья. В 1941 году вместе с семьёй был подвергнут депортации и отправлен в Сибирь, в Омскую область. В 1949 году окончил Сибирский автомобильно-дорожный институт им. В.В. Куйбышева (СибАДИ). После окончания института работал на Омском ремонтном заводе, в Областном управлении сельского хозяйства, преподавателем мукомольно-элеваторного техникума, главным инженером МТС, в Областном управлении автомобильного транспорта. С 1963 по 1973 год преподавал в Сибирском автомобильно-дорожном институте на кафедре «Дорожные машины». Сначала старшим преподавателем, а затем после защиты кандидатской диссертации исполнял обязанности декана. В 1973 году переезжает в г. Фергану, где преподаёт до 1993 года в местном политехническом институте. После этого возвращается в

Омск, а в 1996 году уезжает на постоянное место жительства в Германию.

Детдомовский «Босяк»

Шло уже четвертое военное лето. Был июнь 1944 года. Где-то шли ожесточенные бои, гибли люди, а здесь, в старинном сибирском немецком селе Александровка, было сравнительно тихо, все, кто мог работать, были заняты либо на колхозных полях и фермах, либо у себя на приусадебном участке. Здесь не было человека, который бы не трудился, в т.ч. дети. Население заметно поредело, 171 человек были мобилизованы в так называемую трудармию, в т.ч. 38 женщин. В первую очередь в начале января 1942 г. были призваны депортированные с Волги мужчины и юноши, позже уже коренные жители села.

Женщины и дети, оставшиеся в селе, были вынуждены выполнять за мужчин всю тяжелую физическую работу. В селе тогда было два колхоза, когда в трудармию забрали обоих председателей из местных немцев, то на их место прислали со стороны. Это были Дегтярев и Прохорович. Оба они очень грубо обращались с людьми, особенно усердствовал Дегтярев, даже пускавший в ход кнут, чаще всего опускавшийся на спины подростков. Оба они вели аморальный образ жизни, унижали и склоняли к сожительству женщин. Слова «фашист» и «фриц» не сходили у них с уст, и все это надо было молча сносить. (Смотри книгу Алесандра Вормсбехера «В Сибирской глубинке», «Ein deutsches Dorf in Sibirien», М., 1993 г.).

Здесь, как и в других старинных немецких селах района, также области, не было комендатуры, в этом, очевидно, не было нужды, т.к. все «сидели тихо»,

бежать никто и никуда не собирался, люди были запуганы, думали: только как бы не было хуже.

Чтобы не отвлекать взрослых от основной работы, в различных перевозках использовали зачастую подростков, в т. ч. девочек. На подводах, запряженных быками, они ездили в Азово, в Омск сдавать зерно или по другим кохозным надобностям. Особенно им бывало трудно зимой, чтобы не замерзнуть, приходилось бежать за саниями. Кое-что из этих фактов я узнал позже, а вообще мы, детдомовцы, жили своими заботами, тем более я, т.к. два года в учебный период жил в райцентре.

Свой посильный вклад в сельхозработы вносили и мы, воспитанники Александровского детского дома, особенно при уборке: собирали на полях оставшиеся колосья, весной копали землю под посадку картофеля на прилегающих к нашим домам огородах; помогали на кухне: рубка хвороста и дров, привоз воды и другие работы.

Закончив только что 9-й класс в селе Азово, я без промедления прибыл домой. Здесь мне были всегда рады, я был самый старший из воспитанников, всех, кто окончил 7-й класс, «вывели» (так было принято называть) из детдома на самостоятельную жизнь летом 1942-1943 гг. Пополнение контингента тогда происходило в основном за счет детей Звонарево-Кутского дошкольного детдома, тоже Азовского р-на и тоже эвакуированного в начале войны из г. Новочеркасска, а также сирот, потерявших родителей по разным причинам. Выведенных на «самостоялку» чаще всего определяли в ремесленные училища, т.е. вновь на полное государственное обеспечение. Они, как правило, были в то время при оборонных предприятиях Омска. Летом 1942 г. меня тоже «выводили» из детдома вместе со всеми, но в Облоно, просмотрев все мои похвальные грамоты с 4-го по 7-й класс и аттестат, обязали директрису детдома Посашенкову дать мне возможность учиться дальше, для чего разрешили снять квартиру в с. Азово, где была десятилетка. Возможно, что при решении моего вопроса сыграло роль и то, что я был в этой группе единственный немец, а предприятия – режимные. Правда, я еще не имел тогда паспорта.

В селе Александровка в ту пору была только семилетка, и такой опыт учебы воспитанников уже имелся. Когда детдом привезли в село в январе 1942 г., тогда старшеклассникам также сняли квартиру в Азово, и они закончили среднюю школу. Из них в памяти моей осталось только трое: две девочки – Зина Незнамова и Вита Норина, подруги моей сестры. Первая осталась работать в детдоме, другая куда-то сразу уехала; а также Ваня Кузнецов, призванный в армию и вскоре погибший во время учений в Омске, прямо на полигоне. Первым директором детдома тогда был местный учитель Абрахам Раймер, он был хороший и заботливый руководитель, однако его вскоре забрали в трудовую армию. Посашенкова сама не проявила инициативу, чтобы дать мне возможность продолжить учебу, но вынуждена была подчиниться

указанию начальства, хотя делала это весьма неохотно, ей не нравились дополнительные хлопоты. Об отношении ее к людям говорит, например, такой факт. Своему бухгалтеру Лидии Вормсбехер она велела срочно везти в январе годовой баланс в Омск, но т.к. из Александровки никто в город тогда не ехал, она приказала ей идти пешком, а это 75 км и мороз 40 градусов. Этот эпизод описан в указанной книге А.К. Вормсбехера и еще раз показывает, как тогда немцы были запуганы и боялись что-либо кому-либо из властей возразить. О воспитанниках, выведенных на самостоятельную жизнь, директриса совершенно не беспокоилась и не интересовалась их жизнью, как говорится, «с глаз долой – из сердца вон».

В данное время директор был уже другой, Алфеев, и ко мне он относился хорошо, я всегда, в периоды прибытия, как мог помогал. Вот и сейчас планировали меня опять подключить к воспитательной работе с мальчиками, т.к. я пользовался у них авторитетом. Но я был вынужден их огорчить и сообщил, что принял решение поехать в г. Омск и поступить на подготовительные курсы института с тем, чтобы учиться дальше. Меня отговаривали, особенно Зина Незнамова. Доводы были весьма убедительные, она говорила: «Ты не представляешь, что тебя там ждет, в совершенно незнакомом городе, там же карточная система получения продуктов, детдом уже не сможет тебя обеспечивать ими, т.к. ты уже будешь выведен из детдома на самостоятельную жизнь. Даже от наших ребят, кто попал в ремесленные училища, есть плохие вести – они на грани выживания. А здесь ты отдохнешь за лето, наберешься сил, а там пойдешь, как все, учиться в 10-й класс».

Это было верно, заманчиво все лето провести здесь, немного подкрепиться на детдомовских харчах. По крайней мере, хлеб и горячая пища три раза в день были нам, детдомовцам, всегда гарантированы, причем стараниями и честностью бухгалтера Лидии Вормсбехер и кухарки-пекаря Маргариты Цин обеспечивалось, чтобы все выделяемые продукты доходили до детей. Несмотря на военное время, питание было сравнительно хорошим: кроме хлеба и мучных изделий, в меню входило мясо, молоко, яичный порошок, масло сливочное и растительное, сахар. Иногда я помогал в получении со склада в Азово и привозке в детдом выделяемых нам продуктов. Однажды я с завхозом вез их и чуть не замерз, т.к. мы выехали из Азова в ночь, был сильный мороз, и на середине пути одна из двух лошадей пала. Завхоз пошел пешком с оставшейся лошастью в ближайшее село Ташкент, чтобы попросить помощи, а я остался в санях сторожить продукты. Ночью ему никто не дал лошадей, только утром. Мне пришлось померзнуть, и я испытал состояние замерзающего человека. Хорошо, что был попутчик, учитель школы Валл, он не давал мне уснуть и заставлял бегать вокруг сани. Детдомовцы были сносно по тому времени обеспечены и одеждой, и обувью. Нас воспитывали относиться к ним бережно, поэтому летом ча-

сто ходили босиком. Здесь следует отметить, что дети Александровского детдома отличались воспитанностью и дисциплиной, об этом мне напомнили супруги Вормсбехер, работавшие в детдоме и проживающие сейчас в Германии, когда 19 июля с.г. я их поздравил по телефону с 72-летием (!) совместной супружеской жизни.

За два года учебы в с. Азово жил я, можно сказать, впроголодь, хотя мне выдавали мой еженедельный паек, с которым «расправлялся» досрочно, поэтому в конце недели я не шел, а бежал «быстрее лани» за 25 км домой, денек «отъедался». Потом получал свой пай, больше нормы мне не могли дать, и снова возвращался на учебу. Когда продукты в общем котле, то не так заметна их нормированность... Горячую пищу я себе не готовил: и времени не было, и не умел. Иногда посещал столовую. Живя на разных квартирах, сердобольные хозяйки наливали мне своего мясopостного борща или супа или «одаривали» 2-3 картофелинами, так что шуточная детская песня: «наши детские желудки, лудки-лудки, беспрестанно голодны, ны-ны» подходила мне в полной мере, и было не до шуток... Примомунаю такой случай. Был последний день учебной недели, у меня кончились все продукты, и я собирался сразу после занятий пойти в Александровку. Несмотря на голод, я и мысли не допускал, чтобы пропустить занятия. Благодаря хорошей памяти учебный материал я почти полностью усваивал уже на уроках.

Пришел рано в школу, в свой класс, там еще никого не было. На учительский стол я вытряхнул содержимое моих карманов, чтобы собрать вчерашние оставшиеся крошки и отсеять посторонний мусор. Поскольку со вчерашнего дня я ничего не ел, таким образом решил хоть немного «позавтракать». Усевшись на учительском стуле, я медленно поедая крошки, тщательно их прожевывая, чтобы растянуть удовольствие и насытится обилием слюны... И тут только заметил, что из-за круглой печки за моими действиями внимательно следит моя одноклассница. До этого ее не было видно, так как она пряталась в проеме между стеной и печью. Мне было так стыдно, что я был готов провалиться сквозь землю. Хоть время было и трудное, но в сельской семье, если и не было вволю хлеба, то была хотя бы картошка, кормилица многих в ту пору. Она оказалась деликатной девочкой и никому об этом не рассказала – никто об этом случае мне не напомнил.

А что ждет меня в городе, я, конечно, толком тогда не знал. Перед принятием решения были мучительные раздумья, как правильно поступить и следует ли испытать этот шанс. Надо было все учитывать, в т.ч., что теперь я не «как все», этого Зина не знала.

В сентябре прошлого года мне исполнилось 16 лет, в Азово мне выдали паспорт, где была указана национальность – немец. На учет в комендатуре я не был поставлен, как и все жители села. Тогда я даже не знал, что это такое, был настолько оторван от реальной жизни. Мое свидетельство

о рождении, восстановленное в 1939 г. в ЗАГСе г. Новочеркаска, давало лаконичную запись: отец Шлегель Иван, мать – прочерк, место рождения – воспитанник детдома № 5. Такие метрики, полагаю, в Германии бы не признали. Еще до войны мы с сестрой пытались через переписку получить копии наших подлинных метрик, но безрезультатно. Мне их выдали только в 1991 г., когда я сам приехал в Саратов. Теперь время уже было другое.

Кое-кто советовал мне добиваться другой записи в 5-й графе... Однако таких попыток у меня не было. В военкомате мне вручили приписное свидетельство. Это значило, что осенью меня вполне могли мобилизовать в армию.

Служить в Красной армии и пойти на фронт я был бы рад, т.к. с детства мечтал стать военным. Еще живя в семье, просил, чтоб мне сшили военную форму, сохранились фотографии, где на одной я с другом в военных шинелях и буденовке, а на другой я в гимнастерке, галифе и сапогах. С друзьями, еще в семье, мы много раз смотрели кинофильм «Чапаев» и другие фильмы на военные темы. Патриотическое воспитание продолжалось и в детских домах, особенно в Новочеркасском, бывшие воспитанники, командиры Красной армии, приезжали в свой родной детдом и проводили с нами интересные беседы. Мы часто видели, как гарцевали на прекрасных конях курсанты Новочеркасского КУКСа (курсы усовершенствования командного состава Красной армии), которые были дислоцированы неподалеку от города. В начале войны, примерно в августе, когда я был на очередном дежурстве на нашей загородной детдомовской даче-бахче, ко мне подъехал красивый курсант, опоясанный новыми португееми, на лошади и сказал: «А, ну, пацан, подбери-ка мне хороший арбуз!» Как я был рад ему услужить и, конечно, завидовал и хотел бы быть на его месте. Такими были и все наши мальчишки.

Война не охладила, а наоборот подогрела наш пылкий патриотизм. Мы тогда внимательно следили за событиями на фронте, переживали за неудачи и радовались победам, но они пришли позже. В Азово информации нам регулярно делал, например, на своих уроках географии директор школы, т.к. не всегда была возможность слушать местную радиосеть или читать газеты. В дни тяжелой Сталинградской битвы, когда решалась судьба СССР, я был принят в комсомол, утверждали меня на бюро райкома комсомола во главе с секретарем Фаиной Гавриловной Остяковой, которая впоследствии была директором нашего детдома, а позже много лет моя семья дружила с ее семьей. Муж ее, Сергей Карапышев, много лет работал в Александровке председателем объединенного колхоза и оставил о себе добрую память у односельчан.

В тот период я даже вынашивал план тайно сбежать на фронт с офицером, мужем моей хозяйки, приехавшем на краткосрочную побывку домой в Азово. Я мечтал совершить героические подвиги подобно летчику, капитану Гастелло, которому 26 июня 1941 года было присвоено высокое звание Героя Советского Союза (тогда я еще не знал, что он был немец – Николай Франце-

вич, родился в Москве в 1908 г.; а всего в войну звание Героя получили свыше 10 немцев, я не сомневаюсь, что их могло быть больше, если бы не известный Указ от 28 августа 1941 г. (о героях-немцах см. ж-л «Культура», № 9, 2005).

Мне этим «геройством» хотелось реабилитировать своих родителей... Конечно, это было «чистой воды» фантазия и мальчишество. Кстати, Ваня Кузнецов, о котором я упоминал, однажды спросил меня, в каких войсках я бы хотел служить, я ответил, в артиллерии, чему он очень удивился. Обычно мальчишки мечтали стать летчиками, моряками, танкистами.

Мне представлялось, что любовь к математике позволила бы правильно рассчитать траекторию полета снаряда и этим обеспечить его точное попадание в цель.

Факты же, которые я узнал, учась в 9-м классе, говорили, что всех немцев направляют в трудармию, и от жителей села был уже наслышан о крайне тяжелых условиях труда и жизни в местах их работы и даже гибели некоторых (всего из села там погибло 15 человек). Мне рассказывали о трех немцах, закадычных друзьях, учившихся в 10-м классе в Азово. Их называли 3 танкиста, т.к. они мечтали ими стать и все время пели популярную песню: «3 танкиста, 3 веселых друга...». Мобилизованные в армию, они попали в трудармию и про них потом пели: «3 танкиста, 3 веселых друга из танкистов выбыли в стройбат»... Со мной в классе учился некто Шульц, его отец австриец, бывший военнопленный, оставшийся после Первой мировой войны в России, в то время в Сибири их было немало, в т.ч. в Азово. Одно время я квартировал у хозяйки-украинки – муж австриец, по фамилии Труш. Отец Шульца тоже женился на украинке, местной жительнице. Ученик Шульц отличался тем, что в классе говорил только по-украински, кстати, он-то мне и привил любовь к украинским песням. Когда пришло время получать паспорт, Шульц записался на фамилию матери и в армию пошел уже не в трудовую, о его судьбе мне ничего неизвестно. Также был мобилизован в армию и вскоре попал на фронт сын моей хозяйки, на него еще при мне пришла похоронка.

Вот такая информация была у меня к тому времени, и я решил, что больше пользы принесу стране и себе, если стану дипломированным специалистом. Так, наверное, считали и в Правительстве, издав Указ об освобождении от призыва в армию студентов набора 1944 г., исход войны к тому времени был уже предрешен, и надо было думать о специалистах для послевоенного восстановления народного х-ва страны. К тому же зная свою непригодность к тяжелому физическому труду и слабое здоровье ввиду многолетней болезни малярией и отягощенное недостаточным питанием, считал, что трудармия для меня будет просто губительна. Поэтому я после тяжелых раздумий принял решение поехать в Омск, чтобы попытаться поступить в институт. Все надо было решать только самому!

В детдоме меня снарядили, как могли, и я отправился пешком, благо трени-

ровка двухгодичная у меня была, в то время транспорт был редкое и случайное явление.

Большую роль в моем решении сыграл мой близкий друг Владимир Максимцев, живший в Азово и уже побывавший на фронте, демобилизованный по ранению. Он-то как раз и сообщил мне, приехав из Омска, о том, что там открылись подготовительные курсы при двух институтах, медицинском и автодорожном. Сам я никуда не выезжал и не смог бы об этом знать. Учитывая мое положение, он настоятельно уговаривал меня пойти туда учиться. Он же сказал, что поступившим в институт дается отсрочка от армии. Но теперь встал еще дополнительный вопрос: «Кем лучше стать – врачом или инженером?..»

Я вначале выбрал первое, это была моя большая ошибка, зря потерял две недели и чуть не сорвал весь свой план. Условия жизни и учебы оказались для меня в мединституте совершенно невыносимыми: занятия проводились в большой аудитории, где было более 100 слушателей, в т.ч. только два парня, и в основном это были городские жители, учебников было недостаточно; по карточкам полагалось только 400 граммов хлеба и нужно было выстаивать большую очередь; столовая с весьма скудным, мягко сказано, «меню»; в комнате общежития, куда меня поместили, я был один, т.к. большинство студентов в тот период были на каникулах, получить нужную информацию было не у кого, вечером студенты сами готовили себе еду, в т.ч. мужчины, а это меня уж совсем удивило, я впервые увидел мужчин в роли кухарки. В детдоме мы помогали на кухне, но девочки делали свое дело, мы свое, мужское, так же, я видел, было и на селе. Одним словом, еле дотянув до конца июня, я взял свое свидетельство об окончании 9-го класса и вернулся в детдом. К тому же у меня, когда я стоял в очереди за газированной водой, у киоска, из кармана вытащили единственную сторублевку (такая сумма официально полагалась при выходе из детдома).

Вот и опять я «дома». Ко мне отнеслись с сочувствием, меня немного подкормили, сердобольная кастелянша татарочка тетя Валя снабдила меня кое-какими вещами, и через 2 дня я снова ринулся в Омск, теперь уже в СибАДИ, полное название – Автомобильно-дорожный институт, я слышал, что условия здесь лучше. Вначале меня не хотели принимать, считали, что я прибыл слишком поздно, почти месяц там уже учились. Но я обещал, что наверстаю упущенное, и меня приняли. Сыграли свою роль, как и 2 года тому назад, мои похвальные грамоты, аттестат отличника за 7-й класс.

Теперь ошибки уже не было. Мне выдали продуктовые карточки, хлеба здесь уже полагалось на день 500 граммов, сахара – 400, жиров – 500 граммов на месяц, какое-то количество муки, мыла. Столовая тоже была лучше, но также по продуктовым карточкам. Чувствовалось, что здесь дирекция больше печется о быте студентов. Стипендия не полагалась. Продукты питания можно было всегда купить на рынке, благо, он был рядом, но цены там были во много раз превышающие магазинные, по карточкам, и это было мне не по карману...

Меня определили в общежитие на улице Большой Луговой, рядом с рекой Омкой. Оно было рассчитано человек на 50-60. Всего один этаж, в полуподвальном помещении комната, где жила наша тетя Паша-комедант, она же уборщица и истопница, т.к. отопление было печное; там же подсобные помещения, титан, где всегда была горячая вода и многорожковый умывальник. Для того чтобы поселиться в общежитие, тогда требовалось обязательно сходить в баню, с санитарной обработкой белья и всех носимых вещей, взять справку установленной формы, которую предъявить коменданту. В мединституте это почему-то не требовалось...

В комнату меня поселили с «бывальными» ребятами, многие тоже учились на подкурсах. Они взяли шефство надо мной и быстро ввели меня в русло всех бытовых нюансов того времени, сам бы я их долго не смог постичь. Среди них особенно выделялся Ленья Тетто, о происхождении своей фамилии он не любил говорить, вероятно, отец из чехов, тоже бывших военнопленных, видно было, что он из бедной семьи. Такие друзья мне подходили, это не то, что в мединституте, где много было из обеспеченных семей и со мной – «деревней» – знаться не желали, и там на занятиях я всегда чувствовал дискомфорт. А здесь попал как бы в свою родную среду. Кратко о Лене можно сказать «мастер на все руки», но очень замкнутый и некоммуникабельный, но с ним нашел взаимопонимание. Были и другие хорошие ребята, примерно моего возраста, в нашей комнате на 10 человек.

С их помощью я стал постигать «ликбез» новой для меня бытовой жизни, никак не похожей на детдомовскую. Вот один из примеров вышеуказанных «нюансов». Как сытнее поест за ту же дневную пайку хлеба? Схема такая: получаешь на карточку свои 500 граммов хлеба, довесок прячешь в карман, пайку несешь на базар (ходьбы 5 минут), продаешь ее, покупаешь продуктовые карточки (мучные изделия), «прикрепляешь» к нашей столовой, т.е. ставишь печать (это искусно делал наш Ленья), затем в столовой по карточкам покупаешь 10 порций лапши, сливаешь лишнюю воду, т.к. в ней все равно нет никаких жиров, и вот ты сыт, хоть и ненадолго. Довесок можно приберечь на ужин, к тому же если удачно продашь и удачно купишь, то еще останется немного денег.

Но возможность для таких манипуляций была не всегда, все свое свободное время пришлось уделять занятиям, выполнять текущие задания и наверстывать упущенный материал по всем дисциплинам 10-го класса: русскому языку и литературе; математике (алгебре, геометрии, тригонометрии); физике и химии; истории и иностранному языку. Это все предметы, по которым нужно было сдать экстерном экзамены на аттестат.

Причем, ставилась задача сдать все на «отлично», для зачисления в институт без приемных экзаменов в августе. Сами экзамены меня не пугали, но жить в городе еще почти месяц для меня было просто физически невозможно. Занятия

мои шли успешно, я усиленно занимался, помогала хорошая предыдущая подготовка и не было перерыва в учебе, как у некоторых других слушателей курсов. Но я все же был на пределе своих физических сил, к тому же у меня кончились деньги, временно выручали ребята.

И вот еще беда – вконец порвалась моя обувь, друг Леня решил мне помочь сделать ее ремонт. Для этого ему нужно было взять мои ботинки, съездить домой, где он жил за городом, и там с чьей-то помощью это сделать. Он обещал приехать только завтра, а сегодня мне идти на обед в столовую института было не в чем. Дома поесть было нечего. Когда ребята из нашей комнаты собрались идти обедать, я решил пойти с ними вместе – босиком. Вся проблема состояла в том, чтобы незаметно под прикрытием парней прошмыгнуть мимо вахтера. В столовую можно было попасть только через главный вход института, поднявшись с первого этажа через несколько ступенек на площадку, где за столом постоянно сидел дежурный вахтер. С этой площадки шли лестницы по бокам на 2-й этаж корпуса. А чтобы попасть в столовую, надо было пересечь площадку, за ней спуститься снова на 1-й этаж, а уж затем в подвальное помещение, где располагалась столовая.

Надо сказать, что в то время институт находился в подчинении Главного Управления шоссейных дорог МВД СССР и были сравнительно с мединститутом более строгие порядки: вход только по пропускам и т.п. Конечно, внешний ненадлежащий вид тоже пресекался. Вахтеры, а это были обычно пожилые люди, знали свое дело и проявляли должную бдительность, дорожили своим местом.

Я решил незаметно проскочить, но не тут-то было, вахтер вскрикнула: «А этот босяк куда?» Я уже спустился в подвал, а оставшиеся ребята дружно уговаривали дежурную не принимать никаких мер, объясняя, что это не из хулиганства, а по нужде, что он детдомовский и что завтра придет на занятия как надо, в обуви, которая чинится. Она снисходительно промолвила: «Ну, ладно, пусть обедает». Ребята полагали, что дело утрясли.

Обратный путь опять лежал мимо вахтера. Она меня остановила и сказала, чтобы я сейчас же поднялся на 2-й этаж и зашел в приемную директора института (тогда еще руководитель вуза не назывался ректор, это стало позже, когда по конкурсу их стали избирать, а не назначать, еще в 1949 г. похвальную грамоту мне подписал директор К.Х. Толмачев.)

«Ох, уже успела доложить», – подумал я.

Делать нечего, пришлось подчиниться. Идя наверх, шлепая босыми ногами по мраморным ступенькам лестницы, я проклинал себя за то, что ввязался в такое дело, надо было просидеть дома и потерпеть, не впервой голодным быть. Что меня теперь ожидает? Может, исключат, вахтерша оценила это как хулиганство. И вот я в приемной, секретарь попросила меня зайти в кабинет. Робко зайдя, я увидел впервые директора ин-та Абрама Яковлевича Быкова. Это был человек небольшого роста, полный.

Круглое лицо с высоким лбом и добрыми, как мне показалось, глазами. Он подробно расспросил меня, кто я, откуда приехал, что заставило в таком виде прийти в институт. Он меня внимательно выслушал, не ругал, несколько секунд подумал, вызвал своего секретаря и велел пригласить к себе своего заместителя Игоря Александровича Рыбьева, которого я уже знал, т.к. ему сдавал свои документы, он как раз решал вопрос моего приема на подкурсы. Тогда он обронил фразу: «Ну, что ж рискнем!» «А теперь что он скажет?» – недоумевал я. Тягостны были для меня минуты ожидания.

Но то, что произошло, после их разговора было для меня полной неожиданностью. Быков велел выдать мне талоны на получение вина в размере 10 литров в нашем продуктовом магазине. Я не знал, как реагировать на это, и не понимал, что к чему. Короче, опешил. Рыбьев, когда я зашел к нему в кабинет, коротко пояснил: получишь, продашь на базаре, ребята из общежития помогут. Не имея другой возможности, директор таким образом оказал мне материальную помощь.

Ребята действительно оперативно и активно помогли мне повернуть эту операцию. Хорошо, когда есть друзья!

Вырученные деньги очень помогли мне продержаться до сдачи последнего экзамена, после которого я в тот же день уехал домой, в детдом. Секретарь директора, очень милая женщина, отнеслась ко мне с большим вниманием. Она завила меня, что меня зачислят в институт без вступительных экзаменов и что я могу приехать в институт к началу занятий, к 1 сентября. Общежитие то же самое и уже согласован вопрос с комендантом, только теперь комната уже другая, на 5 человек. Друзья мои по общежитию остались сдавать вступительные экзамены. Они рассказали мне потом, что та вахтерша запомнила их и однажды спросила: «А где тот, детдомовский босяк, что с вами на обед ходил, что-то не видно его, куда-то пропал?» Они ответили ей: «Не беспокойтесь, мамаша, он не пропал, а сдал все экзамены на «отлично» и уже зачислен в институт, после начала занятий вы его снова увидите»...

Анна ШМИДТ

Родилась 29 ноября 1983 года в рабочем посёлке Шербакуль, Омской области. После окончания школы училась в Омском торгово-экономическом техникуме и в Московском государственном университете экономики, статистики и информатики по специальности «Юриспруденция». В настоящее время – корреспондент ОАО «ГТРК - Омск» (Шербакульский филиал). Лирика Анны разнообразна: о Родине, о природе, о любви, о разочарованиях и надеждах, о людях. Её стихи были опубликованы в газетах и журналах, а также в сборниках «Радость возвращения домой» (Омск, 2003), «Бабые лето-4» (Омск, 2007).

* * *

Звезды такие яркие,
Им тоже некуда деться.
Они, наверное, жаркие
И любят в небо смотреться.
У них ведь тоже есть пристани,
Где утром ждут и встречают.
А звёзды учатся в Принстоне,
По небу очень скачуют.
Мы, может, даже знакомые
И где-то раньше встречались.
Мне кажется, что когда-то
Мы вместе в море купались.
А звёзды тоже бездонные,
А звёздам тоже мечтается.
Бывают даже бездомные,
И жизнь их быстро кончается.

Лишь след на небе останется,
На карте имя запишется,
Кусочек славы достанется.
Но разве после задышится?
Мы звёзды...

* * *

Незаметно листья пожелтели.
Это осень, хоть ее не ждали.
Говорят, уж птицы улетели,
Вот и я сегодня на вокзале.
В тишине, одна, без провожатых,
Не зовут, увы, меня обратно.
Значит к югу, как в мечтах когда-то,
Навсегда теперь уж, вероятно.

* * *

Белые с серым берёзы,
Чёрные с зеленью ели,
Проседью сильных морозов
Ночью вас ветры одели.
Вы так таинственно строги,

Так величаво красивы,
Леса чудесные боги,
Русской природы массивы.
Поле широкой гладью,
И подо льдом водица,
И серебристой прядью
Лес надо всем клонится.
Взглядом едва ль окинешь,
Не передашь словами,
Из сердца теперь не вынешь
Сказку под куполами.
Эхом хрустальным вспомнится,
И не покинет память
Зимних лесов стозвонница.
Стоит Сибирь славить!

Буря

1

Мне хорошо, когда дождит
И ветер гнет людей и клены,
Пусть непогода пощадит
Одну меня на миллионы.
О, этот грохот и бедлам!
А я в дому, где греют стены.
И пожелать могу лишь вам
Встречать вот также перемены.
Какое счастье в тишине?!
Ведь все познается в сравненье.
Ах, если б только бурю мне,
Чтоб осознать свое решенье
И счастье.

2

Мне другая тишина по нраву:
Если рядом ты и все в порядке,
Ручейки стекаются в канаву,
Сын рисует солнышко в тетрадке.

Люд «худой» о многом нынче скажет –
За глаза надежней и больнее.

Мне не страшно,
вправду ведь не страшно.
Я сумею выдержать, сумею!

Хорошо, как в море после бури,
И такая сладкая усталость.
А ведь так жалела втайне, сдури,
Что с тобой когда-то я осталась.

3

Гремит, сверкает и стеной
Дождя сплошная линия.
Как хорошо, что ты со мной,
Что не одна отныне я.
И непогода не страшит,
Пожалуй, даже радует.
Свеча на столике горит,
За каплей капля падает.
И каждой слезке восковой
Сегодня тоже чудится,
Что мы счастливые с тобой,
Что все, пожалуй, сбудется.

* * *

С головокружительной высоты
Деревья в низину падали.
А мы глотали мосты
И рельсы вслед плакали.
Качался мерно вагон,
Мелькали пейзажи.
Перрон, дорога, перрон,
Стихи в саквояже.
И столько мыслей вокруг!
Лови не считая.
Какая станция, друг?
Опять пропуская.

Вот новый спуск и подъем,
Река без названия.
И даже брошенный дом —

Как с чудом свиданье.
Умчались Киров, Тюмень.
До встречи! До встречи!
Мне этот прожитый день
И сравнивать не с чем!

Так двое суток подряд,
Не зная усталости,
Нас поезд нес наугад.
И я наслаждалась
Раздольем русской земли,
Природы красотами.
И как сказать вы могли:
«Лети самолетами!»

Печерский источник

«Господи, не забирай меня
У моих близких!
Дай здоровья!» - читаю я
На настенных записках.
Рядом сотни икон стоят,
Свечи огарок.
Люди верят, люди хотят
От Бога подарок.
А в низине такая тишь,
Лишь водицы журчание,
Что и сам невольно стоишь
Молча, как изваяние.
Долог путь к земле той святой,
А нету усталости.
Окунуться бы с головой,
Как полагается
В очищающую от грехов
Прохладу чистую.
Здесь ведь каждый будет готов
Верить неистово.
Сотни ликов святых глядят
По-родительски ласково.
Хоть бы раз еще побывать
У источника, нас спасшего.

**Николай
ШОКУРОВ**

Родился в Тевризском районе, Омской области. Любовь к немецкому языку ему привил ссыльный латыш, преподаватель Журавлёвской средней школы Валдыс Вирпадж. С 14 лет публиковался в тевризской районной газете «Правда севера», во время службы в армии – в газете «Советский воин» Сибирского военного округа. Работая на Омском радиозаводе им. А.С. Попова, без отрыва от производства окончил филологический факультет Омского пединститута им. А.М. Горького. За 15 лет работы (1978-1993 гг.) сотрудником по пропаганде Омского центра научно-технической информации готовил передачи на омском радио и телевидении, публикации в «Омской правде», «Вечернем Омске», «Молодом сибиряке» и районных газетах, а также газетах Новосибирской области и «Комсомольской правде» о передовом опыте и научно-технических достижениях омских новаторов, изобретателей и рационализа-

торов. Работал обозревателем газеты «Коммерческие вести», начальником отдела по обеспечению деятельности СМИ администрации г. Омска, с ноября 2000 по июнь 2011 г. – сотрудником комитета по делам телевидения и радиовещания, впоследствии главного управления по делам печати, телевидения, радиовещания и средств массовых коммуникаций Омской области. Соавтор коллективных сборников «Возлюби дело своё...» (1996) и «Времён связующая нить» (серия «Люди омского бизнеса»), двух альманахов «История успеха» (2003-2004), автор летописи омской потребительской кооперации «Душа, распахнутая для народа» (2006). Редактор и автор материалов книг «Невыплаканные слёзы» (2005) и «По следам пленного детства» (2007) о судьбах омичей – бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей, за которые решением Совета Российского союза БНУФ награждён медалью «Непокорённые». Автор двух книг «Остаются в строю ветераны», посвящённых 50- и 55-летию Российского комитета ветеранов войны и военной службы, многочисленных публикаций в историческом журнале «Родина», в областных национально-культурных журналах «Мои земляки» и «Омское наследие», газетах «Комсомольская правда» в Омске, «Труд-7», «Ваши «Ореол», «Омская правда», «Омский вестник», нештатный корреспондент газеты «Российская кооперация» и журнала «Деловой вестник» «Российской кооперации» (с 1998 г. – по настоящее время). Неоднократный лауреат журналистских конкурсов регионального и федерального значения, лауреат премии Немецкой национально-культурной автономии Омской области (2007 г.) за публикации в журнале «Культура» с 2003 г. Награждён памятной медалью Международного союза немецкой культуры «250 лет переселения немцев в Россию». С августа 2011 года – редактор газеты «Омский ветеран» Омской городской общественной организации «Совет ветеранов и пенсионеров».

Frau Катерина

Так уж повелось в жизни: начинаешь разматывать клубок чьей-нибудь судьбы, вдруг в нем обнаруживается еще одна ниточка, настолько тесно переплетенная с основной, что понимаешь – не зря она здесь оказалась. Существует теория, что все люди в мире знают друг друга. Конечно, эти знакомства проходят не в прямом контакте, а опосредованно, по цепочке косвенных связей. Например, уехал мой знакомый на жительство в Австралию, увёз с собой газеты и журналы, в которых я о нём писал. Там он познакомил своих новых друзей с публикациями, может, и обо мне рассказал. Манией величия не страдаю, но становится приятно, когда осознаёшь, что твои строки прочтёт кто-нибудь в дальних странах. Впрочем, зачем забираться на далёкий австралийский континент? Греет душу, когда получаешь письма из более близкой Германии, и там становятся все больше знакомцев. К примеру, рассказал о соседе моего отца Константине Вагнере из Тевриза, а через год случилась встреча с его сестрой Екатериной. Тогда бывшая лучшая доярка Тевризского района, чей портрет наравне с портретом её мужа – механизатора, фронтовика Великой Отечественной войны Петра Гербера – украшал районную Доску почета, уезжала в Германию. Но для неё было традицией ежегодно навещать к овдовевшему брату: помочь по хозяйству, обиходить огородные грядки, с картошкой управиться. К тому же скучала Екатерина Иосифовна по родной Сибири.

Как ленинградка оказалась в Сибири

Катя родилась 12 июля 1933 года в Ленинграде, куда беременная Мария Вагнер приехала по весне из голодающего Поволжья, чтобы сохранить двух малолеток и будущего ребёнка. Рискнула оставить мужа, крепко привязавшегося к родным местам. По совету знакомых устроилась работницей в состоятельную еврейскую семью, стряпала, стирала и убирала в квартире хозяев, выделивших ей комнатку под жильё. Узнав о рождении дочери, отец Иосиф Францевич не вытерпел и воссоединился с семьёй. В 1935 году семейство Вагнеров из Ленинграда вернулось в Поволжье, на станцию Безымянную, где через год у них родился четвёртый ребенок – сын Осип (он тоже тевризский житель, так и был записан в документах – Осип Осипович, хотя все другие дети по отчеству Иосифовичи). А в 1937 году перебрались в соседний со станцией колхоз «Заветы Ильича», здесь родители построили дом и работали до начала войны.

Их постигла та же участь, что и всех поволжских немцев в 1941 году. Депортированных жителей Поволжья до Омска везли на поезде 12 суток. По пути находчивый отец рисковал на станциях в поисках еды и питья, лишь бы его пятеро детей выжили (к тому времени родилась ещё дочь Эльвира). Потом трое суток сплавлялись на пароходе до северного райцентра Тевриз. Прямо на тевризской пристани ссыльных загружали на повозы и развозили по сёлам

района. Вагнерам выпало поселение в Петелино, где обжили неказистый маленький домишко. Переносили лишения и голод, больную мать Марию Богдановну мучили частые обмороки. Отец до весны 1942 года работал в колхозе, пока не призвали в трудовую армию. Дети начинали учиться в школе, русский язык они неплохо освоили от своих поволжских сверстников. Но издевательства деревенских ребятшек (могли не только обозвать «фашистами», но и палками поколотить) заставили бросить учёбу. Оставшись без кормильца, семья выжила за счёт продажи вещей, привезённых с прежнего места жительства, поэтому милостыню не просили. Хотя в колхозе работали за трудодни, надеяться на денежное обеспечение не приходилось. Видимо, из-за перенесённого стресса у матери даже обмороки прекратились. Через год, когда и продавать было нечего, Мария Вагнер отправилась пешком за 25 км устраиваться на работу в Тевриз. Нашлось место на льнозаводе, где работникам выдавали в сутки по 500 г хлеба, а на детей – по 200 г. Пришлось перебираться в райцентр.

- Попрошались мы с Петелино, в котором осталась жить тётя Лена, мамина двоюродная сестра, её сын Пётр Гербер воевал с первых дней Великой Отечественной. Других детей – Ивана и Марию – забрали в трудовую армию, оставался только инвалид Франц, который хоть и не мог ходить, но занимался сапожным ремеслом. Тем и зарабатывал на жизнь свою и матери. Усадили маленьких Эльвиру и Осипа на саночки, которые тянули за собой мама и Костя, а мы с Ирой целый день тёпали сзади, - говорит на сибирский манер, вспоминая долгий переход, Екатерина Иосифовна. – Хоть и подтаивало в это время, но всё равно ранней весной было холодно. Добрались до Тевриза уже затемно, но директор льнозавода Владимир Петрович Сивицкий приказал техничке ждать нас, чтобы переночевать в конторе.

Хоромы для новоселов, понятно, директор не заготовил, но предложил посмотреть хатку на берегу речки. Правда, в этой однокомнатной хибарке с сенцами уже жили три семьи, а после Вагнеров поселилось ещё одно семейство. В скученном немецком общежитии одних детей набралось больше десятка, спали в большинстве своём на полу. С одной нерадивой хозяйки сыпались вши, разбегаясь и по чистоплотным жильцам. Воевать приходилось не только со вшами, но также с клопами и тараканами. Вдобавок голодали, поэтому ребятishкам приходилось попрошайничать по всему райцентру. Отец Иосиф Францевич, доведённый в трудовой армии до полного истощения, был отпущен к семье, до которой так и не доехал – умер по дороге в 1943 году. Место его захоронения для родных до сих пор неизвестно.

Вторая ссылка

Выдержав такую жизнь до весны 1944 года, Мария Вагнер решила обзавестись землянкой. Старший сын Костя к этому времени уже поработал на бойне, а затем устроился на рыбзавод, директор которого разрешил семейству пользоваться для «новостройки» горбылями – отходами стройучастка. Сами вы-

копали землянку, обложили её горбылями, укрепив столбиками, которые мать переносила на собственных плечах. Когда жилище было готово, стали думать об огороде. Картошку на семена пришлось «зарабатывать» на чужих огородах, помогая тевризянам ручной «вспашкой» земли. Лошадей-то для населения не было, во время войны все кони стали «военнообязанными». Поэтому обходились не плугами, а лопатами. Запасёнными семенами Вагнеры смогли засадить сотки 4 около землянки на склоне горы. Костю с рыбзавода, который тоже в военное время был режимным предприятием, не отпускали. Он посылал домой выдаваемые рыбакам за работу сахар, мыло. Кое-какие излишки семья меняла на другие продукты. Вдобавок Мария Богдановна освоила кладку печей, выполняя заказы местных жителей, которые иногда платили небольшие деньги, а в большинстве своём расплачивались молоком, мукой и другой немудрёной крестьянской снедью. А летом Эльвира с Катериной занимались сбором ягод – голубики, смородины, ежевики. Мать с вёдрами ягод выходила на иртышскую пристань, где продавала лесные дары пассажирам причаливших пароходов. Немного заработанных средств тратили на одежду и обувь, а потом к 1946 году смогли купить корову, для которой к землянке пристроили хлев.

- Голоду у нас теперь не будет. Коровушка на дворе – еда на столе, - воспроизводит Екатерина Иосифовна слова матери. Ребятишки не гнушались оказывать помощь в уборке картошки односельчанам, которые за труды отсыпали трудолюбивым помощникам часть клубней. Вместе со своим урожаем картофельных запасов хватало на всю зиму.

В этом же году Катерина на 14-м году жизни, пошла в 1-й класс тевризской школы с младшим братом Осипом. А через год семью Вагнеров сослали вторично, на сей раз в деревню Заборск. Немцы, украинцы и калмыки вновь пополнили таёжный колхоз взамен выехавших отсюда прежних ссыльнопоселенцев из числа раскулаченных в 30-х годах. Отъезжали 3 апреля 1947 года, погрузив в сани двоих младших детей, нехитрый скарб и новорожденного теленка. Остальные члены семьи с коровой добирались трое суток пешком, ночуя по дороге в Екатериновке и Ермиловке. Ранняя оттепель залила водой лога, промокала обувь, корова плелась тоже по брюхо мокрая. Последствия этого мокрого перехода прежде всего сказались на корове. Пала животина на ноги, пришлось её сдать в колхоз на мясо. Взамен хозяйство выдавало семье молоко для выпойки телёнка и предоставило нетель.

Приятным стало то, что Вагнеров в Заборске встретили их соседи Штаб по прежней жизни в поволжском селе Кров. Приготовили для новосёлов баньку, продрогших за долгую дорогу ребятишек за ночь согрели на печке. А вот Мария Богдановна не убереглась, свалилась от воспаления легких на целый месяц, у неё распухли ноги. Костя весь покрылся чирьями (фурункулами), которые лечил местный медик, но больше помогло снадобье бабушки-знахарки.

Постепенно налаживалась жизнь в семье Вагнеров и здесь, на выселках в медвежьем углу. Отелилась выданная колхозом молодая корова, подрастала

тёлочка. Костя готов был жениться на оставшейся в Тевризе любимой подруге Екатерине, с которой вместе работал на рыбзаводе и которая ждала от него ребенка. Мать не хотела русской снохи и настояла на женитьбе с заборской девушкой Эллой, выдав молодожёнам подростковую нетель. Промаявшись с нелюбимой женой два года, Костя уговорил мать принять Катю, которая переехала из Тевриза вместе с двухлетним сыном Юрой и стала его женой до окончания жизни. Смягчилось сердце Марии Богдановны при виде внука.

Учиться больше не пришлось, поэтому Катя Вагнер с 14 лет занималась самообразованием, тренировала себя в чтении и письменном русском языке. Поначалу её трудоустроили няней в детский садик, но эту повинность она выдержала только одно лето. Ближе к осени в колхозе «Красный пахарь» пришлось убирать урожай зерновых, молотить снопы, а зимой рослая девушка всю управляла быками, вывозя с полей сено и солому. Быки и были основной тягловой силой, на них также распахивали плодородные земли.

Следующей зимой 1948 года молодых жителей Заборска отправили на лесоразработки. Костя с мужчинами валил лес, а Катерина с подругами по глубокому снегу убирала за лесорубами сучья. Стеганные ватные брюки и фуфайка, валенки на ногах, платки на головах – вот и всё обмундирование лесозаготовителей, прекращавших работы лишь тогда, когда мороз зашкаливал за 40 градусов. Так и повелось в деревнях Тевризского района: зимой – работы в лесу, а с весны до осени – посевная, сенокос, уборочная. Наряду с мужиками пахали и боронили, скирдовали сено и молотили хлеб девушки и женщины.

- Когда мне исполнилось 17 лет, стали учить валить лес, - вспоминает Екатерина Иосифовна. – Сначала отбрасывали снег от лесины. Затем подрубали её с одной стороны, а с другой начинали пилить двуручной пилой. Выбирали мощные толстовольные деревья, поэтому подпиливать приходилось долго. А когда дерево держалось, как говорится, на ниточке, то упирались слегам, чтобы свалить его в сторону подруба. И еще надо было побережись, чтобы, не дай Бог, не попасть ненароком под падающую лесину.

Заготовки велись в Кузьяре, местечке неподалеку от леспромхозовского поселка Бородинка. Сюда свозили нас из Заборска, Комаринска, Ермиловки, Александровки. Жили в бараке, разделённом горбылями, обогреваемом двумя печками. Я спала наверху, а подо мной на топчане поселился пожилой конюх дядя Петя Шефер, который звал меня дочкой. Я ему починая одежду, а он мне валенки подшивал. Питались тем, что запасали из дома - картошкой, мясом, топили мороженое молоко. Утром, бывало, сварю картошку, позавтракаю, а вечером дядя Петя мне ее почистит и в кастрюльке на печку поставит: «Ешь, доченька».

Доярка – призвание на два десятка лет

До 1954 года прожила Екатерина Вагнер в Заборске, в зимнюю пору управляясь на лесозаготовки. К этому времени брат Костя с женой Катей и сы-

ном Юрой перебрались в Тевриз по уходу за престарелыми родителями жены. Другой брат Осип осваивал курсы трактористов в Петровской МТС. На Новый год Костя решил самовольно увезти Катю в Тевриз.

- Приехал брат будто в гости, погуляли мы, а он мне и говорит: «Собирайся!» А маме сказал, что по весне заберет и её. Закутали меня в тулуп, положили в короб в санях, и в ночь мы рванули, по пути укрывшись у знакомых в деревне Александровке. Утром приходят давать наряд на работу, а меня уж нет, - рассказывает о своем похищении Екатерина Иосифовна. – Погнались за нами, но так и не нашли. В Александровском сельсовете сказали, что никаких беглецов не видели.

В Тевриз я сразу отправилась в колхоз, председателем которого в то время был Николай Петрович Миселёв. Он и говорит мне, чтобы шла на ферму и принимала группу коров. Я призналась, что доить не умею, даже сиськи в руках не держала. Председатель убедил, что женщины на ферме всему научат. И действительно, вскоре обучилась доить. Когда пожилая доярка сначала заболела, а потом ушла на пенсию, приняла её группу. Ходить на работу было недалеко, жила в доме Кости, у которого в это время уже рос второй сын Володя. Но однажды председатель сказал, что его трясёт райком партии из-за меня. Как, мол, принял беглянку? А какая разница – там колхоз и здесь колхоз. Жалко было, видно, Николаю Петровичу терять добросовестную работницу, вот он и отвоевал меня. Весной Костя привёз из Заборска маму, вскоре нам выделили квартиру.

Новый поворот в жизни Катерины Вагнер пришёлся на лето того же 1954 года, когда вернулся из советских лагерей Пётр Гербер, отбыв 10-летний срок. Это наказание солдат Красной армии получил за неосторожно сказанные слова. Случилось, что при освобождении Украины в 1944 году он со всей ротой попал в германский плен. Загнали их фашисты в тесный сарай, в котором не то что сидеть, а дышать нельзя было. Командира, который обещал отважному разведчику Петру Герберу ходатайство о награждении его орденом Красного Знамени, сразу отделили от солдат и увели, видимо, на расстрел. Стали пленники голыми руками вести подкоп под стены сарая, договорившись, что первый выскочивший наружу набросится на часового. Так и произошло тёмной ночью: среди тройки первых солдат, заваливших охранника и спасшихся из фашистского плена, оказался Пётр. Им удалось скрыться в ближайшем лесу, хотя беглецы слышали за собой стрельбу, а по окрестностям шарили лучи прожекторов. Потом они добрались до деревни, где переночевали на чердаке у испуганной старушки. Вышли к своим, чтобы доложить о побеге. По рассказам фронтовика, уселись около штаба в ожидании своей судьбы, а мимо ведут под конвоем таких же красноармейцев. Пособолезновал им вслух Пётр Гербер, высказав мнение, что некоторых расстреляют: «Все ж какие жестокие сталинские законы!» Эти слова услышал сидевший рядом грузин, тут же потихоньку удалившийся. Наутро на допросе Петра спросили, говорил ли он такие-то слова? Допрашиваемый не отпирался, считая, что ничего порочного не сказал. Тогда побоями стали добиваться от него признания, будто сдаться в плен решил за-

ранее. Во внимание не приняли, что пленили не одного Гербера. Видимо, с издёвкой намекали на национальность: мол, готовился поработать на немцев? А с какой целью бежал - тоже выглядит весьма подозрительно. И приговор: загремел разведчик в наши лагерь сначала в казахстанском Джезказгане, а потом под Челябинском. Это вместо обещанного командиром ордена, бывшие военные заслуги на фронтах Великой Отечественной – не в счёт.

Возвращали Петра Гербера из лагерей от Омска до Тары на «чёрном воронке», а до Тевриза его посадили на пароход. В райцентре стал интересоваться, живут ли здесь немцы. Ему подсказали про Екатерину Вагнер, а также её детей. «Так это же моя крёстная», - обрадовался бывший лагерник. Его мать по-прежнему оставалась в Заборске, а Пётр устроился на рыбзавод. Крестник стал «подбивать клинья» к Марии Богдановне, когда увидел, какой справной девкой стала её дочка Катя. Мать поначалу отбивалась, ведь разница в возрасте между невестой, которая, кроме дойки коров, никаких развлечений не знала, и бывалым, пережившим войну и лагерную неволю женихом, – 13 лет. Но, пораздумав, согласилась: все ж таки свой, немец. И дочь уговорила: добрый он человек. Пётр и впрямь был статным, красивым мужчиной, которого не сломили военные и лагерные передряги.

Молодые подали заявление о желании вступить в брак 1 января 1955 года, получив благословение от Марии Богдановны и матери жениха, а также вернувшихся трудармейцев Ивана и Марии, отправленных в Заборск. Николай, первенец в молодой семье, родился 25 ноября, когда она снимала квартиру. Петр Богданович теперь уже работал в МТС, выбираясь домой из Петрово только на выходной. Катерина по-прежнему доила колхозных коров, оставляя сына на попечение бабушки, прибегая накормить младенца.

Летом следующего года квартирантов Герберов стала выдворять хозяйка. Председатель колхоза посоветовал приспособить под жильё строение, в котором раньше содержали ягнят. Было оно до окошек забито навозом, но Катерина очистила избушку, обеспечив в ней летнее проживание. Под картошку она заняла 30 соток земли, на огородных грядках насажала овощей. Все успевала, несмотря на то, что доярки на основной работе заняты от зари до зари. Обзавелась поросёнком, цыплятами. В эту пору Пётр с братом из запасенных стройматериалов по вечерам после работы потихоньку возводили домик, в который семья переехала осенью, наконец-то купив корову. На этом месте, где родился второй сын Виктор, они прожили 9 лет, пока не выстроили собственный большой дом.

Много лет Пётр и Екатерина Гербер проработали в колхозе «40 лет Октября». Портреты знатной доярки и не менее заслуженного механизатора красовались на Доске почёта Тевризского района, за добросовестный труд их награждали медалями, грамотами, дипломами. Готовились было наградить Екатерину Иосифовну орденом, но подвело её правдолюбие, награда досталась более услужливой товарке.

- По осени 1972 года мы в загоне для коров плавали в грязи, - вспоминает она тот скандал. – Стоим с доярками, а издали в резиновых сапогах, подобрав полы плаща, приближается явившийся из отпуска зоотехник Постных (даже имя и отчество его забыла). Я и говорю подругам: посмотрите, как наш «петух» выступает. Те в хохот. Когда начальник поинтересовался делами, я напрямую ему высказала: «У коров дойки по грязи таскаются, до того на ферме гадко, а ты, словно птица в полёте, кружишь по загону». Остальные доярки поддержали мою критику. Сильно разозлило это зоотехника, он обещал припомнить мою дерзость. Что вскоре и произошло, когда из групп выбраковывали старых коров, которых у меня было две. Прибежала помощница Постных и говорит, что моих перестарок начальник приказал оставить, пусть, мол, мается. Одна из них – Зозуля – уже плохо передвигалась, зубы у неё повыпадали, сено жевать было нечем. Жалко мне было её, доилась хорошо, но куда деваться! Я в сердцах написала заявление на увольнение и отнесла в колхозную контору. Председатель Миселёв ни в какую, не подпишу – и всё! Но тут председателя заменили, пришёл руководить колхозом Василий Николаевич Семенов. Я с заявлением к нему: руки болят, работать не могу. Он повертел бумажку: «Так до пенсии ещё вроде далеко». Сказала, что найду другую работу. Заявление рассматривали на колхозном собрании, где зоотехник постарался облить меня грязью и сказал, что такую гнать надо. Подписали моё заявление, перед сдачей всех своих коров вычистила-вымыла. Мне всегда подружки говорили: «У тебя коровы стоят, будто шёлковые». Заботилась я о них, как-никак почти два десятка лет дояркой работала. Подстилку меняла, кормушки чистила, ласкала животных. Ведь уход – большое дело, зато они мне и молоко хорошо давали. Оттого и первое место по надоям постоянно держала. Бывший председатель Николай Петрович, как услышал, что меня уволили, прибежал в контору, устроил шум: «Лучшую доярку отпустили, да вас судить всех надо». Однако в моей судьбе это ничего не изменило.

Она устроилась на почту, но через месяц начальник отделения Плюхина с горечью поведала: «Не знаю, что делать. Меня из партии хотят выгнать: зачем тебя приняла?» Вспомнила тут Гербер старую историю, когда молоденькой девчонкой из Заборска в тевризский колхоз сбежала. Но начальница придумала хитрый ход: на бумаге свою работницу уволила, но на деле Екатерина Иосифовна трудилась, исправно получая зарплату. Через пару месяцев, когда всё понемногу улеглось, Гербер на почте вновь официально оформили на работу, на которой она пробыла до самого ухода на заслуженный отдых в 1978 году. Трудилась и ещё несколько лет в другом месте, будучи на пенсии.

Сердца на разрыв

А в 1995 году Пётр и Екатерина Гербер уехали в Германию вслед за семьей младшего сына Виктора. Собственно, инициатива по переселению принадлежала снохе Галине (её девичья фамилия Мозылева). Хотя работоспособных

людей, устремившихся за рубеж, можно было понять, ведь в это время рушились политические устои страны, а об экономических и говорить нечего. Была надежда, что в стабильной Германии сложится безмятежная жизнь. Стариков такая перспектива не сильно влекла, особенно противился Пётр Богданович, уговаривал даже супругу отпавиться одной. К тому же Екатерину Иосифовну в своём письме предостерегала сестра Эльвира, переселившаяся на историческую родину раньше: «Не советовала бы тебе ехать, здесь манная каша с неба не валится. Трудновато с работой. Пока устроитесь на жительство, придётся много вытерпеть». Но пересилила любовь к внукам: на своих руках бабушка их вынянчила, как же они там приживутся? Еле сдерживал слезы Виктор Гербер, когда его сын Димка прощался со школьной подругой...

Прежде чем осесть в Германии, пришлось поскитаться сначала в восточной части (бывшей ГДР), пожить и деревенской, и городской жизнью в лагерях для репатриантов. Стариков поселили отдельно от семьи сына, хоть и недалеко. Екатерина Иосифовна получала пенсию в 1200 дойчмарок, 700 из них платила за квартиру, были расходы на коммунальные услуги. На собственные траты оставалось всего 200 марок, приходилось экономить даже на скудном питании. Петру Богдановичу пенсия поначалу не выплачивалась, полтора года жил как иждивенец.

Петра Гербера в 2005 году пригласили в Тевриз на празднование 60-летия Великой Победы. Обрадованный фронтовик вместе с женой прибыл на торжества в Сибирь, встречался с земляками. Но, видимо, горькое чувство досады после этой поездки у него всё же осталось: тевризским ветеранам выдавали единовременные пособия, а ему так ничего и не досталось. Через год советского солдата похоронили на германском кладбище.

После смерти мужа Екатерина Иосифовна квартировала одна в живописном городке Хасфурт, на берегу реки Майн. Здесь же, но отдельно от нее, проживала семья сына. Жили в относительном достатке. Старший внук Дмитрий овладел компьютерными технологиями настолько, что по приезду в Тевриз помогал отладить любые интернет-программы своим бывшим одноклассникам. Пообщался с двоюродным братом Константином, живущим в Омске, разведал о перспективах работы в городе на Иртыше. А сердце бабушки Кати, свободно говорящей на немецком языке, по-прежнему разрывалось: в Сибири - братья и внуки рано умершего сына Николая, а в Германии – тоже внуки и могила мужа. На берегу Майна к ней привычно обращались «Грау», а на картофельном огороде её никто не отличит от тевризской крестьянки. Долго не решалась на окончательный выбор. А потом услышал, что вернулась Екатерина Иосифовна в Тевриз. Как вдове участника Великой Отечественной войны в райцентре ей предоставили однокомнатную благоустроенную квартиру. Притяжение Сибири оказалось сильнее!

**Владимир
ЭЙСПЕР**

Родился в 1947 году в селе Корнеевском, Московского района, Омской области. Прозаик. Пишет на русском и немецком языках.

В 1966 году закончил немецкое отделение Исилькульского педучилища Омской области. В 1976 году закончил испанский факультет Пятигорского пединститута Ставропольского края. Говорит на испанском и английском языках.

Работал учителем, грузчиком, монтажником, метеорологом на мысе Челюскина, охотником-промысловиком на о. Диксон. Участник многих экспедиций в российском секторе Арктики.

Печатался в изданиях «Neues Leben», «Сибирский Промысел», «Дальний Восток», «День и ночь», «Сибирские Огни», «Дон», «Российский колокол», «Палеомир», «Крестьянин», «Подвиг», «Юность», «XXI Век», «Венский литератор», «Florida-Rus» «Золотой Пегас», «Русская Америка», «Ванкувер-Экспрес», «Портфолио» и др.

Лауреат литературной премии имени долганской поэтессы Огдо Аксёновой за 1998 год в номинации «Проза» за цикл рассказов о севере.

Лауреат IV литературного конкурса им. Ю.С. Рытхэу, 2002 год.

Лауреат Литературного конкурса «Север – страна без границ», 2012 г., и др.

Автор трёх книг прозы. Пенсионер. Живёт в Германии.

Не поеду в Германию!

Vita est via. (Lat.)

Жизнь – это дорога.

– К нам гости! – я передаю бинокль охотнику из Германии Бодомару, – сосед едет, надо чай ставить.

Замерзшее озеро пересекает черная нить собачьей упряжки. Шесть лохматых зверей во весь мах выбегают на берег, направляясь к костру.

– Ай-я-а-а! – Остол вгрызается в мерзлую землю. Собаки веером ложатся у огня и жадно хватают снег. Черные клубки на снегу, красные языки, красный тальник и красное солнце. Каменный век.

Рядом защелкали фотоаппараты немцев. Охотники из далекой страны оценили момент.

Каюр, пожилой низкорослый мужчина с темным лицом, направляется к нам, здоровается с каждым за руку, называет свое имя. Неодобрительно оглядывает он разноцветные куртки гостей. Желтые, синие, красные. Оделись, как на лыжную прогулку! Незаметней, незаметней надо одеваться, а то всех оленей распугаешь!

– А мы уже отстрелялись. Все закрыли лицензии, все довольны. Ты чуть не опоздал познакомиться с охотниками от теплого моря.

Афанасий подходит к костру и с недоумением поднимает на меня узкие раскосые глаза. На огне, в половине железной бочки, варятся две оленьи головы с огромными ветвистыми рогами.

Вареные головы – хорошее угощение. Душистый бульон, нежное вкусное мясо. Но варить еду для гостей в железной бочке из-под солярки – такого не припомнит Афанасий за свои пятьдесят четыре года.

А гости между тем ходят рядом, шутят, смеются и, как ни в чем не бывало, подбрасывают дрова в костер. А молодой парень в синей куртке, наверное, самый голодный, все тычет в «котел» заостренной палочкой. Готово ли?

Афанасий топчется у костра и прихлебывает чай из огромной «амелиновой» кружки. Подходит ко мне и шепчет на ухо:

– Бочка мыл?

– Даже два раза с песочком.

– Мало. Соляра долго воняет. Зачем мой балок не ехал? Бак большой эмальный. Бери. Быстро вари. Лапша бросай. Макарон бросай, перловка. Двадцать человек корми. Тут семь!

Меня давит смех. Я не успеваю ответить, как Афанасий и вовсе застывает в изумлении: один из гостей, плотный пожилой мужчина, сыплет в «суп» стиральный порошок!

– Одна-ако!.. Совсем много пили вчера... Таперя и собака есть не станет...

– А это не для еды!

– Какой – не еда! Голова – самый вкусный место олень! Вода много положил, а то та-акой холодец!

Объясняю, что мясо мы отделили для собак, а кости варим уже второй раз. Стиральный порошок он сыплет, чтобы жир из костей вышел, чтобы чистые были, белые.

– В той страна, что, кости кушают?

– Эх, Афанасий... Рога эти вместе с черепами называются «трофей». Они возьмут их с собой, в Германию, страну у «теплого моря». А мясо им не надо. Свое есть.

– А туша тундра бросал? Нехорошо. Грех. Бог накажет!

– Не бросили. Все туши егеря взяли. Вон, в сарайчике висят. А иностранцам «трофей» надо. Они за ним и приехали на Таймыр. И даже деньги заплатили.

Афанасий замолкает. Необычно все это. Всю жизнь охотился он из-за мяса, а рога и кости бросал в тундре за ненадобностью. Но вот есть, оказывается люди, готовые за кости деньги платить...

Он спрашивает меня:

– Там у них, у теплый моря, что, лед совсем нету?

– Совсем нет, – отвечаю.

– А еслив хиус, еслив сиверко день дует, два? Неделя, три?

– Все равно нету.

– А снега есть?

– И снега нет. Только высоко, в горах, там есть.

– Не поеду такой страна! Без снега как жить? Весна идет, снега тает, вода вкусный-вкусный. Чай пьешь три кружка. Пять пьешь, десять – все мало! Гусь, утка, песец, олень – все север бегит, снег-вода пьет, быстро растет. Здоровый, крепкий растет. Маленький гусьтка, оленятка, песчатка снег-вода пьет – быстро растет, здоровый, крепкий растет! Из вода, из Огонь Тойон-Каллан* все начал, все делал! А ты – снега нет! От снега вся жизнь на земля!

Афанасий прощается с нами, с каждым в отдельности, садится на сани.

– Поть-поть. Ай-я-а-а!

Упряжка на глазах превращается в черную ниточку, исчезает в бескрайней тундре. Только снег, вечный снег, снег-дорога и снег-жизнь белым пламенем сверкает на солнце.

*Тойон-Каллан – Хозяин Неба (долганск.).

Рыбак и Савка

Поёт морзянка за стеной весёлым дискантом,
Кругом снега, хоть сотни вёрст исколеси.

М. Пляцковский. Морзянка

У меня на зимовке осенью появился горностаичик. Стремительный, проворный, шустрый, как веник.

Сначала, завидев меня, он возбуждённо стрекотал и скрывался в поленнице, но потом осмелел и стал присматриваться. Высунет голову с круглыми ушами и смотрит, что же у человека в руках. А я уже несу ему рыбу. Положу у поленницы, отойду и смотрю.

Вот он выскочит и пытается рыбью тушу в щель между поленьями затащить. А рыбина больше самой «норки». Тогда попрыгает, покрутится, почирикает недовольно и приступает к трапезе там, где найти довелось.

Выдает в основном мясо вокруг плавников и тёшу, так рыбаки называют жирную полоску на брюшке рыбы. На второй день выгрызает рыбью печень, остальное не трогает: мышей хватает. Они горячие, вкусные, чего зубы морозить?

Этот жизнерадостный, бодрый, ловкий зверёк обладал недюжинными «музыкальными» способностями: скрипел, стрекотал, ворчал, чирикал, шипел и тьякал.

Ну, ни дать, ни взять скворец Дразнилкин на ветке! Мне сразу вспомнилась шутивая детская песенка «Савка и Гришка сделали дуду». Гость получил

кликну Савка, на которую вскоре стал реагировать. Я тяжело переживал нелепую гибель своего верного пса Таймыра, а тут опять появилась животинка, с которой можно словом перемолвиться.

Горностаи живут в тайге и лесотундре, но в Арктике (зимовка моя стояла на 75-й параллели) встречаются крайне редко.

Из задушевных бесед выяснилось, что Савка не только классный музыкант, но и в географии сведущ: знает, что такое параллели. В подтверждение своих «слов» он как-то выложил на доску у порога аж десять задушенных мышей, вытянув их по пять штук в две ровные линии. Отдарился.

Я испугался, что он под горячую лапу задавит и моего ручного лемминга, и сделал Чуньке защитный ошейник: отрезал от красной тряпочки узенькую полоску, и когда Чунька после вечерней порции хлебных крошек с крупинками сахара заснул в своём гнёздышке в старой калоше, я осторожно надел ему на шею эту полоску и закрепил её капелькой клея.

«Красный ошейник спасает собак от нападения волка, а горнак — волчара ещё тот! Значит, и он красного цвета опасается», - решил я.

Освоившись на новом месте, Савка прогнал и передушил леммингов в подполье, чуть расширил мышиную дырку в углу зимовья и перешёл жить в старый валенок у лежанки. Утром вскочит на стул и свистит у самого уха:

- Пиф-пиф-пиф- чик-чир-р-р! (Вставай, соня, Савка кушать хочет!)

Этот маленький юркий хищник частенько следовал за мной, как собачка, с величайшим тщанием обследуя каменные осыпи, приливную полосу и кучи плавника на берегу.

Если я уезжал на лодке проверять сети, он оставался ждать на берегу и в награду получал рыбёшку. Когда я однажды, шутки ради, бросил ему колючего бычка, Савка возмутился и в длинной тираде скрипов и чиков сообщил всё, что думает о подобных жадинах-говядинах. Пришлось дать ему жирного сига, которого он с ворчанием утащил под старую корягу.

Но стоило мне отойти от зимовья примерно с километр, как Савка, свистнув на прощанье, возвращался домой. Очевидно, он считал, что площади километр на километр вполне достаточно для охоты, и расширять ареал не считал нужным.

Однажды, в сумерках, я добыл двух оленей километрах в полутора от зимовья. Пока разделявал и обрабатывал туши, стемнело. Уложил в рюкзак «потроха», ноги, грудинки и заднюю часть от самого крупного оленя, остальное прикрыл шкурами и оставил до утра, пусть замёрзнет: не пачкает рюкзак и нести удобней.

Дома накормил Савку свежиной, а утром не услышал бодрого чириканья.

«Налопался от пуза и дрыхнет», - решил я и отправился за мясом.

Каково ж было моё удивление, когда в грудной клетке туши обнаружился растолстевший на дармовщинке горнак!

Хищник недовольно застрекотал-заскрипел, как железом по стеклу, стал бегать туда-сюда по туше, коротко взлаивать и даже имитировать атаки: мол, всё тут моё, а ты, дружище, проваливай!

- Ну и наглец же ты, Савватей Савельич! Я добытчик или кто?

- Чик-чик-чиррр! Тр-р-р-скр-р-ш-ш-ш-тяв! (Чур-р-р на одного! Кто не успел - опоздал!)

Этот патологический жадина был возбуждён до крайности: бусинки глаз так и полыхали алчным огнём. Ещё бы: такого изобилия на всю зиму хватит!

Пришлось обойти тушу и ударить по ней сзади обухом топора.

Савватей-Разбойник выскочил и, недовольно цвиркая, отбежал в сторону.

Я расчленил добычу и уложил в рюкзак.

Занятый своими мыслями, оглянулся лишь у порога избы. Горностаи, как верный пёс, скакал по моим следам с крупным куском мяса в зубах. На его симпатичной мордашке было написано совершенное довольство самим собой.

- Ах, ты умничка моя, труженик у моря, подобрал, что осталось!

Савка оставил добычу, встал на задние лапки, разгладил фельфебельским жестом усы, свистнул, крикнул, оттррапортовал:

- Чик-чик-тр-р-р-скр-р-р-цр-р-р! (Порррядок в танковых частях!)

По вечерам я включал радиоприёмник «Спидолу», и мы слушали музыку или новости этого не всегда белого света. В начале ночи на коротких волнах хорошая проходимость, мне часто удавалось поймать морзянку, передаваемую не очень опытным радистом, возможно, молодым солдатиком. Такой радист обычно передаёт группы цифр, передаёт не очень быстро, примерно со скоростью 60-70 знаков в минуту, а цифры на такой скорости имеют совершенно особенный, чарующий напев.

Я замирал у приёмника, вспоминая золотое времечко, проведённое на метеостанции, и одну знакомую радистку, обладающую совершенно особенным, чарующим голосом.

Эх! Что имеем - не храним, потерявши - плачем...

Однажды, крепко задумавшись, я сидел за столом и легонько крутил колёсико настройки - частота «плавала» и надо было добирать, как вдруг заметил сидящего рядом с моей рукой Савку.

Он сидел тихо, чего с ним никогда не бывало, и был весь внимание: слушал морзянку, поток цифр.

Я тихонько дотронулся до его лапки, до живота, до спинки, погладил по голове, почесал за ушком - ноль внимания, а ведь раньше он никогда не разрешал к себе притронуться, хоть и брал еду из рук!

Что за чудо? Никак вредная тётка Арктика подменила мне горнака?

Вдруг Савка напрягся, рванулся, обежал ящичек приёмника кругом, нашёл место, где изнутри были прикреплены звуковые динамики, поскрёб его лапкой и уселся рядом, изображая величайшее внимание.

Слушал недолго, подпрыгнул и упал всем своим «немалым» весом в 200 граммов на столешницу. Так горностаи мышей ловят. Затем засвистел-заскрежетал, заворчал, зашипел, неожиданно залез ко мне на ладонь и уселся, подобрав хвостик с чёрной кисточкой, как сидят кошки.

- Что, Савка, и тебе довелось на полярной станции радистов послушать? Родился что ли там?

Зверёк повернул ко мне смышлённую мордочку и глянул в глаза:

- Чик-чик- тр-р-р! Скр-р-р! Чик! (Человек! Пойдём туда! Там было хорошо! Там нас любили!)

- А может, и любят ещё, Савка, женское сердце отходчиво.

С тех пор мы часто слушали морзянку. Я — сидя за столом, Савка — на моей ладони.

И ещё много талантов открылось у Савки. Я не переставал удивляться тонкой нервной (так и хочется сказать: духовной) организации этого зверька, граничащей иногда с чудом.

Однажды он разволновался-разбежался всё от моей ноги к двери, да от ноги к двери.

Ну, открыл ему. Он по ящикам вскочил на подоконник в пристройке и давай окошко царапать. Обернётся ко мне и скрипит-посвистывает. Глянул и я в окошко.

А ночь полярная.

Чёрным-чёрнёхонька.

Хоть смотри не смотри, не видать ни зги.

Зажёг я фонарь, взял подмышку ружьё, открыл двери.

В трёх шагах - сугроб незнакомый. Метели давно не было и я насторожился. Поднял «сугроб» голову, глаза отразили свет, - умка!

После оглушительного дуплета у него над головой «босой» бежал.

А я потом лучшими кусочками рыбы Савку ублажал.

У белого медведя на лапах шерсть. Ходит неслышно. Даже Савка не мог его услышать через три стены.

Вот как он узнал, что у дверей «босой» затаился?

Не иначе, из параллельного мира информацию выудил.

Так и прожили мы с горностаичиком зиму. В начале июня пошли плюсовые температуры, обтаяли камни на берегу и появились проталины в тундре.

Вернулись пуночки и куропатки, значит, скоро и гуси прилетят!

Весна, Савка, весна!

Но в один печальный день горностаи пропал.

Наверное, побежал подругу искать.

Тяжело без подруги на белом свете.

Возвращайся, Савка, мы не дослушали морзянку!

Николай ЭЙХВАЛЬД

Родился 18 ноября 1979 года в деревне Новооболонь, Горьковского района, Омской области. Закончил исторический факультет ОмГУ, работает в книготорговой фирме. Стихи пишет с 1998 года, публиковался в коллективных сборниках, журналах «Пилигрим» и «Омская муза», в газете «Российский писатель». Участник межрегиональных писательских семинаров в Каменске-Уральском и Оренбурге, автор книги стихов «Свет не погаснет» (Омск, 2007), лауреат молодежной литературной премии Достоевского за 2008 год. Член Союза писателей России.

«В ожидании век короток»

В предзимье небо – книга без страниц,
Его значенье слишком непонятно.
Но тянут вверх сырые комья лиц
Людские неразборчивые пятна.
Лучи-обрубки тают в облаках,
Свою короткость чувствуя, как муку...
Вот эта книга - у меня в руках,
Но я прочел в ней только боль и скуку.

Мои глаза сомкнуться не могли,
А конь и ночь друг друга торопили.
Я видел на другом краю земли
Тебя в столбе дорожной серой пыли.
Старик торговец предлагал товар,
Бросали полонянок с седел кмети,
Твои глаза, как сабельный удар,
Мир рассекли, когда я их заметил,
Я видел все – и я не мог понять...
Степняк твое у горла платье комкал,
А ты... А ты смотрела на меня:
Твой вечный взгляд!
Твой влажный взгляд ребенка...
И мне теперь на землю не сойти.
Зачем же я чужим окован знаком?
Но я уснул. А ты ушла в Путивль,
Чтоб на стене по Игорю заплакать.

В ожидании век короток,
Голос мой, словно платье, выцвел.
Он останется в этих строках,
Словно тихий из лука выстрел.
Настоящий – сильнее и выше –
Первый крик мой разбудит город.
Я узоры до самого горла
На предсмертной рубаше вышью

Для тебя... Не грусти, не надо:
Горше смерти печаль твоя...
Ну зачем нам победы, ладо,
Если мне на стене стоять?

К холодной земле и к зиме второпях уходя,
Что-то в небе, словно падающий камень, застыло...
Слушай: вот он – первый выстрел дождя
В твой затылок.

...А руки твои поцелуем едва ли согреты.
Ты знаешь: осенний характер донельзя изменчив.
И даже вечерние тени, подумав об этом,
В холодных дождях становились все меньше и меньше.
Края облаков то видны, то невидимы вовсе,
Предчувствие преображенья похоже на правду,
И каждый фонарь перекрашивал сумерки в свой цвет,
И мокрые листья вздыхали, как призраки, рядом.
И лишь в тишине, отзвучавшей, как песня, над нами
Цвели фонари, неподвластные капризам осенним...
О, если б растаять и теплыми стать облаками,
Пусть даже сентябрь тут уже ничего не изменит,
И пускай этот ветер легко унесет нас на юг
Вместе с поздним теплом из твоих нецелованных рук.

Утро стрелецкой казни

Одинокий рассвет возвращался – далекий и прежний,
И короткие тени ушли, ожидая чего-то...
Это раннее Солнце, как самый последний мятежник,
Приближалось к ступеням с другой стороны эшафота,
Непрямые лучи обнажая в упрямом замахе,
Как протянутый крест – по законам,
для нас сбереженным...
И стрельцы забубенные головы клали на плахи,
Словно из темноты на подушки к возлюбленным женам,
Словно из темноты... Но темно было только вначале:
Если нам не забыть, так хотя бы не думать об этом!
Как румяные вдовы христосовались с палачами,
И голодные псы любовались безумным рассветом

В обезглавленном горе, как чьи-то тела, изувеченном,
В этой страшной эпохе убитых теней и надежд...
Но стрелы уходили. А Солнце – огромное, вечное,
Одинокое Солнце – начинало последний мятёж.

* * *

Зачем мы друг другу ответили?
Ведь письма – такие светлые
И немые
Уходят к тебе от меня, не простив молчания.
Нет, они не вернутся ко мне
На расстояние,
Может быть, века,
А может быть, нескольких сотен км
От встречи до встречи,
От пальцев до клавиш
Компьютера...
Нет, они не вернутся –
Гордые!
А ты все сияешь
Улыбкой в своем зимнем городе.
Декабрьская вьюга,
Утренний, нежный снег...
Ты помнишь,
Ты помнишь, чего мы так долго хотели?
Никогда не писать,
Просто видя друг друга –
Во сне –
В одной постели...

* * *

Мы поверим в себя
и забудем про высшую милость:
Благородный порыв для рассудка почти
невозможен,
Только нищенка эта
просить еще не научилась,
И ее не уверить ни правдой,
ни сказочной ложью,
И никто не поймет –
где-то рядом и где-то над нами,
Даже наша судьба,
не узнав безысходности этой,

**Яков
ЭЗАУ**
(1937–2014)

Родился в деревне Дея-тириковке, Омского района, Омской области, в семье меннонитов. Окончил Омский политехнический институт, по профессии инженер-конструктор. Автор трилогии «Не пыль на ветру». В последние годы жил и работал в Тюмени.

В поисках Бога

(глава из повести)

Глава 6. К новому мышлению!

И всё же, российские меннониты после коллективизации так и остались со своим заскоруж-лым мировоззрением?

По неписаным законам советской литературы все книги писателей-почвенников, повествующие о доколхозной жизни россиян, заканчиваются 1930 годом, как все любовные романы – свадьбой. Почему так – не автору этой книги судить. Очевидно, перед властью писатели как бы оправдывались: все тяжести крестьянской доколхозной жизни они изобразили, а дальше для их персонажей наступил колхозный рай. А если в колхозах рая и не было, то они не виноваты...

Но эта повесть пишется уже не в годы советской власти. И мы не можем оставить меннонитов в том состоянии, в котором они оказались в 1930 году. Ибо «меннониты» – это вера. И советская энциклопедия с гордостью сообщила, что меннонитов в СССР не осталось. А куда народ – плаудтитш, исповедующий эту веру, делся. Ведь из всего предыдущего текста нашей повести следует, что без религии этот народ существовать не может, ибо для них вся жизнь на земле лишь предыстория настоящей жизни на небе. Но проповедников не стало...

Конечно, и без проповедников люди Богу молятся. Но попробуй меннонитов на молитве поймать; у них икон нет, церквей нет. Чем не атеисты для власти?! Поэтому и составители словарей меннонитов не нашли. Ведь им совсем не обязательно перед всеми объясняться, какому Богу они молятся. Тем более детям не скажешь – упаси Бог! А забывчивым меннонитам напоминали, что о них не забыли. Была немецкая операция НКВД 1938 года, когда арестовали 55 тысяч немцев, из них 42 тысячи

расстреляли. И уж, конечно, меннонитов при этом не забыли. Вот когда всем припомнили все заграничные связи! Чем не немецкие шпионы?! Но репрессиями 1938 года все меннонитские проблемы не решили. Помогла решить их война. Хорошо известен факт ликвидации немецкой республики Поволжья. Но менее известно о судьбе молочанских и хортицких колоний Украины. Поволжских немцев выселили в Сибирь. Украинские в Сибирь не попали – их ещё с осени 1941 года сразу направили в ещё официально не организованные трудармейские концлагеря. И попали они туда в самый смертный период. К 1943 году их в лагерях уже практически не встречали. И дальнейшая их судьба автору не известна...

Но были ещё выжившие в кровавой мясорубке сибирские меннониты, которые попали в эти лагеря на 4 месяца позже с котомкой сухарей, тулупом и окороком. Из них многие выжили. Но об этом периоде автором уже рассказано в трилогии «Не пыль на ветру»...

Можно было бы рассказать о дальнейшей судьбе сосновцев, выселенных в Девятириковку, Халдеевку и другие немецкие деревни. Но стоит ли? Что читатели для себя там нового узнают? Как меннониты приобщились к водке, превратились в несунов, исчезло в их среде почтение к собственности? Вот, невидаль! Разрушать мораль – не рождать её...

Поэтому автор решил рассказать о судьбе правнука проповедника Франца (внука его младшего сына Франца). В этом повествовании использованы воспоминания Николая Яковлевича Зименса и его матери Лидии Андреевны (дочери Хайнриха Мирау). Но к моменту организации колхозов Николая Яковлевича ещё на свете не было, поэтому начнём повествование с воспоминаний Лидии Андреевны.

Прибыв в телячьих вагонах из Москвы в Сосновку после «эмиграции», стали ждать обещанного там возмещения инвентаря и скотины. Как без этого восстанавливать хозяйство? Одну лошадь на выпасах нашли сами. Ждать пришлось недолго...

Весной 1930 года в Сосновку нагрянула на бричках ватага пьяной голытьбы из соседних деревень во главе с вооружённым милиционером. Ворвавшись в дом к Якову Францевичу, пьяная компания потребовала водки и самогона. Хозяева на них удивлённо посмотрели – такого в их деревне отродясь не водилось. Пригласили их за стол отведать шей, но ватажники не были голодны, поэтому, сорвав ломami замки с амбаров (потребовать от хозяев ключей от амбарных замков они не удосужились), стали засыпать мешки зерном и грузить их на брички.

- Хороший самогон из кулацкой пшенички получится, – рассмеялся в лицо хозяевам один из «коллективизаторов».

Покончив с грабежом фермерских амбаров, добрались до деревенского магазина. С замком там справились привычным способом и стали опустошать

полки и кладовки магазина. Милиционер вытащил на улицу коробку с конфетами, разбил её прикладом, и стал втаптывать конфеты сапогами в грязь. «Зачем вы это делаете? – у него спросили сосновцы. – Лучше отдайте конфеты детям бедняков». «От ваших буржуйских конфет у пролетариев зубы болят» – зло ответил милиционер.

Закончив погром в деревне, сельчанам пригрозили: «Погодите, не то ещё будет! Мы вас, кровопийц, из деревни выкинем всех до одного».

Если их в Москве обманули, то тут не обманут. Это они уже знали точно. А семейным, с малыми детьми, куда деваться? Но молодые парни решили не ждать развязки. Собрали с родственников все золотые вещи (всё равно обещают и отнимут). Собрали котомки с одеждой и провизией и ночью верхом на лошадях подались в сторону китайской границы. Ехали только ночами, днём отсыпались в густых лесах. Границу перешли. Золотые вещи помогли добраться до морских пристаней и уехать в Канаду. В Канаде устроились батраками. Но в Канаде был такой закон: батраков ты имеешь право держать три года. За это время он у тебя должен заработать столько, чтобы завести собственное хозяйство (в России бы такой закон для гастарбайтеров – глядишь, и бандитизма было бы меньше!). Поэтому лодырей хозяева там не нанимали...

Но наша повесть не о тех, кому удалось из России выбраться.

Ждать обещанного выселения пришлось недолго. Выселили молодых – до 30 лет – в соседние деревни – они не успели стать кулаками.... Наш же рассказ о тех, кого выселили в места более отдалённые.

На сборы дали два часа. Взять можно было столько, сколько влезет на телегу. Всё же не то, что в руках унесёшь, как в 1941 году. Но и обеспечить всем необходимым на новом месте никто не обещал. Поэтому на телегу укладывались в первую очередь плотницкий и огородный инструмент. Но плуг и борону не положишь, надо же на телегу ещё и детей посадить, а их у Якова и Лиды было уже трое: Анна – 1926 г.р., Давыд – 1927 г.р. и Ваня – 1929 г.р. Женились Яков и Лида сравнительно недавно, в 1925 году – первом году благополучной жизни за годы советской власти. Казалось, жизнь налаживается, поэтому и дети дружно пошли. К 1928 году всё наладилось...

На подводах под конвоем добрались до Калачинска. Здесь пришлось ждать несколько суток, пока придут подводы из других деревень и подадут состав с привычными телячьими вагонами. Погрузили. Подводы по сходням в одни открытые вагоны. Лошадей в другие вагоны. Людей в третьи, но такие же, вагоны. Поехали. Путь до Новосибирска недолог. Прибыли. В Новосибирске повезли на пристань. Здесь стали ждать прибытия баржи и подъезда остальных ссыльных. Ждали неделю. За это время всех рассортировали: ремесленников и плотников отдельно для формирования промартели, хлеборобов – отдельно. Всё время ожидания жили под открытым небом. Питались непривычно – пищей, приготовленной на кострах.

Наконец баржи прибыли. Телеги и лошадей погрузили на палубе, людей утрамбовали в трюме и закрыли снаружи.

Неспешно маломощный буксир тянет баржу вниз по Оби. К берегу пристаёт раз в сутки. Душно в трюме, вонь стоит. Оправляются тут же в помойное ведро, которое вынесут на стоянке в сопровождении конвойного. Спать приходится по очереди – места всем не хватает. Люди болеют, стонут, умирают. Особенно много умирало детей. Плач стоит в трюме. Но никакие крики, стоны о помощи, просьбы хоть глотка воды тяжелобольным на конвоиров никак не действуют. Их проинструктировали, что охраняют они кулачье, врагов, злостных эксплуататоров – никакой жалости к ним.

На стоянках спешили похоронить умерших – до 15 человек их набиралось на барже за сутки.

Около Колпашево они обогнали баржу, севшую на мель. Узникам этой баржи повезло – их тут высадили. А баржа с сосновцами поплыла дальше до Васюгана. А это ещё недели пути. Наконец около Каргасок достигли устья Васюгана. Ещё день пути вверх по Васюгану, и их высадили в пустынном месте в тайге. В разбросанных по берегу реки редких избах встретили новосёлов враждебно и в свои избы не пускали. И неудивительно: за время пути вши с кулаков просто сыпались.

На берегу Васюгана людей разбили на две части: одним предстояло обособить артель на берегу, вторых повели по лесной дороге на 15 км вглубь тайги. Привезли их не совсем на голое место: контора с пристройкой для работников комендатуры тут уже стояла. Видимо, нанимали местных плотников. Прибывших разбили на две бригады: одной предстояло строить бараки для «новосёлов» и основать посёлок Таёжный; другой предстояло начать строительство мастерских: столярки, циркульной пилы для распиловки брёвен, кузницы и заводов: смолокуренного, дегтекурного и спиртопорошкового (из опилок). Что это были за «заводы», читателю понятно. Производство создавалось под навесом из жердей и дёрна. Для обогрева рабочих рядом с «заводами» соорудили охотничью избушку. Строительство бараков и «промышленных предприятий» шло под строгим надзором компетентных органов.

Но главное в настоящий момент было всё же строительство бараков – людям надо где-то жить. И никаких погонял им тут не требовалось: ни на чью помощь они не рассчитывали. Прибыли в конце июня – до зимы надо забраться под крышу и затопить печи. Так что прихваченные из дому топоры и пилы пригодились. Параллельно со строительством бараков каждая семья вечерами корчевала пни под огороды будущего года. Семьи, где были работники покрепче, в том числе Яков Францевич с Лидой, умудрились ещё ночами выстроить себе землянки. В октябре месяце все оказались под крышей в нескольких бараках и землянках.

Но не все уже у Якова с Лидой в новую землянку перебрались. Годова-

лый Ваня ещё на барже заболел и вскоре по прибытии на новое место умер. Смерть за время «путешествия» стала настолько обычным явлением, что всеобщим горем смерть маленького мальчика не стала. Только Лида неделю место себе не находила да четырёхлетняя Аня и трёхлетний Давыд ходили, как в воду опущенные, ещё не совсем понимая, что, собственно, произошло. Похоронили сына на вновь организованном кладбище, и за работу – семья должна выжить!

А чтобы выжить, надо есть. В обед строителей бараков и «промышленных предприятий» кормили баландой из тухлой капусты, привезённой из Каргасок. Брли с собой в столовую детей, чтобы их тоже накормить. Но что это была за еда? Отправляли их со старшими детьми в лес, чтобы они там ягод поели да после дождей грибов собрали. Варили щи из крапивы да лебеды. Чтобы перебить горечь, добавляли немного муки. И на этой затирухе жили.

В сентябре от голода заболела тифом Лида. Смерть в это время многих косила в посёлке – выполняла планы партии по уничтожению кулачества как класса. Металась Лида в жару и в беспамятстве. Не думала, что выживёт. А дети плачут, у папы есть просят. Но что он им мог дать? Целыми днями в это время он работал на корчёвке пней. Только из своей тарелки он мог в обед покормить их в столовой баландой. Подножный корм в тайге кончился.

Но молодой организм Лиды победил болезнь. Выжила. Видно, и маленькие дети не дали ей сдаться болезни – самой-то ей уже всё равно было.

Лида поднялась.... Но беда не приходит одна. Смертельно заболела Аня. Перед смертью всё просила корочку хлеба. Но где эту корочку взять. Похоронили и Аню – остался один Давыд.

Семейство Зименсов не было исключением. Мор был во всём посёлке. За зиму рабочая сила ополовинилась. Обе бригады слили в одну производственную бригаду, благо, бараки уже были построены.

Кстати о бараках. Если кто-то думает, что это были бараки, в которых жили рабочие в городах, то глубоко ошибаются. На строительство таких бараков времени не было. Барак здесь ничем не отличался от барака для заключённых с теми же нарами и печкой по центру. На печке целый день по очереди кипели чайники. И всё же барак был семейным, и семьи отгораживались ситцевыми занавесками (у кого ситец был)...

Так перезимовали первую зиму. Весной засадили огород, и у кого в семье работники оставались, строить себе вечерами и ночами жильё, ибо зимовать ещё одну зиму в бараке уже никому не хотелось. И дома строили сразу деревянные – леса хватало. И столярка появилась. А леса соснового было столько, что и неба не видно – всё это в диковинку степнякам.

Начали весной строить настоящую избу и Яков с Лидой Зименс. То, что в прошлом году ночами построили, используют под сарай и коровник (надо же скотину заводить!). Детей убавилось – забот меньше. Давыду из тарелки

в столовой уже больше доставалось. Вскоре на огороде пошёл щавель, редис, зелёный горох. Появились витамины. Голодная смерть уже не грозила.

Для сосновцев ещё одна особенность новой жизни: они же столетиями жили обособленно. Не только с другими нациями не смешивались, но и в свои колонии никого не пускали. Даже немцы для них другая нация, хоть в Россию и приехали все из Германии. Те из меннонитов, которые в города подавались, не в счёт – отщепенцы! А тут у них никто не спрашивал, с какими нациями их в Таёжном селить. Раскулачивали всех, в большинстве – русских. Самая разношёрстная масса в ссылке и среди меннонитов оказалась. По прибытию при формировании бригад началась регистрация. Документов у многих нет – зачем они в деревне? Да и кого на «Большой Земле» особо интересует «паспортные данные» «уничтоженных как класс» кулаков? Но учёт на новом месте нужен для отчёта в районной комендатуре. Очень медленно записывал всех малограмотный местный абориген. Дошла очередь до Якова Зименса. Записал Фамилию, имя, отчество. Записал, откуда прибыл. Далее:

- Национальность?

Как по-русски сказать «плаутдитш»? Меннонит не скажешь – это вера, за которую выслали (так сосновцы считали). Вспомнил:

- Голландец.

- Ты чо материшься? Какой голодранец?! Голодранцев сюда не ссылали!

- Да голландец я, из Голландии мои предки выехали.

- Говори по-русски: англичанин, француз или немец, раз не русский.

- Ну, пиши, немец, в Россию прадед из Германии приехал.

Если бы они знали, как это «ну, пиши, немец» через 10 лет аукнется!..

Вернёмся, однако, в 1931 год, когда Яков Францевич начал строить избу на свою небольшую семью. Добротный дом и в этом году вечерами не удалось построить – когда и какими силами? Да и думалось: всё это временно, когда-нибудь отсюда выберутся – не может же это продолжаться вечно! Откуда же ему было знать, что никакие сведения отсюда НИКОГДА не должны будут просочиться на «Большую Землю». Не должна эта информация мешать строительству светлого будущего! Не зря же их выселили без права переписки. Правда, лишения этого права они и не заметили. Они и раньше писем не писали. Да и кому писать? В Сосновке сейчас живут другие люди (о том, что Сосновка через два года прекратит существование, они уже не узнают никогда).

К зиме 1931 года Яков избушку построил. И в этом домике семья прожила долгих 23 года. Размер избы 3 на 4 метра. Высоту до поперечной балки он выбрал по своему росту – 184 сантиметра. Батюшка его Франц Францевич был высокий – 180 сантиметров. Яков его на 4 сантиметра обогнал. Уж выше в семье никого быть не может. Но откуда ему было знать, что сыновья его на 4 сантиметра обгонят?

Содержание

В. ЗАРЕЧНЕВА. Предисловие	3
А. ЦИЛЬКЕ. Mein Schöntal.....	9
В. ГЕЙНЦ. Lebensspuren	13
П. БЛЮМЕ. Die Malerin, die Arlekin malt.....	26
А. ВАЙЦ. Die lockende Kiste	30
Е. ГАММ. Этюды деревенской жизни.....	36
К. ГЕЙН. Роланд.....	42
А. ГЕНШЕЛЬ. Передо мной судьба двоих	50
В. ГЕРГЕНРЕДЕР. Святая женщина	54
А. GERMAN. Москва, 21 августа 1991 г.	60
З. ГРИНЁВА. Письмо с фронта.....	63
М. ДЕНИСОВА. Я - молодой!.....	66
А. ИОРДАН. Prosa und Geldgeruch der Liebe	70
А. ЗИНЧЕНКО. Веяние весны	77
В. КАЙЗЕР. Грусть	80
В. КАЙКОВ. У нас одна Родина	83
Т. КАСИЦКАЯ. Трудармейцам.....	90
С. КАЧЕРОВСКАЯ. Heimat.....	92
Э. МАТЕР. Отпуск.....	97
А. ОБГОЛЬЦ. Встречи в кулуарах власти.....	107
С. ОЗЕРЕД. Как я люблю тебя, Россия!	117
В. ОСТАНИНА. Кедр стоит одинокий.....	125
В. РУППЕЛЬ. Я твой навек - моя Россия.....	129
В. ТЕН. Ода нам	132
Г. ЦИЛЬКЕ Ein Herbstmotiv.....	136
Г. ШАРОВАТОВ. Сила духа.....	139
В. ШВАБАУЭР. Сердце рвётся на части	151
В. ШЕЛЬ. Иван Баллах	154
Н. ШЕЛЬ. Первый снег	167
Ф. ШЛЕГЕЛЬ. Детдомовский «Босяк»	169
А. ШМИДТ. Звёзды такие яркие.....	179
Н ШОКУРОВ. Frau Катерина.....	182
В. ЭЙСНЕР. Не поеду в Германию	191
Н. ЭЙХВАЛЬД. В ожидании век короток	197
Я. ЭЗАУ. В поисках Бога.....	201

В поисках счастья
Auf der Suche nach dem Glück

Подписано в печать 31.10.2014 г.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 300. Заказ № 242431.

Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»),
644007, Омск, ул. Орджоникидзе, 34, тел. 212-111

Предлагаемый читателю сборник произведений российско-немецких авторов «В поисках счастья», чья жизнь в тот или иной период была связана с Омским Прииртышьем, станет заметным событием для тех, кому небезынтересна судьба и культура немцев России. Ценность издания в том, что в нём представлено творчество как классиков русско-немецкой литературы, таких как Александр Цильке и Виктор Гейнц, так и только начинающих писателей и поэтов. Ещё одним достоинством настоящего сборника является его широкое жанровое разнообразие. В него включены отрывки из романов, повестей, драматических произведений, рассказы, шванки, очерки, эссе. Богатство тематики произведений, вошедших в сборник, способствует удовлетворению запросов, вкусов читателей разных национальностей, возрастов и интересов.